

Юридическое наследие

XX ВЕКА

ИЗБРАННОЕ

Б.С. Никифоров

Институт законодательства
и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации

Борис Сергеевич Никифоров

ИЗБРАННОЕ

Москва
2010

УДК 343.2
ББК 67.408
Н62

Н62 Никифоров Б.С.

Избранное / Составитель канд. юрид. наук А.А. Грави-
на — М: Институт законодательства и сравнительного пра-
воведения при Правительстве Российской Федерации,
2010. — 224 с.

ISBN 978-5-98209-105-5 (КОНТРАКТ)

Предлагаемые вниманию читателей исследования проблем состава
уголовного преступления: «Объект преступления по советскому уголовному
праву» (1960 г.), «Субъективная сторона в формальных преступлениях», а
также «Наказание и его цели» сохраняют свое теоретическое значение для
современной науки уголовного права.

Книга заинтересует ученых-правоведов, преподавателей, студентов
и аспирантов юридических факультетов ВУЗов, практикующих юристов.

В издании сохранены орфография, синтаксис и пунктуация оригиналов
произведений Б.С. Никифорова.

УДК 343.2
ББК 67.408

ISBN 978-5-98209-105-5 (КОНТРАКТ)

© Институт законодательства
и сравнительного
правоведения при Правительстве
Российской Федерации, 2010

*К 85-летию Института законодательства
и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Имя доктора юридических наук, профессора Бориса Сергеевича Никифорова, выдающегося советского ученого-юриста, хорошо известно юридической общественности как в нашей стране, так и за ее пределами.

Б.С. Никифоров (1913–1981 гг.) родился в Ташкенте. В 1930 г. по окончании семилетней школы он поступает на английское отделение Московского техникума иностранных языков, который заканчивает в 1933 г., и получает диплом с правом преподавания английского языка. В 1936 г. Борис Сергеевич поступает во Всесоюзный юридический заочный институт (ВЮЗИ), окончив который, работает в Московской городской коллегии адвокатов. Затем — аспирантура Института государства и права АН СССР и в 1945 г. — защита кандидатской диссертации на тему «Учение о виновности по английскому уголовному праву».

С 1957 по 1963 г. Б.С. Никифоров возглавлял сектор уголовного права Всесоюзного института юридических наук (ВИЮН), позднее реорганизованного во ВНИИСЗ.

Яркий талант Б.С. Никифорова как ученого со всей полнотой раскрылся в теоретических исследованиях проблем объекта преступления, уголовно-правовой охраны собственности, субъективной стороны преступления, института наказания, зарубежного уголовного права. Особое внимание Бориса Сергеевича привлекали вопросы теории советского уголовного права, и прежде всего одна из важнейших и сложнейших проблем — проблема объекта преступления, недостаточно разработанная в трудах советских криминалистов. Ей он посвятил десять лет творческой деятельности. Уже в 1948 г. в статье об объекте преступления Б.С. Никифоров обращает внимание на то, что объект преступления как фактор, в основном отражающий материальные условия жизни общества, определяет политическое содержание самого преступления.

Проблеме объекта преступления серьезное внимание уделялось в крупных монографиях: «Борьба с мошенническими посягательствами на социалистическую и личную собственность по советскому уголовному праву» (1952 г.), «Уголовно-правовая охрана личной собственности в СССР» (1954 г.), «Объект преступления по советскому уголовному праву» (1961 г.).

Представленный читателям труд «Объект преступления по советскому уголовному праву» является первым крупным монографическим исследованием данной проблемы в советской уголовно-правовой науке, в основе которой излагаются основные положения его докторской диссертации, защита которой состоялась в ВИЮНе в июне 1957 г. Автор поднял целый ряд сложных и актуальных проблем теории советского уголовного права, в частности о природе уголовного права, о предмете и методе уголовно-правового регулирования, об уголовных правоотношениях и т.д.

Защита диссертации Б.С. Никифоровым, по сути дела, переросла в интересный творческий диспут, участниками которого были виднейшие криминалисты — официальные оппоненты: профессора А.А. Герцензон, В.М. Чхиквадзе, П.С. Ромашкин и Л.Н. Смирнов, а также неофициальные оппоненты — профессора М.С. Строгович, В.Н. Кудрявцев, Е.А. Флейшиц.

В диссертации Б.С. Никифоров пересмотрел отдельные ранее высказанные им взгляды и изменил позиции по некоторым теоретическим концепциям объекта преступления. Например, если раньше предмет преступления рассматривался автором вне системы объекта преступления, то здесь уже он включается в структуру объекта преступления; если раньше Б.С. Никифоров придерживался трехстепенной классификации объекта преступления, то в диссертации данная позиция была подвергнута критическому пересмотру.

В этот же период пристальное внимание ученого привлекала проблема виновной ответственности — важнейшего принципа советского уголовного законодательства, возведенного в 1977 г. на уровень конституционного принципа.

В отличие от большинства советских криминалистов Б.С. Никифоров доказывал, что основанием уголовной ответственности является не состав преступления, а виновность лица в совершении преступления, которая включает не только обстоятельства, относящиеся к составу преступления, но и многие другие обстоятельства, подлежащие учету при назначении наказания, особенно —

характеризующие личность преступника. Другими словами, в содержание понятия «основания уголовной ответственности» он включал также и основания индивидуализации наказания.

Особое внимание Б.С. Никифоров уделял проблеме умышленной формы вины. Принцип субъективного вменения он считал важнейшим принципом уголовного права. В то время это имело исключительное значение, учитывая, что с первых лет советской власти уголовное право было ориентировано на признание объективного вменения как основания виновности лица в совершенном преступлении.

Его оригинальные на этот счет соображения получили отражение в статьях, опубликованных в журнале «Советское государство и право»: «Об умысле по действующему уголовному законодательству», «Применение общего определения умысла к нормам Особенной части УК», «Субъективная сторона в «формальных» преступлениях».

В публикуемой статье, например, рассматриваются проблемы, не получившие в то время решения либо решаемые противоречиво, но имевшие значение как для доктрины уголовного права, так и для правоприменительной практики. Анализируя различные подходы в понимании элементов субъективной стороны преступления (осознания общественно опасного характера совершаемых действий, отношения к последствиям этих действий) как в материальных преступлениях, так и в формальных преступлениях, автор подчеркивает, что особенность субъективной стороны преступления в отличие от других его сторон состоит в том, что малейшие нюансы в ее трактовке приводят к резкому изменению границ вменяемого и наказуемого, отмечает неразработанность в советской юридической литературе понятия сознания общественно опасного характера действия и необходимость нового подхода к определению «неосторожности» как формы вины.

Идеи, высказанные Б.С. Никифоровым в публикуемой статье, оказали влияние на доктринальное, а затем и законодательное решение в уголовном праве проблем невиновного причинения вреда.

Многолетняя работа над проблемой умышленной формы вины получила свое творческое завершение в написанной совместно с Г.А. Злобиным и опубликованной в 1972 г. монографии «Умысел и его формы». В этом исследовании высказано много интересных

мыслей и выдвинуты теоретические положения, имеющие важное значение для судебно-следственной практики.

В конце 50-х гг. прошлого столетия Б.С. Никифоров принимает активное участие в разработке проектов Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик и Уголовного кодекса РСФСР, являясь членом рабочей комиссии по составлению этих проектов. Большое значение при этом представляли его соображения о принципах кодификации уголовного законодательства, о соотношении Общей и Особенной частей уголовного закона, об основании уголовной ответственности и др.

На юбилейной сессии ВИЮНа, посвященной 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции, проходившей в октябре 1957 г., Б.С. Никифоров сделал содержательный доклад, посвященный истории советского уголовного права и задачам предстоящей кодификации. В нем подводились итоги развития советского уголовного права за 40 лет, отмечались как достижения, так и негативные моменты, имевшие место в советском уголовном праве и практике его применения. Б.С. Никифоров дал правильную оценку тем тенденциям, которые наметились в советской уголовной политике в конце 50-х гг.: смягчение уголовной ответственности за преступления, не представляющие большой общественной опасности, и усиление ее за тяжкие преступления.

Он одним из первых среди советских криминалистов высказался за необходимость глубокого, объективного и всестороннего изучения причин преступности в нашей стране и личности преступника. Б.С. Никифоров отстаивал необходимость воскрешения криминологии как самостоятельной отрасли юридической науки. Многим памятно его яркое выступление на Ученом совете Института государства и права в феврале 1962 г. при обсуждении доклада А.А. Герцензона о предмете, методе и структуре советской криминологии, в котором Б.С. Никифоров весьма оригинально и убедительно доказывал, что давно уже назрела пора серьезнейшим образом заняться изучением проблем причин преступности и ее предупреждения.

В 1963 г. Б.С. Никифоров переходит на работу во вновь созданный Всесоюзный научно-исследовательский институт по изучению причин и разработке мер по предупреждению преступности, где занимает должность заведующего сектором уголовного права.

Под его руководством в 60-е гг. был подготовлен ряд крупных и интересных работ, посвященных теоретическим проблемам борьбы

с преступностью, и среди них солидная монография «Эффективность уголовно-правовых мер борьбы с преступностью» (М., 1968 г.).

Теоретические положения Б.С. Никифорова по тем или иным проблемы уголовного права находят отражение в действующем уголовном законодательстве. Уголовный кодекс Российской Федерации впервые одной из целей наказания называет восстановление социальной справедливости.

Рассматривая наказание одновременно как метод социального контроля и средство самозащиты общества от преступления, Б.С. Никифоров несколько десятилетий назад акцентировал внимание на наказании с позиции его общественной полезности. Эти положения конкретизированы в статье «Наказание и его цели», опубликованной в 1981 г.

Важнейший элемент общественной полезности наказания, пишет автор, его существеннейшая интегративная цель заключается в том, что применение наказания есть способ возвращения нарушенного социально-психологического порядка в упорядоченное состояние, есть метод его восстановления. В результате применения наказания нарушение как бы «погашается» как в социальной действительности, так и в общественном сознании. В ином случае в общественном сознании может быть поколеблен престиж государства, порождено недоверие к государственной власти, к ее способности обеспечивать общественный порядок как необходимую предпосылку нормальной жизнедеятельности общества.

Поэтому общественная полезность наказания выражается в том, что каждый акт его применения содействует устранению в умах граждан тревоги и беспокойства за благополучие — свое собственное и близких людей, за свою и их жизнь, здоровье, душевное спокойствие, имущество, жилище.

Анализ наказания с указанной позиции в полной мере объясняет назначение наказания как средства восстановления социальной справедливости.

В сфере применения уголовной репрессии Б.С. Никифоров был сторонником строжайшей ее экономии. Он убедительно отстаивал идею о сокращении сферы применения лишения свободы и более широкого применения видов уголовного наказания, не связанных с лишением свободы. Как известно, именно по этому пути пошли в дальнейшем не только судебная практика, но и уголовное законодательство.

В 1969 г. Б.С. Никифоров переходит на работу в Институт США и Канады АН СССР, в котором до последнего дня своей жизни руководил сектором проблем правового регулирования. И в связи с этим нельзя пройти мимо того огромного вклада, который был внесен им в разработку проблем зарубежного права.

Глубокие исследования проблем советского уголовного законодательства и права неизменно сочетались у Б.С. Никифорова с интересом к вопросам зарубежного уголовного права, криминологии и карательной политики, прежде всего — Великобритании и США.

При этом особое место в творческом наследии Б.С. Никифорова занимают осуществленные под его руководством переводы нормативных актов, трудов зарубежных юристов и криминологов, его вступительные статьи к этим изданиям, каждая из которых представляет самостоятельный научный интерес. В частности, очень полезным для отечественных криминалистов оказался перевод книги одного из крупнейших авторитетов в области англосаксонской правовой системы К. Кенни «Основы уголовного права» (М., 1949 г.). Во вступительной статье к этому фундаментальному труду Б.С. Никифоров рассмотрел сложную проблему соотношения общего (прецедентного) и статутного права и сформулировал следующий вывод, являющийся результатом не только правового, но и социально-политического анализа этих двух основных источников английского права: «Там, где требуется осуществить крутой уголовно-политический поворот, крупный маневр, радикальное мероприятие, на сцену выступает законодатель. Отделка, частичное исправление продуктов законодательного творчества, подгонка деталей, приспособление законодательной формулы к меняющимся текущим запросам уголовной политики буржуазного государства — это дело общего права» (с. XVI—XVII). Здесь же, как и в предисловии к переводу книги Питера Арчера «Английская судебная система» (1959 г.), Б.С. Никифоров очень интересно раскрыл особенности английской системы судопроизводства, обратив внимание на нарушения формально провозглашаемых принципов равенства сторон, независимости судей и т.п.

В конце 40-х — середине 50-х гг. Б.С. Никифоров опубликовал ряд исследований по «зарубежной» проблематике, которые впоследствии получили развитие и в его собственных трудах, и в работах других отечественных юристов. Так, серия его статей, содержащих резкую критику концепций Э. Хутона и других продолжателей

учения Ломброзо на американской почве, привлекла внимание советских исследователей к американской криминологии, влияние которой на международной арене до этого явно недооценивалось. Б.С. Никифоров первым занялся изучением и одной из специфических форм преступности, получившей наибольшее распространение в США. В его книге «Организованная преступность в США на службе монополий» (1954 г.) вскрывались механизм организованной преступности, связь гангстеров и рэкетиоров с полицейскими органами, использование монополиями банд организованных преступников для достижения своих целей.

В последующие годы при активном участии Б.С. Никифорова в нашей стране были подготовлены к изданию переводы книг, которые в своей совокупности показывают широту и в то же время целенаправленность его научных интересов. Это сборник лекций профессора Д. Карлена «Американские суды: система и персонал» (1972 г.), книга бывшего министра юстиции Р. Кларка «Преступность в США» (1975 г.), книга видного норвежского ученого в области уголовного права и криминологии И. Анденеса «Наказание и предупреждение преступлений» (1979 г.) и «Введение в криминологию» американского профессора В. Фокса (1980 г.). Во вступительных статьях к этим книгам Б.С. Никифоров прекрасно использовал возможность поделиться с читателями своими соображениями по таким сложным и актуальным проблемам, как судьба конституционных гарантий правосудия в США, связь между преступностью и структурой буржуазного общества, оценка роли общего предупреждения в деле борьбы с преступностью и, наконец, состояние криминологии в США. Хотелось бы еще раз подчеркнуть, что выполненная при этом Б.С. Никифоровым работа всякий раз неизменно становилась оригинальным научным исследованием.

В 70-х гг., после того как Б.С. Никифоров возглавил сектор проблем правового регулирования Института США и Канады АН СССР, соответствующая тематика заняла основное место в его научных исследованиях. И в связи с этим хотелось бы выделить во многом новаторскую книгу «США: преступность и политика» (1972 г.), подготовленную коллективом авторов во главе с Б.С. Никифоровым. В ней детально исследованы формы преступности, а главное, вскрыто многообразие связей между проблемами преступности и политической правящих кругов США, позициями политических партий и т.п. В разделах этой книги, принадлежащих перу Б.С. Никифорова, а так-

же в его статьях «Преступность и политика», «Проблема преступности в избирательной кампании 1972 года» и «США: коррупция в высших сферах (заметки юриста)» сформулирован ряд новых выводов, относящихся к самым различным аспектам проблемы преступности в США. Эти проблемы не обошли и современную Россию. В частности, Б.С. Никифоров подчеркивал, что «беловоротничковая» и организованная преступность не только оказывают разлагающее влияние на государственный аппарат и причиняют огромный материальный ущерб, но и в силу почти стопроцентной безнаказанности коммерческих махинаций и гангстерских убийств содействуют деморализации общества и созданию той «криминогенной атмосферы», в которой распространяется, достигая чудовищных размеров, и общеуголовная преступность.

На протяжении всей своей жизни Б.С. Никифоров проявлял также большой интерес к вопросам юридической лингвистики: к теории и практике перевода юридической литературы. Известным отражением этого явился изданный в 1964 г. «Англо-русский юридический словарь» С.Н. Андрианова и А.С. Никифорова (под редакцией Б.С. Никифорова и Т.Б. Мальцман) — первый и пока что единственный опыт создания крайне нужного словаря такого рода. В последние годы своей жизни Б.С. Никифоров работал над собранием латинских юридических формул и выражений, которое вышло в свет в 1979 г. под названием «Латинская юридическая фразеология». Это также первое в нашей стране издание, в котором собрано несколько тысяч латинских юридических терминов, выражений и их русских аналогов, описывающих основные институты и нормы римского и средневекового права (государственного, гражданского, уголовного, процессуального и др.). Эта книга стала настольной для многих специалистов, занимающихся проблемами истории права и изучением современной правовой доктрины зарубежных государств.

Б.С. Никифоров был человеком огромного личного обаяния, высочайшего интеллекта, неиссякаемого юмора и тончайшего остроумия. Общение с ним всегда обогащало не только коллег по работе, но и всех тех, кто обращался к нему за различными советами как научного, так и личного характера. Что же касается его научных интересов и творческих планов, то они всегда были неисчерпаемы. Он обладал огромной эрудицией. Его интересовало буквально все: проблемы искусства и литературы, философии и театра, живописи и кибернетики.

Научный авторитет Б.С. Никифорова был необычайно высок не только в нашей стране, но и за рубежом: он был избран почетным доктором прав Эдинбургского университета в Шотландии; вице-президентом общества СССР — Великобритания; в 1974 г. ему было присвоено звание заслуженного деятеля науки РСФСР.

Его научные доклады, многочисленные выступления при обсуждении самых различных проблем советской юридической науки всегда приковывали к себе внимание аудитории. Полемический задор был у него неразрывно связан со страстной убежденностью в правильности отстаиваемых им идей; железная логика рассуждений и доводов — с живостью, афористичностью и образностью изложения. Припоминается такой эпизод: на одном из заседаний Ученого совета во ВНИИ МВД СССР в конце 70-х гг. шло обсуждение проблемы соотношения лишения свободы и иных мер наказания. Оно проходило довольно скучно, каждый занимался своими делами, не прислушиваясь особо к тому, о чем говорят выступающие. Но вот на трибуне появляется Б.С. Никифоров... первые две фразы, и в зале воцарилась гробовая тишина, внимание всех приковано к нему. А суть его выступления состояла в обоснованной аргументации необходимости строжайшей экономии репрессий. Этот принцип в то время начал предаваться забвению. Б.С. Никифоров убедительно отстаивал идею о сокращении сферы применения лишения свободы и более широкого применения видов уголовного наказания, не связанных с лишением свободы. Как известно, именно по этому пути пошли в дальнейшем не только судебная практика, но и уголовное законодательство.

На протяжении всей своей творческой деятельности Б.С. Никифоров успешно сочетал научно-исследовательскую работу с педагогической деятельностью. Его лекции всегда носили проблемный характер, заставляли студентов вникнуть в суть освещаемых вопросов. Будучи ярким противником всевозможных шаблонов и трафаретов, никогда не затрагивая в лекциях прописных истин и набивших оскомину положений учебников, Б.С. Никифоров своим ораторским мастерством, своего рода артистизмом самого высокого уровня умел пробудить у студентов не только интерес к уголовному праву, но и стремление к расширению своего кругозора.

В 1975–76 гг. Б.С. Никифоров первым начал читать в Академии МВД СССР спецкурс по социологии уголовного права. Важно отметить, что многие положения его лекций о социальной об-

условленности уголовного закона, о соотношении уголовной политики, уголовного права и уголовной социологии, криминализации, являвшиеся тогда для многих откровением, получили впоследствии творческое развитие в трудах ряда отечественных криминологов.

Чувство новизны, творческий, новаторский подход Б.С. Никифорова ко многим явлениям и событиям правовой действительности — основные черты индивидуальности этого ученого.

Доктор юридических наук, профессор
Ф.М. Решетников,
доктор юридических наук, профессор
О.Ф. Шишов,
кандидат юридических наук
А.А. Гравина.

ОБЪЕКТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПО СОВЕТСКОМУ УГОЛОВНОМУ ПРАВУ

(Государственное издательство Юридической литературы, Москва, 1960)

ВВЕДЕНИЕ

Решения XX и XXI съездов КПСС поставили задачу дальнейшего укрепления социалистической законности в нашей стране.

В области советского уголовного права борьба за законность есть в первую очередь борьба за правильное, точное, отвечающее государственным интересам понимание и применение законодательных определений преступлений, правильное понимание составов преступлений и на этой основе применение уголовной репрессии только к лицам, виновным в совершении преступления.

Советский судья, решая на основе закона вопрос о правовой оценке действий, вменяемых в вину, отдает себе отчет в том, что преступление, совершаемое в конкретной обстановке определенными лицами, всегда конкретно общественно опасно. При глубоком исследовании события, подлежащего судебной оценке, нередко оказывается, что внешне «одни и те же» действия, влекущие за собой «одни и те же» последствия, в действительности содержат составы различных преступлений, имеют неодинаковое политическое содержание и направленность. Такие действия в зависимости от конкретного содержания могут и должны получать различную правовую квалификацию.

Разработка проблемы объекта преступления (уяснение понятия и места объекта в общем определении преступления, выяснение значения объекта для определения круга преступного и объема действий, наказуемых в соответствии с конкретными нормами Особенной части уголовного кодекса, а также для правильной квалификации действий, вменяемых в вину, и для характеристики других элементов состава преступления) представляет собой один

из методов выявления политического и правового значения ряда уголовно-правовых институтов.

Уголовное право, уголовное законодательство, преступление, наказание — все это явления глубоко политические по своему содержанию. Уголовный закон ставит перед собой и преследует классовые, политические цели. Важнейшее назначение советского уголовного закона — охрана коллективных или индивидуальных, но всегда по содержанию или по значению социальных интересов людей, объединенных в социалистическое государство диктатуры рабочего класса.

Объект преступления и объект уголовно-правовой охраны — совпадающие понятия¹. Объект преступления — это тот общественный интерес, против которого направляется преступление и который берет под свою защиту уголовное право.

Проблема объекта преступления имеет ряд теоретических и практических аспектов; их политическое значение трудно переоценить.

Необходимо прежде всего подчеркнуть значение общего определения объекта преступления для установления границ преступного, для отграничения преступления от других правонарушений, а также от явлений, безразличных для права. Ведь если преступление есть правонарушение, посягающее на определенные объекты, не на любые, а только на некоторые интересы, охраняемые ввиду их значения уголовным законом, то отсюда следует, что правонарушения, причиняющие ущерб другим интересам, не являются преступлениями и поэтому не должны влечь уголовной репрессии. Если в других случаях преступлением является (правонарушение, причиняющее объекту не любой, а определенный вред, не всякий ущерб, а только и именно тот, который законодатель стремится предотвратить угрозой наказания, то отсюда следует, что правонарушения, причиняющие объекту другой какой-либо вред, также не являются преступлениями. При этом следует иметь в виду, что правильное представление об общем объекте преступления необходимо не только для законодателя, решающего вопрос об общей линии и «объеме» уголовной репрессии в данных исторических условиях, но и для практических работников. Материалы судебной практики показывают, что при доказанности фактической стороны осуждение невиновных и неосновательное освобождение от ответственности лиц, совершивших

¹ В Основах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 года в качестве задачи уголовного законодательства в ст. 1 указывается охрана тех самых объектов (советского строя, личности, прав граждан и т.д.), посягательство на которые составляет основное содержание понятия преступления (ст. 7 Основ). См. М. И. Федоров, Понятие объекта преступления по советскому уголовному праву, «Ученые записки Пермского государственного университета имени Горького», т. XI, вып. 4, кн. 2, 1957, стр. 180.

преступление, в ряде случаев имеют место потому, что судебные органы недостаточно ясно представляют себе границы области уголовно-правовой охраны, сферу объекта преступления.

Верное в общем — верно и в отдельных случаях. Если в общем определении объект дает возможность установить круг преступного и, следовательно, определяет квалификацию действия в качестве преступления или же признание его непроступным, то объекты, указываемые или предполагаемые отдельными нормами Особенной части уголовного права, имеют аналогичное значение. Если преступление в общем виде может быть определено как действие или бездействие, посягающее на охраняемый уголовным правом общий объект, то каждое преступление представляет собой посягательство на соответствующий объект. Поэтому объекты, охраняемые отдельными нормами Особенной части, имеют весьма серьезное значение как для решения вопроса о круге действий, запрещаемых или требуемых данной нормой, так и в связи с этим для правильного решения другого весьма важного вопроса о том, подпадает ли данное деяние или не подпадает под признаки данной нормы, иными словами, подлежит ли оно или не подлежит квалификации по данной статье уголовного кодекса. Наряду с другими признаками различия весьма многие преступления отличаются друг от друга в первую очередь по объекту. Поэтому есть все основания считать, что неправильная квалификация содеянного в ряде, а быть может даже и в большинстве случаев имеет своим источником неправильное решение вопроса об объекте преступления¹.

Проблема объекта преступления — одна из важных и сложных проблем советского социалистического уголовного права. Она принадлежит также к числу чрезвычайно мало разработанных проблем. «Проблема объекта преступления является не менее важной и философски глубокой проблемой, чем проблема вины и причинения, — отмечают М.Д. Шаргородский и Н.С. Алексеев, — она только значительно менее разработана в нашей литературе...»². Действительно, если по вопросам вины имеется ряд монографий и статей, если проблемам вины, ответственности, причинной связи в уголов-

¹ Характерно, что на основе соображений об объекте преступления некоторые авторы разрабатывают многие вопросы состава преступления. См. L. Lergnell, *Wlasnosc spoleczna jako przedmiot ochrony prawa karnego*, 1959; М.И. Федоров, *Охрана труда как объект преступного посягательства*, «Ученые записки Пермского государственного университета имени Горького», т. XV, вып. 3, 1958; его же, *Понятие объекта преступления по советскому уголовному праву*, «Ученые записки Пермского государственного университета имени Горького», т. XI, вып. 4, кн. 2, 1957, стр. 180.

² М.Д. Шаргородский, Н.С. Алексеев, *Актуальные вопросы советского уголовного права*, «Ученые записки Ленинградского университета имени А.А. Жданова», № 182, серия юридических наук, вып. 5, стр. 188–189.

ном праве посвящена не одна диссертация, то об объекте преступления опубликовано лишь несколько статей (Н.И. Загородникова, В.Н. Кудрявцева, Г.А. Кригера и некоторых других), на эту тему нет ни одного монографического исследования, а в учебниках и в диссертациях по различным вопросам Особенной части об объекте преступления содержатся весьма краткие и подчас не очень ясные соображения. Трудно назвать какую-либо другую проблему уголовного права, в которой столь многое было бы спорно, как в области учения об объекте преступления¹. В литературе не решен даже вопрос о том, что является этим объектом — общественные отношения или что-либо иное. Неясно содержание самого понятия общественного отношения. Почти не встречается попыток исследовать «механизм» нарушения общественного отношения преступлением. Между тем эти и многие другие вопросы, связанные с проблемой объекта, имеют весьма большое значение для дальнейшего укрепления социалистической законности в области правосудия по уголовным делам.

Разработка проблемы объекта преступления заслуживает внимания также на фоне настойчивого стремления буржуазного уголовного права уйти от этого политически острого вопроса или фальсифицировать его решение². Это стремление понятно: буржуазное уголовное право, охраняющее своекорыстные интересы эксплуататоров, стремится представить эти интересы в ложном виде или ложно выдать их за интересы всего общества³. Преступления, совершаемые в СССР, являются общественно опасными действиями в подлинном смысле слова, они нарушают интересы не какой-либо одной части общества, а всего общества в целом. Успешность борьбы с преступностью в СССР во многом зависит от правильного понимания политического характера и свойств преступных деяний, а это в свою очередь тесно связано с уяснением характера общественных интересов, нарушаемых преступлением, — его объектов⁴.

¹ См. Г. А. Кригер, К вопросу о понятии объекта преступления в советском уголовном праве, «Вестник Московского университета» 1955 г. № 1, стр. 111. См. также В. Vybiral, Pojem a vyznam objektu trestneho cinu v ceskoslovenskem socialistickem trestnim pravu, 1956, str. 154.

² См. V. Solnar, Dr. Boris Vybiral. Pojem a vyznam objektu trestneho cinu..., «Praynik» 1956. № 4, str. 367.

³ См. В. Vybiral, указанная работа, стр. 154.

⁴ Настоящая работа представляет собой сокращенный вариант диссертации, защищенной на соискание ученой степени доктора юридических наук в 1957 году во Всесоюзном институте юридических наук. Учитывая замечания товарищей, принявших участие в обсуждении работы при ее защите и в последующее время, а также опубликованную с тех пор литературу, автор внес в нее некоторые изменения, что следует иметь в виду при сопоставлении этой работы с прежними работами автора об объекте преступления.

ГЛАВА I

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЕ ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ КАК ОБЪЕКТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

§ 1. Постановка вопроса и общее решение

1. Советское уголовное право составляет одну из отраслей советского социалистического права. Как и любая другая отрасль советского права оно представляет собой совокупность правил поведения, установленных советскими законами в целях охраны, закрепления и развития социалистических порядков, общественных отношений социализма. Соблюдение этих правил в случае необходимости обеспечивается государственным принуждением.

Вместе с тем уголовное право отличается от других отраслей советского права рядом особенностей. Иначе и не может быть, так как в противном случае не было бы оснований для существования уголовного права в качестве особой, самостоятельной отрасли права.

Однако по вопросу о том, каковы эти особенности, в советской литературе нет достаточной ясности.

Если обратиться к соображениям, излагаемым по вопросу о системе права в учебниках теории государства и права, то нельзя не прийти к выводу, что специфика уголовного права, по мнению авторов этих учебников, заключается в том, что оно не регулирует общественные отношения, а относится к ним как-то иначе, например, как говорят иной раз, охраняет общественные отношения, регулируемые другими отраслями права¹.

Прежде всего необходимо установить, регулируют ли нормы права непосредственно общественные отношения или что-либо иное.

Нам представляется, что нормы любой отрасли советского социалистического права могут регулировать и фактически регулируют только действия, поступки, поведение людей. «Всякая норма права по своему непосредственному интеллектуально-волевому содержанию, — отмечает Н. Г. Александров, — есть определенный указатель (поведения людей в их взаимоотношениях друг с другом»². Веления и запреты закона обращены к людям, более того, к людям, способным понимать волеизъявления законодателя и действовать в соответствии с ними. Особенно ясно это видно на примере уголовного закона. Положения советского уголовного права о возрасте, с наступлением которого возможна уголовная ответственность, о вменяемос-

¹ См. «Теория государства и права», М., 1949, стр. 443, 450; см. также учебник «Теория государства и права», изданный в 1955 году, а также соображения М. Д. Шаргородского и О. С. Иоффе по этому вопросу в статье «О системе советского права» («Советское государство и право» 1957 г. № 6, стр. 108–109).

² См. А. Л. Ривлин, Об уголовно-правовых и уголовно-процессуальных отношениях, «Правоведение» 1959 г. № 2.

ти как необходимой предпосылке, умысле и неосторожности как необходимых условиях уголовной ответственности свидетельствуют о том, что советский уголовный закон адресуется к лицам, по своему возрасту, психическому состоянию и обстоятельствам дела способным отдавать себе отчет в своих действиях, руководить ими, сознавать характер причиняемых этими действиями последствий.

Уголовный закон, запрещая совершение определенных действий, направляет поведение людей, требует от них воздержания от совершения преступлений¹.

Следует, однако, иметь в виду, что регулирование поведения граждан правовыми средствами — это, само собой разумеется, не самоцель и не конечная цель права. Закон обязывает граждан воздерживаться от совершения или, наоборот, требует от них совершения определенных действий в первую очередь не для того, чтобы приучить их к послушанию, а ради закрепления определенных отношений, которым мог бы быть причинен ущерб в случае совершения запрещенных или несовершения требуемых законом действий.

Правовая норма — это правило, призванное направлять поведение людей в целях закрепления порядков, выгодных господствующему классу.

Это положение в полной мере относится и к советскому уголовному праву. Обязывая граждан совершать одни действия и воздерживаться от совершения других, предоставляя государственным органам право применять наказание за нарушение этой обязанности, нормы советского уголовного права, как и нормы любой другой отрасли советского права, закрепляют устои социализма, его ведущие принципы, социалистические общественные порядки. Иными словами, связывая как с актом издания, так и с актом нарушения нормы уголовного закона определенные правоотношения, советский уголовный закон и применяющий его советский суд закрепляют определенные общественные отношения².

Советское уголовное право — одна из отраслей советского социалистического права, для которого установление правил поведения граждан есть лишь метод достижения им его конечной цели — *закрепления социалистических общественных отношений*. Таким обра-

¹ Как видно, указанные уголовно-правовые отношения возникают в связи с нормой уголовного закона. Их не следует смешивать с теми общественными отношениями, часто имеющими, как будет показано ниже, характер общественно-правовых отношений, которые могут существовать независимо от уголовного закона и ради закрепления и охраны которых создаются и существуют уголовно-правовые отношения. См. М.И. Федоров, Понятие объекта преступления по советскому уголовному праву, «Ученые записки Пермского государственного университета имени Горького», т. XI, вып. 4, кн. 2, 1957, стр. 182.

² Мы видели, что в этом случае правильнее говорить о закреплении общественных отношений.

зом, советское уголовное право, как и любая другая отрасль советского права, *регулирует поведение людей и таким путем закрепляет определенные отношения между людьми в обществе — общественные отношения социализма.*

Далее необходимо остановиться на вопросе: можно ли вообще противопоставлять друг другу различные отрасли права по тому признаку, что одни из них закрепляют или «регулируют» общественные отношения, тогда как другие только охраняют их? Можно ли, в частности, на этой основе противопоставлять уголовное право как «охранительную» отрасль права другим — закрепляющим или «регулирующим» отраслям?

На первый взгляд может показаться, что на этот вопрос должен быть дан положительный ответ. Достаточно указать, что трудовая дисциплина на транспорте, порядок исполнения гражданами СССР почетной обязанности службы в вооруженных силах, порядок ввоза товаров из-за границы и вывоза их за пределы СССР, производство строительных и горных работ, охрана труда и т.д. регулируются специальными законоположениями не уголовно-правового характера. В то же время нарушение установленных этими законоположениями правил влечет за собой уголовную ответственность по статьям уголовного закона — за нарушение работниками транспорта трудовой дисциплины, нарушение порядка несения воинской службы, контрбанду, нарушение законов, регулирующих применение труда, законов об охране труда и т.д.

Однако с таким решением вопроса нельзя согласиться.

Даже если придерживаться весьма распространенного взгляда, согласно которому отдельные отрасли права (гражданское, трудовое, земельное, колхозное, семейное) регулируют¹ те или иные общественные отношения (имущественные, трудовые, по землепользованию, брачные и семейные), то и тогда остается бесспорным, что понятием «регулирования» охватывается и правовая охрана этих отношений от нарушений. Так, неуплата долга может повлечь принудительное взыскание должного по решению суда, нарушение трудовой дисциплины может иметь своим результатом увольнение нарушителя с работы. Нетрудно видеть, что во всех этих случаях речь идет о различных методах охраны общественных отношений социалистического общества. Таким образом, момент охраны общественных отношений в отличие от их регулирования не является специфическим для уголовного права.

С другой стороны, считая, как уже указывалось, действия, поступки людей непосредственным предметом правового регулиро-

¹ Мы видели, что в этом случае правильнее говорить о закреплении общественных отношений.

вания, следует прийти к выводу, что уголовное право охраняет те или иные общественные отношения посредством регулирования поведения людей; с этой стороны оно ничем не отличается от других отраслей права. Таким образом, момент «регулирования общественных отношений» в отличие от их охраны не является специфическим для гражданского, трудового и других отраслей права.

Далее против рассматриваемого вывода можно выдвинуть и другие аргументы. Если считать, что уголовное право только охраняет общественные отношения, регулируемые другими отраслями права, то возникает вопрос, какими отраслями права регулируются общественные отношения, охраняемые уголовным правом, например, при убийстве и других преступлениях против личности. Возможность применения интересующего нас вывода к фальшивомонетничеству, спекуляции и ряду других преступных деяний крайне сомнительна. Даже в приведенных примерах уголовная ответственность наступает не во всех случаях нарушения запрета или требования гражданского, трудового и т.п. законодательства, а только при наличии определенных условий, обычно указанных в самом уголовном законе. Так, нарушение трудовой дисциплины на транспорте может влечь уголовную ответственность только при фактическом или возможном наступлении указанных в уголовном законе тяжких последствий (ст. 22 Закона об уголовной ответственности за государственные преступления 1958 года). Контрабанда является преступлением лишь при наличии определенных квалифицирующих признаков (ст. 15 того же Закона). Закон об уголовной ответственности за воинские преступления 1958 года в ряде случаев (п. «б» ст. 3, п. «б» ст. 5 и др.) предусматривает отпадение уголовной и применение дисциплинарной ответственности при наличии смягчающих вину обстоятельств.

Таким образом, мы и с этой стороны не усматриваем принципиальных различий между уголовным правом и другими отраслями советского права: как и любая отрасль советского социалистического права, уголовное право, регулируя своими нормами поведение людей, тем самым закрепляет общественные отношения социализма и охраняет их от нарушений. Уголовно-правовая охрана этих отношений есть средство, а регулирование поведения людей нормами уголовного закона представляет собой метод закрепления социалистических общественных отношений.

Положение о том, что нормы советского уголовного права закрепляют и охраняют социалистические общественные отношения и что, следовательно, именно эти отношения являются также объектом совершаемых в СССР преступлений, подтверждается советским уголовным законодательством и признается в советской уголовно-правовой литературе.

Что касается уголовного законодательства, то характеристика уголовного права как средства охраны общественных отношений от преступлений как посягательств именно на общественные отношения, а не на что-либо иное нашла отражение уже в Руководящих началах по уголовному праву РСФСР 1919 года.

Во введении к этому документу подчеркивается служебная роль уголовного права и указывается, что объектом преступления являются новые условия общежития, которые уголовное право берет под свою защиту.

В соответствии со ст. 2 Руководящих начал содержанием уголовного права являются правовые нормы и другие правовые меры, охраняющие систему общественных отношений данного классового общества от нарушений (преступлений) посредством репрессии (наказания).

Отсюда следует (ст. 5 Руководящих начал), что «преступление есть нарушение порядка общественных отношений, охраняемого уголовным правом».

Поэтому под наказанием Руководящие начала понимали «...те меры принудительного воздействия, посредством которых власть обеспечивает данный порядок общественных отношений от нарушителей последнего (преступников)» (ст. 7).

Формулировки Руководящих начал подверглись дальнейшей разработке и были уточнены в позднейших законодательных актах. Уголовный кодекс РСФСР 1922 года в ст. 5 устанавливал чрезвычайно важное положение, что уголовное законодательство РСФСР «... имеет своей задачей правовую защиту государства трудящихся от преступлений... и осуществляет эту защиту путем применения к нарушителям революционного правопорядка наказания...». В соответствии с этой формулировкой объектом всякого преступления является государство трудящихся, а тем самым и установленные в нем, поддерживаемые и охраняемые им социалистические общественные отношения, тогда как установленный этим государством правопорядок есть средство охраны таких отношений. Нарушение правопорядка является, таким образом, способом посягательства на государство трудящихся, на существующие в нем общественные отношения, охраняемые социалистическим правопорядком. Этот вывод подтверждался положением ст. 6, по которой «преступлением признается всякое общественно опасное действие или бездействие, угрожающее основам советского строя и правопорядку, установленному рабоче-крестьянской властью на переходный к коммунистическому строю период времени». Аналогичная формулировка содержалась и в ст. 6 УК РСФСР 1926 года, которая устанавливала, как известно, что «общественно опасным признается всякое действие или бездей-

ствие, направленное против советского строя или нарушающее правопорядок, установленный рабоче-крестьянской властью...».

Исходя из того, что социалистический правопорядок представляет собой совокупность закрепляемых правом и охраняемых им социалистических общественных отношений, ст. 1 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 года устанавливает, что советское уголовное законодательство имеет своей задачей охрану советского общественного и государственного строя, социалистической собственности, личности и прав граждан «и всего социалистического правопорядка» от преступных посягательств¹. Упоминания об общественных отношениях как объекте преступления встречаются и в материалах судебной практики. Так, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР в определении от 6 июня 1957 г. отказалась признать состав фальшивомонетничества в действиях Б. и других, которые изготовляли и сбывали фальшивые десятирублевки царской чеканки. Коллегия сослалась на то, что «объектом фальшивомонетничества являются советская денежная и кредитная система или общественные отношения, возникшие в связи с заключенными СССР международными соглашениями»².

На позициях трактовки преступления как посягательства на социалистические общественные отношения, охраняемые советским уголовным законом, стоит в основном и советская наука уголовного права.

Еще в 1924 году А. А. Пионтковский в одном из первых советских учебников уголовного права подчеркивал, что, исходя из общего марксистско-ленинского учения о преступлении, объектом всякого преступного деяния следует считать общественные отношения, охраняемые всем аппаратом уголовно-правового принуждения³. С тех пор эта точка зрения не ставилась под сомнение никем из советских криминалистов.

В учебнике Общей части уголовного права для юридических институтов и факультетов 1952 года говорится, что «всякое преступление, совершенное в нашей стране, прямо или косвенно посягает на общественные отношения социалистического общества...»⁴. «Объектом преступления в понимании социалистического права, — на-

¹ Имея в виду, что в советском законодательстве и в советской литературе по уголовному праву принято и не без основания подчеркивать охранительную сторону уголовного права, мы в дальнейшем будем говорить об охране социалистических общественных отношений уголовным правом, не забывая, разумеется, что, как уже указывалось, уголовно-правовая охрана этих отношений есть средство их закрепления.

² «Бюллетень Верховного Суда СССР» 1957 г. № 4, стр. 38–39.

³ См. А. А. Пионтковский, Уголовное право РСФСР, часть Общая, М., 1924, стр. 129–130.

⁴ «Советское уголовное право. Общая часть», М., 1952, стр. 175; см. также «Уголовное право. Общая часть», М., 1948, стр. 291.

писано в учебнике Особенной части уголовного права, — являются социалистические общественные отношения»¹. Эта формулировка с незначительными изменениями воспроизведена в учебнике Общей части, изданном в 1959 году². Авторы учебника для юридических школ пишут, что «преступление всегда посягает на то или иное общественное отношение: вор посягает на общественную или личную собственность; хулиган посягает на правила социалистического общежития; взяточник — на нормальную работу государственного аппарата. Посягательство на общественные отношения приобретает известную юридическую форму и выражается в нарушении норм уголовного закона»³. «В марксистском понимании, — пишет проф. А.Н. Трайнин, — объектом всякого посягательства являются общественные отношения, установленные в интересах господствующего класса. Объектом преступления в системе социалистического уголовного права являются социалистические отношения»⁴. «Материальный признак, свойственный отдельному преступлению и общему, т.е. совокупности всех преступлений, — указывает проф. Н. Д. Дурманов, — опасность деяния для определенных общественных отношений»⁵. Н.И. Загородников в работе, в значительной мере посвященной проблеме объекта преступления, пишет: «Объектом преступления в советском социалистическом уголовном праве являются социалистические общественные отношения, охраняемые уголовным законом»⁶. «Всякое преступление, в чем бы оно ни выразилось, — замечает М.А. Шнейдер, — всегда тем или иным образом направлено против социалистических общественных отношений и в силу этого является общественно опасным»⁷. Проф. Н.Д. Дурманов в работе «Понятие преступления» подчеркивает, что трактовка пре-

¹ См. «Советское уголовное право. Общая часть», М., 1959, стр. 117.

² «Советское уголовное право, часть Особенная», М., 1957, стр. 8; «Советское уголовное право, часть Особенная», Л., 1959, стр. 7.

³ «Уголовное право», учебник для юридических школ, М., 1947, стр. 66.

⁴ А.Н. Трайнин, Общее учение о составе преступления, М., 1957, стр. 123.

⁵ Н.Д. Дурманов, Понятие преступления, М.—Л., 1948, стр. 96.

⁶ Н.И. Загородников, Значение объекта преступления для определения меры наказания по советскому уголовному праву, «Труды Военно-юридической академии», т. X, М., 1949, стр. 12.

⁷ М.А. Шнейдер, Советское уголовное право, часть Общая, М., 1955, стр. 113. См. также Г.А. Мендельсон, Ю.М. Ткачевский, Уголовная ответственность за мелкое хищение государственного и общественного имущества, М., 1957, стр. 27; И.С. Тишкевич, Приготовление и покушение по советскому уголовному праву, М., 1958, стр. 17, 19, 21; Г.А. Кригер, Ответственность за хищение государственного и общественного имущества по советскому уголовному праву, М., 1957, стр. 17; Н.Ф. Кузнецова, Значение преступных последствий для уголовной ответственности, М., 1958, стр. 14, 18, 20; Н.П. Кучерявый, Ответственность за взяточничество по советскому уголовному праву, М., 1957, стр. 44; В.Н. Кудрявцев, О противоправности преступления, «Правоведение» 1959 г. № 1, стр. 71; С.И. Тихенко, Борьба с хищениями социалистической собственности, связанными с подлогом документов, М., 1959, стр. 37, 46, 47; L. Lernell, Własnosca społeczna jako przedmiot ochrony prawa karnego, 1959, s. 462–464.

ступления как деяния, опасного для общественных отношений, является общепризнанной в советской науке¹.

Признание советской правовой наукой этой концепции объекта объясняется, на наш взгляд, тем, что трактовка общественных отношений в качестве объекта преступления, представляя собой вывод из общего определения права, приведенного выше, дает возможность раскрыть полностью социалистическое содержание советского уголовного права, его активно-творческую роль в борьбе за новый социалистический строй общественных отношений, за переход к коммунизму.

В то же время необходимо отметить, что некоторые советские криминалисты, соглашаясь с тем, что объектом преступления в СССР являются социалистические общественные отношения, ограничивают действие этого положения только областью общего объекта — объекта всех преступлений, совершаемых в социалистическом государстве. Что касается непосредственного объекта, т.е. объекта отдельных преступлений, то в этой области указанные криминалисты считают необходимыми некоторые оговорки. Так, в вышедшем в 1943 году третьем издании учебника *Общей части для юридических высших учебных заведений* указывалось, что определенные общественные отношения включены в качестве объекта посягательства лишь в немногие составы, тогда как в большинстве составов непосредственным объектом «...являются не определенные общественные отношения, а те или иные государственные или общественные интересы или интересы отдельной личности, посягательства на которые вместе с тем нарушают существующие в СССР общественные отношения...»². В четвертом издании того же учебника, вышедшем в

¹ Для того чтобы убедиться в этом, достаточно просмотреть авторефераты защищенных за ряд лет докторских и кандидатских диссертаций по Особенной части (их более 100). Авторы диссертаций «общим объектом» преступления в СССР единодушно признают социалистические общественные отношения.

В ряде случаев общественные отношения указываются советскими авторами в качестве объектов отдельных преступлений или их групп. Это имеет место во всех случаях, когда объектом преступления именуется социалистическая или личная собственность, трудовые отношения (см. «Советское уголовное право, часть Особенная», М., 1951, стр. 266; З.А. Вышинская, Преступления в области трудовых отношений, М., 1949, стр. 59; Н.Ф. Крылов, Преступления в области техники безопасности и их расследование, автореферат кандидатской диссертации, М., 1954, стр. 9; М.М. Кисенишек, Уголовная ответственность за злоупотребление служебным положением по советскому праву, автореферат кандидатской диссертации, М., 1951, стр. 16; М. Васикова, Борьба с преступными посягательствами на водное хозяйство Узбекистана, автореферат кандидатской диссертации, М., 1950, стр. 11). См. также K. Tibitzl, *Poznamky k discusio zavineni v trestnim pravu*, «Pravnik» 1954, № 17, str. 417; Gerats, *Die Lehre vom Objekt bes Verbrechenens*, 1955, s. 6. См. также Boris Vybiral (указанная работа, стр. 155), который указывает, что материальным признаком объекта является его характер общественного отношения, тогда как защищенность объекта уголовным правом есть его формальный признак.

² «Уголовное право, Общая часть», М., 1943, стр. 111. См. также «Советское уголовное право, часть Особенная», Л., 1959, стр. 7.

1948 году, и в учебнике *Общей части*, изданном в 1952 году, подчеркивается, что в большинстве составов непосредственным объектом являются не сами общественные отношения, а материальное выражение соответствующих общественных отношений или субъекты этих отношений¹. Эта формулировка воспроизведена в учебнике *Общей части уголовного права* 1959 года с тем отличием, что в этом случае речь идет о «материальном, имущественном» выражении общественных отношений².

2. Все изложенное выше дает представление не о специфике уголовного права, а о моментах, объединяющих его с другими отраслями советского права. Все отрасли советского права имеют дело с общественными отношениями социализма, закрепляя их посредством регулирования поведения людей — участников таких отношений и охраняя эти отношения от нарушений. Чтобы решить вопрос о специфике уголовного права, следует ответить еще на один предварительный вопрос: распространяется ли на уголовное право общее теоретическое положение о том, что различные отрасли советского права отличаются друг от друга по характеру закрепляемых и охраняемых ими общественных отношений?

Очевидно, например, что советское трудовое право закрепляет социалистические общественные отношения в области применения труда — общественные трудовые отношения, советское семейное право закрепляет определенный строй семейных отношений и т.д. Об уголовном праве с такой же определенностью сказать нельзя.

Чтобы ответить на поставленный вопрос, необходимо рассмотреть некоторые положения действующего законодательства и попытаться выяснить, чем определяется выделение тех или иных деяний из числа правонарушений вообще в область преступного и наказуемого³.

В некоторых случаях преступность действия определяется по закону свойствами субъекта правонарушения. Например, когда лицо повторно совершает деяние, которое, совершенное впервые, не является преступлением. Так обстоит дело с мелкой спекуляцией. (Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 12 сентября 1957 г.). За оставление без помощи лица, находящегося в опасном для жизни

¹ См. «Уголовное право, Общая часть», М., 1948, стр. 291–292; «Советское уголовное право, часть Общая», М., 1952, стр. 176.

² См. «Советское уголовное право, Общая часть», Л., 1959, стр. 119. См. также М. И. Федоров, Понятие объекта преступления по советскому уголовному праву, «Ученые записки Пермского государственного университета имени Горького», т. XI, вып. 4, кн. 2, 1957, стр. 181.

³ Вопрос о том, какие общественные отношения и в каких пределах охраняются уголовным правом, представляет для нас интерес лишь постольку, поскольку мы стремимся выяснить специфику уголовного права со стороны объекта уголовно-правовой охраны. Уяснение этой стороны дела поможет определить содержание самого понятия объекта преступления.

состоянии, в уголовном порядке может отвечать лишь тот, кто был обязан иметь заботу об оставленном (ст. 156 УК РСФСР).

За последнее время вследствие повышения роли общественности в борьбе с преступностью значение свойств субъекта в интересующем нас отношении возрастает. В связи с опубликованием проекта Закона о повышении роли общественности в борьбе с нарушениями советской законности и правил социалистического общежития уместно поставить вопрос о признании общественной опасности субъекта своего рода предпосылкой преступления. Само собой разумеется, в большинстве случаев сам характер совершенного преступления свидетельствует об общественной опасности совершившего его лица. Однако при совершении некоторых малозначительных деяний, описанных в уголовном законе с объективной стороны, дело обстоит иначе. Мелкое хулиганство, мелкое хищение государственного и общественного имущества, мелкая спекуляция, изготовление самогона без цели сбыта, совершенные впервые, часто не свидетельствуют об общественной опасности субъекта, поэтому указанный законопроект совершенно обоснованно не считает при этих условиях такие деяния преступными¹.

В других случаях действие является преступным лишь при наличии определенной формы субъективной стороны — при наличии умысла. Так, только при наличии умысла возможна уголовная ответственность за нанесение удара или побоев, за оставление без помощи лица, находящегося в опасном для жизни состоянии. Умысел требуется также в ряде других преступлений, например, при хищении государственного, общественного и личного имущества, приобретении имущества, добытого преступным путем (ст. 164 УК РСФСР), клевете (ст. 161 УК РСФСР).

Иногда признание законодателем преступности действия определяется свойствами объективной стороны. Так, контрабанда признается преступлением, когда для сокрытия грузов используются особо приспособленные помещения, а также когда контрабанда связана с обманным использованием таможенных и иных документов. Отпуск недоброкачественной продукции из торговых предприятий влечет уголовную ответственность только при наличии массовости или систематичности (ч. 2 ст. 128-а УК РСФСР).

Однако основным критерием преступности действий, по нашему мнению, являются при наличии всех других предпосылок и условий уголовной ответственности значительность, серьезность ущерба, вреда, причиняемого деянием тому или иному охраняемому уголовным законом общественному отношению. В этом смысле «обще-

¹ См. Б. С. Никифоров, Освобождение от уголовной ответственности и наказания, «Социалистическая законность» 1960 г. № 1.

ственная опасность преступления, — как подчеркивает А.А. Герцензон, — обуславливается прежде всего объектом посягательства...»¹. Поэтому нарушение общественного отношения, для охраны которого от любого ущерба достаточны меры не уголовно-правового характера, не является преступным независимо от субъективных качеств нарушителя, наличия у него «умысла» и т.д. Невозвращение денег, взятых взаймы, не влечет уголовной ответственности, хотя бы речь шла о крупной сумме и о должнике, который не впервые не возвращает долг своим кредиторам². Не влекут уголовной ответственности и другие случаи нарушения заключенных между гражданами договоров за исключением разве случаев присвоения имущества, вверенного для определенной цели (ст. 168 УК РСФСР), и нарушения нанимателем законов о применении и об охране труда (ст. 133 УК РСФСР). Даже неисполнение обязательств по договору, заключенному с государственным или общественным учреждением, может влечь уголовную ответственность лишь в случае, если при рассмотрении дела в гражданском порядке установлен злонамеренный характер неисполнения (ст. 131 УК РСФСР). «...Не все общественные отношения, — правильно отмечает Н. И. Загородников, — могут быть объектом преступления»³.

Иначе обстоит дело с такими общественными отношениями, которые составляют устои Советского государства. В соответствии с п. «а» ст. 2 Основных начал уголовного законодательства СССР и союзных республик 1924 года наиболее опасными преступлениями признавались те, которые направлены против основ советского строя, установленного в СССР волей рабочих и крестьян. Это положение, хотя оно и не сформулировано в действующем законодатель-

¹ А.А. Герцензон, Уголовное право, часть Общая, М., 1948, стр. 254; его же, Понятие преступления в советском уголовном праве, М., 1955, стр. 50—51. См. также Б.С. Утевский, Общее учение о должностных преступлениях, М., 1948, стр. 292; Г.А. Кригер, К вопросу о понятии объекта преступления в советском уголовном праве, «Вестник Московского университета» 1955 г. № 1, стр. 111; Н.И. Загородников, Значение объекта преступления при определении меры наказания по советскому уголовному праву, «Труды Военно-юридической академии», вып. X, 1949, стр. 7—8, 15—16; его же, Понятие объекта преступления в советском уголовном праве, «Труды Военно-юридической академии», вып. XIII, стр. 32, 33, 34; «Советское уголовное право, Общая часть», М, 1959, стр. 118, См. также Gerats, Die Lehre vom Objekt des Verbrechens, 1955, s. 5, 10. В. Vubiral (указанная работа, стр. 155, 157—158) правильно подчеркивает, что при оценке качества преступления как деяния, опасного для общества, пренебрежение к тому или другому элементу состава ведет к недооценке или к переоценке значения объекта для определения общественной опасности действия.

² При одной и той же сумме причиненного ущерба кража, например, отличается от невозвращения взятого взаймы тем, что в первом случае речь идет о посягательстве на личную собственность, тогда как во втором нарушается обязательственное отношение; отсюда и различие в способе совершения того и другого правонарушения. См. об этом ниже, в частности гл. II.

³ Н.И. Загородников, Понятие объекта преступления в советском уголовном праве, «Труды Военно-юридической академии», вып. XIII, стр. 36.

стве, полностью сохраняет свое значение и в настоящее время. Ввиду особо важного характера общественных отношений, составляющих основы советского строя, они требуют тщательной и всесторонней охраны со стороны социалистического государства, в том числе средствами уголовного права. При установлении «объема» этой охраны следует исходить из того, что в принципе всякое действие, объективно и субъективно направленное против основ советского строя как таковых, совершенное с целью нанести ущерб этим основам — власти Советов депутатов трудящихся и избранных ими правительств, внешней безопасности СССР и основным хозяйственным, политическим и национальным завоеваниям социалистической революции — является преступным. Сама целенаправленность действия против основ советского строя, создание им опасности для этих основ обычно представляют собой достаточное основание для признания такого действия преступлением¹. В этих случаях для признания действия преступлением достаточно нарушения безопасности соответствующих общественных отношений в отличие от нарушения этих отношений самих по себе². Не случайно ст. 1 Положения о преступлениях государственных 1927 года (ст. 58¹ УК РСФСР 1926 года) признавала контрреволюционным «всякое действие, направленное к свержению, подрыву или ослаблению власти рабоче-крестьянских Советов... или к подрыву или ослаблению внешней безопасности Союза ССР и основных хозяйственных, политических и национальных завоеваний пролетарской революции». Аналогичная формулировка содержалась в ст. 57 УК РСФСР 1922 года. Это, конечно, не значило, что суд мог со ссылкой на ст. 58¹ УК РСФСР по своему усмотрению расценивать то или иное действие в качестве контрреволюционного преступления или преступления против порядка управления. Как и в других случаях, привлечение к уголовной ответственности могло иметь здесь место на основании конкретных статей уголовного закона, при наличии в действиях привлекаемого к ответственности лица состава соответствующего конкретного преступления. Тем не менее формулировка ст. 58¹ УК РСФСР представляла собой выражение принципиального стремления советского законодателя обеспечить важнейшие общественные отношения социализма всесторонней уголовно-правовой охраной. Поэтому, если бы в конкретном случае оказалось, что какое-либо действие, объективно и субъективно направленное к свержению,

¹ См. Н. Д. Дурманов, Стадии преступления по советскому уголовному праву, М., 1955, стр. 132, 160.

² Это верно и в отношении других общественных отношений, однако только в том смысле, что в этих случаях нарушение безопасности соответствующего отношения, поставление его в опасность обычно образуют приготовление или покушение.

подрыву или ослаблению Советской власти, к ослаблению внешней безопасности СССР, не предусмотрено уголовным законом, это следовало бы рассматривать как подлежащий законодательному исполнению пробел в законе.

Упомянутая ст. 2 Основных начал уголовного законодательства СССР и союзных республик 1924 года наряду с преступлениями, направленными против основ советского строя, говорила о «всех остальных преступлениях». Под этими последними очевидно понимались преступления, нарушающие такие общественные отношения, которые не могли рассматриваться в качестве основ советского строя, но которые вместе с тем были достаточно важны, чтобы в соответствующих случаях оправдать применение наказания к лицам, их нарушающим. Говоря «в соответствующих случаях», мы имеем в виду следующее. Характер и значение общественных отношений данной группы таковы, что законодатель, считая их достаточно серьезными, или стремился предотвратить угрозой наказания только вред, причиненный определенными сторонами этих общественных отношений, или средствами уголовного права охранял эти отношения от вреда, выразившегося в тяжких последствиях, или, наконец, охранял эти общественные отношения, которые, не причиняя в каждом конкретном случае особо тяжких последствий, отличаются известной распространенностью и в целом могут причинить серьезный вред.

К выводу о том, что норма уголовного права в интересующих нас случаях охраняет определенные стороны того или иного общественного отношения, можно прийти либо на основании ознакомления с содержанием действующего законодательства, либо имея в виду характер указанных в законе последствий преступного деяния.

Так, советская торговля охраняется нормами советского уголовного права. Это, однако, не значит, что всякое действие, направленное против интересов советской торговли, является преступлением. Напротив, уголовный закон предусматривает строго ограниченный круг правонарушений, представляющих собой преступные посяательства на интересы советской торговли. Это — спекуляция, нарушение правил торговли, обвешивание и обмеривание покупателей. Таким образом, из всего круга действий, так или иначе нарушающих интересы советской торговли, законодатель признает преступными лишь действия, нарушающие порядок планового снабжения населения продуктами и товарами по государственным, кооперативным и складывающимся на колхозном рынке ценам, порядок производства торговли (причем уголовная репрессия применяется здесь только в наиболее серьезных случаях) и порядок отпуска покупателю продук-

тов и товаров в точном соответствии с прейскурантом и уплаченной покупателем суммой. Аналогичное положение имеет место и в области должностных или служебных преступлений¹.

Другой случай, когда в законе обозначены определенные последствия преступного деяния. Например, ст. 22 Закона об уголовной ответственности за государственные преступления 1958 года предусматривает уголовную ответственность не за всякое нарушение работниками транспорта правил безопасности движения и эксплуатации транспорта, а только за такое нарушение, которое повлекло или могло повлечь за собой несчастные случаи с людьми, крушение, аварии или иные тяжкие последствия.

Нарушаемые преступлением общественные отношения в жизни не только взаимно переплетаются, но и нередко сами по себе характеризуются значительной сложностью, состоят из различных элементов, сторон. Эти стороны — «составные части» общественного отношения могут быть в различной степени ценными, важными для государства и общества. Поэтому советский законодатель считает целесообразным поставить под охрану уголовного права наиболее существенные из таких сторон. Он достигает данной цели путем включения в законодательное определение преступления указаний только на последствия, которые «ударяют» именно по этим элементам или сторонам общественных отношений. Если описание последствий, содержащееся в ст. 22 Закона об уголовной ответственности за государственные преступления 1958 года, изложить обобщенно, то придется прийти к выводу, что такими последствиями являются ущерб или угроза ущерба безаварийности и безопасности работы транспорта. Следовательно, объектом интересующего нас преступления является не правильное функционирование транспорта вообще, а правильное функционирование транспорта, как необходимое условие безаварийности и безопасности его работы. Нарушение правильного функционирования транспорта в ином смысле не охватывается составом названного преступления.

Аналогичное положение имеет место в отношении нарушения установленного законом порядка несения воинской службы и в некоторых других случаях.

Далее следуют такие общественные отношения, уголовно-правовая охрана которых ограничена в другом направлении — со стороны тяжести наступивших последствий. В подобных случаях преступ-

¹ Как видно из этих примеров, поставить под охрану уголовного закона определенные стороны того или иного общественного отношения — значит установить наказуемость не любых нарушающих это отношение действий, а только определенного их круга. Точное или ограничительное определение объекта преступления есть вместе с тем точное или ограничительное обозначение его объективной стороны, и наоборот. Подробнее см. в гл. II настоящей работы.

ность действия определяется фактом причинения особенно серьезного ущерба безотносительно к тому, какой стороне общественного отношения причинен этот ущерб. Так, нарушение правил об охране порядка и безопасности движения и о предупреждении и пресечении незаконного использования транспорта влечет уголовную ответственность только при наличии тяжелых последствий (ст. 75¹ УК РСФСР).

Аналогичное положение имеет место в отношении нарушения правил об охране порядка и безопасности воздушных передвижений (ст. 75⁴ УК РСФСР).

Представляется, что дальнейшее развитие советского уголовного законодательства в некоторых разделах должно будет пойти по пути расширения именно этой формы уголовно-правовой охраны общественных отношений. Так, уголовную ответственность за халатность, за умышленное и тем более неосторожное истребление или повреждение государственного и общественного имущества было бы целесообразно ограничить случаями причинения тяжелых последствий. При таком решении вопроса будет обеспечена большая гибкость уголовной репрессии там, где нет необходимости «целиком» брать какой-то интерес под охрану уголовного права и где в то же время затруднительно (или нецелесообразно) указать те конкретные стороны отношения, которые желательно поставить под усиленную охрану.

Наконец, в некоторых случаях общественные отношения или их отдельные стороны могут ставиться под защиту уголовного закона ввиду относительной распространенности известных нарушений (взятые порознь такие нарушения, быть может, и не причиняют существенного вреда) или ввиду особой нетерпимости этих нарушений в данных условиях либо вообще в условиях социалистического общества. Так, относительная распространенность мелких краж на производстве, самогонварения без цели сбыта сделала эти нарушения особенно нетерпимыми и побудила законодателя в свое время, когда это было необходимо, заменить дисциплинарную и административную ответственность за них ответственностью уголовной (Указы Президиума Верховного Совета СССР от 10 августа 1940 г. и от 7 апреля 1948 г.). С точки зрения уголовно-правовой охраны особенностью общественных отношений, являющихся объектом «всех остальных преступлений», можно считать то, что они не всегда либо не в одинаковом объеме охраняются уголовным правом. Поэтому ненаказуемость тех или иных действий, нарушающих эти отношения, не обязательно следует рассматривать (в отличие от того, что мы видели выше) как подлежащий восполнению пробел в законе. Напротив, по общему правилу, ненаказуемость «посягательств» на

эти отношения следует рассматривать как выражение намерения законодателя вести борьбу с соответствующими нарушениями не уголовно-правовыми, а иными средствами. Установление объема уголовно-правовой охраны таких отношений зависит от конкретных исторических условий, с изменением которых возникает (или отпадает) необходимость трактовать нарушения подобных отношений в качестве преступлений или же признается целесообразным расширить или сузить рамки их уголовно-правовой охраны.

Так, в соответствии с проектом Закона о повышении роли ответственности в борьбе с нарушениями советской законности и правил социалистического общежития не являются преступлениями совершенные впервые мелкая спекуляция, мелкое хищение государственного и общественного имущества, мелкое хулиганство, изготовление самогона и других спиртных напитков без цели сбыта.

Намеченная Указом Президиума Верховного Совета СССР от 27 марта 1953 г. «Об амнистии» линия на отказ от уголовной ответственности в отношении ряда нарушений в пользу ответственности административной или дисциплинарной, на сужение круга наказуемых действий и на смягчение ответственности за некоторые из них имеет в виду именно общественные отношения этой группы, в первую очередь общественные отношения, связанные с работой государственного аппарата, с деятельностью хозяйственных учреждений, а также некоторые бытовые отношения.

Суммируя изложенное, можно сказать, что советское социалистическое уголовное право охраняет общественные отношения социализма от существенного ущерба — существенного либо ввиду важности самих общественных отношений или соответствующих элементов общественных отношений (в остальном охраняемых нормами не уголовного права), либо ввиду относительной серьезности ущерба, причиняемого общественным отношениям, охраняемым от менее серьезных (в частности не столь распространенных, не столь нетерпимых) нарушений другими, не уголовно-правовыми средствами¹.

¹ См. Г. А. Мендельсон, Ю. М. Ткачевский, Уголовная ответственность за мелкое хищение государственного и общественного имущества, М., 1957, стр. 23, 24; Н. Ф. Кузнецова, Значение преступных последствий для уголовной ответственности, М., 1958, стр. 27, 28. Мы оставляем в стороне возникший в советской уголовной литературе спор о том, является ли общественная опасность специфическим свойством преступления в отличие от других правонарушений (см. Н. Д. Дурманов, Понятие преступления, М.—Л., 1948, стр. 131; А. А. Герцензон, Уголовное право, часть Общая, М., 1948, стр. 255; М. А. Шнейдер, Советское уголовное право, часть Общая, М., 1955, стр. 123) или же общественная опасность в смысле уголовного права — это всего лишь особая ступень общественной опасности, свойственной любому правонарушению (см. Н. И. Загородников, Понятие объекта преступления в советском уголовном праве, «Труды Военно-юридической академии», вып. XIII, стр. 36; А. Б. Сахаров, Должностное преступление и дисциплинарный проступок, «Советское госу-

Иными словами, советское уголовное право в отличие от других отраслей социалистического права специфично отнюдь не тем, что оно имеет дело с общественными отношениями, существующими и развивающимися в определенной области государственного строительства (например, в области организации и использования труда, землепользования, колхозного строительства и т.д.). Особенность советского уголовного права заключается в том, что оно, закрепляя общественные отношения социализма, охраняет их или их безопасность от существенного вреда независимо от того, охраняются или не охраняются эти общественные отношения также нормами других отраслей права¹.

Используя формулу К. Маркса, видевшего в наказании «...средство самозащиты общества против всякого нарушения условий его существования»², можно прийти к выводу, что объектом преступления в социалистическом государстве являются не все и не любые общественные отношения, а лишь такие, существование, укрепление и развитие которых в целом либо в том или ином отношении является в данный момент условием существования нашего общества. О том, что под условиями существования общества основоположники научного коммунизма понимали именно определенную группу общественных отношений, а не что-либо иное, свидетельствует то обстоятельство, что в замечательной работе «Немецкая идеология» К. Маркс и Ф. Энгельс определяют преступление как борьбу «...изолированного индивида против господствующих отношений...»³, а в письме к Г. Штаркенбургу от 25 января 1894 г. Ф. Энгельс в понятие «существующих действительных отношений» включает в качестве решающих экономические, а затем и другие — политические и идеологические условия⁴.

Именно потому, что правонарушения, с которыми ведет борьбу советское уголовное право, причиняют или могут причинить социалистическим общественным отношениям существенный вред, они в отличие от других правонарушений именуется преступлениями. Реакция же государства на совершение подобного рода деяний называется в отличие от других известных советскому праву взысканий уголовным наказанием. Термин «преступление» выражает особый

дарство и право» 1955 г. № 2, стр. 60–71). Поэтому встречающиеся в дальнейшем упоминания об общественной опасности как признаке преступления не следует понимать в том смысле, что другие правонарушения мы не считаем опасными для общества.

¹ В. Н. Кудрявцев, О противоправности преступления, «Правоведение» 1959 г. № 1, стр. 73.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IX, стр. 89.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, стр. 323.

⁴ См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. II. 1955, стр. 484–485.

характер такой реакции — характер наиболее острой формы государственного правового принуждения, соответствующей особо опасному характеру правонарушений, с которыми имеет дело уголовное право.

Но если преступным является деяние, причиняющее или могущее «причинить социалистическим отношениям существенный вред, и если, далее, советское уголовное право охраняет эти отношения от такого вреда, то объектом преступления по советскому уголовному праву могут быть и являются только социалистические общественные отношения, причем в той мере, в какой им может быть причинен указанный вред.

§ 2. Содержание понятия охраняемого уголовным правом общественного отношения

А. Участники общественного отношения

3. Попытаемся далее выяснить содержание понятия общественных отношений, охраняемых советским уголовным правом¹, и на этой основе исследовать «механизм» нарушения общественного отношения преступлением.

Необходимо иметь в виду, что общественное отношение — это сложное явление, представляющее собой единство различных элементов или сторон, которые можно отделить друг от друга только при теоретическом анализе.

Как покажет дальнейшее изложение, среди указанных элементов необходимо прежде всего отметить участников общественных отношений, их носителей, или субъектов. Общественное отношение — это всегда отношение между людьми в процессе их общественного существования, выступающими либо в виде коллективов, в виде таких классовых установлений, как государство, государственный аппарат, вооруженные силы, либо в виде отдельных личностей, в своей деятельности и идеологии выражающих интересы определенных классов и в этом смысле также представляющих собой социальное явление особого рода.

Среди этих элементов необходимо, далее, обратить внимание на «сами по себе» отношения коллективов или отдельных личностей между собой и друг с другом. Эти отношения представляют собой единственно возможную форму их существования в обществе. Создавая социальные установления или направляя их развитие в определенную сторону, господствующий в обществе класс стремится обеспечить им возможность нормального общественного существо-

¹ На необходимость решения этого вопроса обращает внимание V. Solnar, Dr. Boris Vybiral, Pojem a význam objektu tresneho cinu., «Pravnik», 1956, № 4, str. 368.

вания и соответствующего интересам господствующего класса функционирования.

Нельзя, наконец, не заметить и того, что реализация указанной возможности, ее практическое осуществление мыслимы только в том случае, если будут надлежащим образом обеспечены условия этой реализации — условия нормального существования и функционирования каждого такого установления: подобно самим указанным возможностям условия их реализации составляют часть соответствующего общественного отношения. Создавая государственный аппарат, господствующий класс общества стремится обеспечить ему возможность нормального функционирования. Поэтому он берет под охрану и важнейшие условия реализации этой возможности такие, например, как использование должностными лицами предоставленных им прав исключительно для выполнения возложенных на них обязанностей, соблюдение ими установленного законом разграничения должностной компетенции и т.п. Рассмотрение в указанной последовательности всей совокупности поставленных вопросов составляет основное содержание настоящей работы.

Что бы мы ни понимали под объектом преступления, какое бы содержание ни вкладывали в это понятие, как бы мы ни именовали охраняемые уголовным законом общественные ценности (благами, интересами, правами или возможностями), совершенно очевидно, что указанные блага (интересы, права или возможности) обеспечиваются законом не вообще, а кому-то или чему-то. Если основным политическим вопросом любой системы уголовного права является вопрос о том, какие интересы оно охраняет, то с названным вопросом органически связан и вопрос о том, чьи интересы охраняются этим правом, кого (какой класс, какие социальные установления соответствующего класса) оно обслуживает.

Конечно, господствующий класс, его учреждения и представители не есть то же самое, что интересы господствующего класса, его учреждений и представителей. Мы признаем это во всех случаях, когда говорим, что уголовное право охраняет интересы не вообще, а господствующего класса общества. Так, советское уголовное право охраняет интересы рабочего класса, совпадающие с интересами всех трудящихся, а также интересы учреждений и установлений пролетарской диктатуры — ее политической и экономической основы, установленного ею порядка управления, личности советских граждан, государственного аппарата, социалистического правосудия и т.д.

В то же время оба указанных момента так тесно переплетены друг с другом, что при рассмотрении вопроса о направленности преступления против определенного объекта было бы в высшей степени

искусственно отделять друг от друга интерес и его носителя, общественные отношения и их участников¹. Говоря, что буржуазное уголовное право охраняет интересы капиталистов и капиталистического государства, мы тем самым утверждаем, что важнейшие из этих интересов — это эксплуатация человека человеком и ее экономическая основа — капиталистическая частная собственность². Подчеркивая, что советское уголовное право охраняет интересы трудящихся и социалистического государства, мы тем самым констатируем, что важнейшими из этих интересов являются общественные отношения товарищеской взаимопомощи свободных от эксплуатации людей и экономическая основа этих отношений — социалистическая собственность на орудия и средства производства. В связи с этим необходимо привести слова В.И. Ленина: «...Социолог-материалист, делающий предметом своего изучения определенные общественные отношения людей, тем самым уже изучает и реальных личностей, из действий которых и слагаются эти отношения»³. И тот, и другой моменты имеют важнейшее и, по сути дела, одинаковое значение для политической характеристики любого уголовного права. Посягая на определенные интересы класса, его установлений, учреждений или представителей, преступник тем самым посягает и на сам этот класс, его учреждения или представителей. И наоборот, посягательства на господствующий класс или на его учреждения совершаются посредством нарушения интересов этого класса, путем нарушения общественных отношений, установленных им в своих интересах. Именно поэтому, когда в какой бы то ни было форме (законодательной, доктринальной, в порядке неофициальной кодификации) предпринимались попытки классифицировать материал Особенной части, подобные попытки основывались, как на *fundamentum divisionis*, на признаке объекта, в составе которого в этой связи всегда весьма отчетливо видны носители охраняемых уголовным правом интересов в неразрывном единстве с самими этими интересами. Такая классификация материала Особенной части определяется политическим, классовым содержанием уголовного права, призванного охранять интересы господствующего класса и его установлений, и представляет собой одно из практических выражений указанного содержания. С этой точки зрения показательно и другое. Необходимость для буржуазии в период империализма еще тщательнее и тоньше, чем рань-

¹ См. М.П. Михайлов, Уголовная ответственность за кражу личного имущества и разбой, М., 1958, стр. 43.

² В. Vybiral (см. отчет о защите им диссертации об объекте преступления в «Pravnik» 1956 г. № 3, стр. 284) подчеркивает, что буржуазное уголовное право охраняет не все общественные отношения буржуазного общества, а только такие, которые выгодны буржуазии.

³ В.И. Ленин, Соч., т. 1, стр. 385.

ше, маскировать действительное политическое содержание и антинародную направленность своего уголовного права находит, в частности, выражение в попытках буржуазного законодателя и буржуазных кодификаторов уголовного права отказаться от классификации материала Особенной части по признаку объекта, заменив эту систему другой или вовсе отказавшись от какой бы то ни было системы.

Сказанное можно проиллюстрировать рядом примеров.

Как известно, уголовные кодексы эпохи феодализма не разделялись на Общую и Особенную части. Вопросы Общей части решались в них применительно к отдельным преступлениям. Попытки классификации преступлений предпринимались в этот период отдельными криминалистами. Политическая направленность феодально-абсолютистского уголовного права получала в таких попытках чрезвычайно отчетливое выражение. Так, французский юрист XVIII века Жусс (Jousse) в изданной в 1771 году работе «*Traite de la justice criminelle de France*» делил преступления на следующие три группы: 1) направленные против бога, 2) направленные против государя, 3) направленные против частных лиц¹. Что касается классификации преступлений в законодательстве, то она в указанный период имела чрезвычайно неопределенный характер. Однако и здесь неизменно выделялись в особую группу и ставились на первое место преступления против церкви, за которыми в определенном и характерном для рассматриваемой эпохи порядке шли остальные. Так, в Соборном уложении царя Алексея Михайловича 1649 года в первой главе речь идет «О богохульниках и церковных мятежниках», во второй — «О государственной чести, и как его государское здоровье сберечь» и только в двадцать первой — «О разбойных и татинных делах». В Своде законов (1 часть XV тома) издания 1832 и 1842 годов материал был расположен аналогичным образом: первый раздел того, что можно считать в Своде Особенной частью, был посвящен преступлениям против веры, следующие три — государственным преступлениям и преступлениям против порядка управления, и только затем шли различные преступления против личности.

Нетрудно видеть, что подобные системы классификации как нельзя лучше отражали специфические черты феодально-абсолютистского строя: огромное значение религии и религиозных учреждений всякого рода, главным образом церкви — политического и идеологического оплота режима, всестороннее господство полицейского государства и третьестепенную роль личности, ее роль подданного и не больше.

¹ См. А. А. Пионтковский, В. Д. Меньшагин, Курс советского уголовного права, Особенная часть, т. 1, М., 1955, стр. 79.

Иную классификацию преступлений в точном соответствии с политическими и экономическими интересами нового господствующего класса и его социальных учреждений выработало буржуазное правосознание.

Уже у первых идеологов буржуазии в области права — у представителей теории естественного права можно заметить зачатки деления уголовных правонарушений на преступления, направленные против общества, и преступления, направленные против отдельных лиц. При этом к последней группе сторонники естественно-правовой теории обычно относили как преступления против личности, так и преступления, направленные против собственности. Эта классификация нашла выражение в произведениях Монтескье¹, в более отчетливом виде ее изложил Беккариа².

В дальнейшем деление преступлений на такие, которые направлены против частных интересов и которые посягают на интересы общества или государства, нашли отчетливое выражение в первом уголовном кодексе победившей буржуазии — во Французском уголовном кодексе 1791 года. Отсюда оно перешло в уголовный кодекс 1810 года, действующий во Франции по сей день. В этом старейшем из всех действующих буржуазных уголовных кодексов Особенная часть делится, как известно, на два больших раздела: преступления и проступки против публичных интересов (против безопасности государства, против конституционной хартии, против общественного спокойствия) и преступления и проступки против частных лиц. Последний раздел делится в свою очередь на две главы: о преступлениях и проступках против личности и о преступлениях и проступках против собственности³. Остальные буржуазные кодексы, действующие в настоящее время, не содержат непосредственного деления преступлений на посягательства против публичных и частных интересов, но дают более дробную классификацию, разделив весь материал Особенной части на ряд глав. Однако, как отмечает А.А. Пионтовский, «несмотря на эти дробные классификации в них нетрудно открыть противопоставление преступлений против благ отдельного лица преступлениям против общества (или государства). Везде преступления против личности и имущества поставлены рядом. Имущественные преступления непосредственно следуют за преступлениями против личности. Поэтому буржуазные криминалисты при догматическом изучении Особенной части уголовных кодексов, следуя общим идеям своего уголовного законодательства, без труда

¹ См. Монтескье Шарль Луи, О духе законов, СПб., 1900, стр. 189–190.

² См. Чезаре Беккариа, О преступлениях и наказаниях, М., 1939, стр. 228.

³ См. Французский уголовный кодекс 1810 года, М., 1947.

располагают весь материал в более широкие рубрики двухчленной или трехчленной классификации»¹.

Классово-политическое обоснование классификации материала Особенной части в буржуазном уголовном праве находит отчетливое выражение в том, что, как указывает А.А. Пионтковский, в тот или иной период развития буржуазной идеологии и истории буржуазного государства в зависимости от расстановки классовых сил, на основе противопоставления публичных и частных интересов строилось либо двухчленное деление преступлений (личность — общество), либо трехчленное деление (личность — общество — государство). «Трехчленное деление преступлений, — пишет А.А. Пионтковский, — проводится буржуазными криминалистами обычно в те периоды, когда буржуазия как класс противопоставляет себя (т. е. «общество») государству. Такое противопоставление имеет место в период до перехода власти к буржуазии»². «Идеологи же буржуазии, стоящей у власти, не склонны делать таких противопоставлений. Здесь государство для буржуазии не является чем-то чуждым. Это находит свое отражение и в систематике уголовного права — расположении преступлений по двухчленной схеме: личность и общество (оно же государство)»³. Примером такой классификации является, как мы видели, Французский уголовный кодекс 1810 года.

Построение классификации преступлений в буржуазном уголовном праве на основе противопоставления посягательств на частные интересы посягательствам, направленным против интересов общества или государства, представляет собой выражение в области уголовного права одного из принципов общей теории буржуазного права периода промышленного капитализма. Это — принцип деления всей правовой сферы на области частного и публичного права. Само же деление имеет своим источником характерное для рассматриваемого периода противопоставление гражданина буржуазного общества самому этому обществу и буржуазному государству. «Государство, — пишет К. Маркс о буржуазном государстве, — зиждется на противоречии между общественной и частной жизнью, на противо-

¹ А.А. Пионтковский, Советское уголовное право, т. 2, Особенная часть, М.—Л., 1928, стр. 12–13; См. также М.Д. Шаргородский, Уголовный закон, М., 1948, стр. 62; «Уголовное право. Особенная часть», М., 1943, стр. 20. С этой точки зрения представляет интерес классификация, предлагаемая в изданной в 1949 году книге английских криминалистов Кросса (Cross) и Джоунза (Jones) «An Introduction to Criminal Law». Эти авторы делят весь материал Особенной части на четыре раздела, располагая их в следующем порядке: 1) преступления против собственности и владения, 2) преступления против личности, 3) преступления против общественного порядка и безопасности государства, 4) прочие преступления.

² А.А. Пионтковский, Советское уголовное право, Особенная часть, т. 2, М.—Л., 1928, стр. 17.

³ Там же.

речии между общими интересами и интересами частными»¹. «Там, где политическое государство достигло своей действительно развитой формы, — указывает он в другом месте, — человек не только в мыслях, в сознании, но и в действительности, в жизни, ведет двойную жизнь, небесную и земную, жизнь в политической общности, в которой он признает себя общественным существом, и жизнь в гражданском обществе, в котором он действует как частное лицо...»². Противоречие между двумя воплощениями человека буржуазного общества признают и буржуазные исследователи, в частности юристы. Так, буржуазный государствовед Еллинек, говоря о Декларации прав человека и гражданина 1789 года, подчеркивает, что она хочет провести вечную грань между государством и индивидом, которую законодатель постоянно должен иметь в виду как предел, раз навсегда положенный ему «естественными, неотчуждаемыми, священными правами человека»³.

Противопоставление гражданина государству, частного права — публичному и частных интересов — общим имеет своим источником господство капиталистической частной собственности и своим призыванием — маскировку этого господства. «Частное право, — указывают К. Маркс и Ф. Энгельс, — развивается параллельно с частной собственностью из процесса разложения естественно развившейся коллективности»⁴. «Благодаря освобождению частной собственности от коллективности, — пишут основоположники научного коммунизма, — государство приобрело самостоятельное существование наряду с гражданским обществом и вне его; но на деле оно есть не что иное, как организационная форма, которую необходимо должны принять буржуа, чтобы как вовне, так и внутри взаимно гарантировать свою собственность и свои интересы»⁵.

Внутри — это частные интересы буржуа, его интересы обособившегося собственника, противостоящего другим обособившимся собственникам как своим конкурентам. Во вне — это общие, «публичные» интересы буржуа, их интересы класса собственников, интересы частной собственности, враждебно противостоящей эксплуатируемому пролетариату. Буржуа, пишет К. Маркс, не позволяют государству вмешиваться в их частные интересы и дают ему лишь столько силы, сколько необходимо для их собственной безопасности и для сохранения конкуренции»⁶.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 1, стр. 440.

² Там же, стр. 390–391.

³ И. Еллинек, Декларация прав человека и гражданина, М., 1906, стр. 8–9.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IV, стр. 53.

⁵ Там же, стр. 52–53.

⁶ См. Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, кн. IV, М.—Л., 1929, стр. 228.

Очевидно, таким образом, что разделение в буржуазных кодексах преступлений на группы в зависимости от того, направлены ли они против интересов государства или против интересов отдельной личности, покоится, как мы уже указывали, на политическом фундаменте и преследует тщательно скрытую политическую цель. С одной стороны, оно, как и само деление права на публичное и частное, в конечном счете имеет своей основой и своим источником господство капиталистической частной собственности на орудия и средства производства. С другой — выделение в особую группу ряда преступлений, наказуемых якобы ввиду того, что они направлены против общих интересов, призвано замаскировать действительную природу буржуазного уголовного права, которое в целом и во всех своих частях охраняет и защищает интересы буржуазии, т.е. тех же частных собственников, капиталистов¹.

По мере обострения основного противоречия капитализма — противоречия между общественным характером производства и частным характером присвоения, а также других экономических и политических противоречий для буржуазии возникает настоятельная необходимость в более тщательной, более хитроумной маскировке эксплуататорской сущности буржуазного правопорядка. Наряду с усилением функции внутреннего подавления возникает необходимость в усиленной маскировке антинародной сущности буржуазного права — одного из важнейших средств реализации данной функции.

В соответствии с этим частная собственность, которая в рассматриваемый период выступает уже не столько в виде собственности многочисленных товаровладельцев, сколько в виде собственности небольшого числа крупных капиталистических монополий, демагогически объявляется не правом собственника, а «социальной функцией». «...В наших современных индустриальных государствах, — писал Дюги, — ...предприятия приобретают социальный характер. Предприниматель выполняет поистине социальную функцию»². Буржуазный законодатель и буржуазные теоретики заявляют теперь, что обладание собственностью связано не столько с предоставлением собственнику прав, сколько с возложением на него обязанностей по отношению к обществу.

Социально-демагогические попытки представить империалистическое государство и его правопорядок в качестве регулятора обще-

¹ См. С.А. Голунский и М.С. Строгович, Теория государства и права, М., 1940, стр. 286–287.

² Дюги, Общее преобразование гражданского права со времени кодекса Наполеона, М., 1919, стр. 79.

ственных отношений в интересах общества в целом¹ получили, естественно, отражение и в классификации материала Особенной части буржуазных уголовных кодексов. В буржуазных уголовных кодексах появились новые разделы, новые составы преступлений, направленных якобы против «общественного хозяйства» или нарушающих «законодательство о труде». При этом действительное политическое назначение нового законодательства (создание условий усиленной охраны тех или иных интересов господствующего класса или же определенных носителей этих интересов) буржуазный законодатель и буржуазная доктрина заботливо прикрывают демагогической фразеологией.

Политическая природа классификации материала Особенной части по признаку объекта в период империализма нашла своеобразное выражение. Усиление и обновление маскировки классовой сущности уголовного права буржуазии сказалось в попытках буржуазного кодификатора либо отойти от классической схемы французского уголовного кодекса 1810 года, дав вместо нее другую классификацию, построенную, казалось бы, на той же основе, но менее выдержанную в этом смысле, более дробную и, главное, путаную, либо вовсе отказаться от данного принципа классификации норм Особенной части.

Так, Германский уголовный кодекс, утвержденный в 1870 году, измененный и дополненный в 1876 году², состоял из 29 разделов, причем в особые разделы были выделены составы, имеющие по сути дела один и тот же групповой объект (лжеприсяга, ложный донос, оскорбление, поединок, преступления и проступки против жизни, телесное повреждение и др., кража и утайка, грабеж и вымогательство, мошенничество и некоторые другие). Аналогичным образом была построена Особенная часть китайского уголовного кодекса 1935 года³ и в значительной мере швейцарского уголовного кодекса 1937 года⁴.

Попытки полного отказа от классификации по признаку объекта возникли в первую очередь в Соединенных Штатах Америки, где, как известно, классовые противоречия давно уже достигли особенной остроты и глубины.

¹ См. А. В. Венедиктов, Государственная социалистическая собственность, 1948, стр. 266.

² См. «Сборник материалов по русскому дореволюционному и иностранному уголовному законодательству», т. 2, часть Особенная, вып. 1, Система Особенной части уголовных кодексов, М., 1946.

³ См. «Сборник материалов по русскому дореволюционному и иностранному уголовному законодательству», т. 2, часть Особенная, вып. 1, Система Особенной части уголовных кодексов, М., 1946.

⁴ См. Швейцарский уголовный кодекс 1937 года, изд. 2-е, М., 1947.

Так, в законодательные органы штата Нью-Йорк в 1865 году был внесен проект уголовного кодекса, пересмотренный в 1879 году специальной комиссией и принятый законодательной властью штата в 1881 году. В официальном издании кодекса, насколько нам известно, классификация материала Особенной части была построена по объекту. Заметим, что этой системы классификации до сих пор придерживаются уголовные кодексы большинства других штатов Северной Америки, в свое время составленные по образцу уголовного кодекса штата Нью-Йорк¹. Так, Особенная часть уголовного кодекса штата Калифорния делится на ряд разделов, таких, как преступления «против суверенитета штата», «против избирательной системы», «против исполнительной власти штата», «против личности», «против личности и против общественной благопристойности и добрых нравов», «против общественного здоровья и безопасности», «против доходов и собственности штата», «против собственности» и др.²

Издание 1881 года осталось единственным официальным изданием нью-йоркского уголовного кодекса. Более он не издавался, и до 1918 года всякого рода дополнения и поправки вносились в него путем пополнения его статьями с дополнительной литерной нумерацией. Например, в разделе преступлений против избирательной системы литерные дополнения к ст. 41 исчерпали весь английский алфавит и закончились статьей 41. Наряду с этим в первоначальной нумерации кодекса вследствие отмены некоторых статей и признания неконституционными других образовались пробелы³. Однако новое издание подготовлено не было. В 1918 году в результате «усилий и предприимчивости отдельных лиц»⁴ вышла в свет частная кодификация уголовного права штата Нью-Йорк, материал которой был подвергнут рубрикации... в алфавитном порядке. Любопытно, что вне этой алфавитной классификации остались только некоторые «Общие положения» (о действии закона в пространстве, о соучастии, о необходимой обороне и некоторые другие).

Остальные положения Общей части и материал Особенной части были сгруппированы в строго алфавитном порядке от «а» до «w». В результате разделение составов преступлений на группы перестало существовать, политический вопрос о системе Особенной части «отпал» и Особенная часть уголовного кодекса превратилась в конгломерат отдельных составов, никак по сути дела не систематизированных. В первом разделе этого «уголового алфавита» оказалось «оставление беременной жены», затем шло «умыкание», потом «аборт»,

¹ См. *Encyclopedia Americana*, 1945 ed., Criminal Law (статья написана Pfeil'om).

² См. *Deering's Penal Code of the State of California*, San-Francisco, 1941.

³ См. *Clevenger—Gilbert, Criminal Law and Practice of New Jork*, 1948, Penal Law, p. 208, 209.

⁴ Там же, § 1, Consolidates' Note to Penal Law.

«прелюбодеяние», «преступления анархистов», «преступления против животных», «поджог» и другие. «Преступления против малолетних» оказались помещенными между «нарушениями правил пользования каналами» и «нарушением гражданских прав». «Нарушение правил о соблюдении субботного дня» нашло место между «разбоем» и составом «повреждения имущества на соляных разработках в Онондага», а важнейший раздел Общей части «о наказаниях» был помещен между «преступлениями против общественной безопасности» и «преступлениями против карантинных правил». Нет необходимости доказывать, что такая «классификация» не имеет ничего общего с наукой. Однако авторы, ломая традиционную систему группировки составов, достигли в известной мере определенного политического эффекта. В предварительных замечаниях к своему труду авторы указывали, что они не собирались пересматривать положения «старого кодекса» (1881 года) и стремились лишь иначе распределить содержащийся в нем материал, ничего не меняя по существу¹. Между тем независимо от того, сознавали ли они это или нет, предпринятая ими «реформа» имела весьма существенную цель — заменить группировку составов преступлений по объекту какой-нибудь другой «классификацией». Тем самым затемнялась эксплуататорская сущность буржуазного уголовного права, которая в классификации материала Особенной части по этому принципу находит недвусмысленное и поэтому с трудом маскируемое выражение.

4. Советское социалистическое уголовное право охраняет интересы народа. Оно содействует осуществлению социалистических общественных отношений сотрудничества и взаимопомощи между людьми, выгодных и угодных всем трудящимся. В советском праве не только не скрывается, но, напротив, всячески подчеркивается политический, классовый характер социальных интересов, которые оно охраняет; открыто объявляется, чьи это интересы, кому, какому классу они принадлежат, какие общественные установления и учреждения являются их носителями и обладателями. Такая линия проводилась с самого начала существования Советской власти, и это одна из причин того, что в течение определенного периода времени после революции законы, издававшиеся Советской властью, могли служить и служили, как говорил В.И. Ленин, формой пропаганды. «Простому рабочему и крестьянину, — указывал В.И. Ленин, — мы свои представления о политике сразу давали в форме декретов»².

Уже первые уголовные законы Советской власти свидетельствовали о стремлении законодателя довести до сведения народа, что в области уголовного права представления коммунистов о политике —

¹ См. Consolidators' Note to Penal Law.

² В.И. Ленин, Соч., т. 33, стр. 272.

это прежде всего ясное понимание необходимости использования уголовной репрессии для охраны интересов народа, для защиты народного дела. Понятно, что об этом в той или иной форме говорилось главным образом в тех законодательных актах, которые имели своим предметом наиболее опасные преступления, направленные против основных установлений нового строя, а также в случаях, когда законодатель давал определения таких преступлений. Так, в декрете II Всероссийского съезда Советов от 26 октября 1917 г. «О земле» говорилось: «Какая бы то ни было порча конфискуемого имущества, принадлежащего отныне всему народу, объявляется тяжким преступлением...»¹.

В ряде случаев в декретах, изданных в первые годы существования Советской власти, говорилось о защите революции и ее завоеваний. Так, в Положении о революционных трибуналах, объявленном декретом ВЦИК от 12 апреля 1919 г., перед трибуналами ставилась задача «...рассмотрения дел о контрреволюционных и всяких иных деяниях, идущих против всех завоеваний Октябрьской революции...»².

В некоторых уголовных законах, изданных Советской властью, о рабочих и крестьянах говорится как о классах — носителях государственной власти. Этот метод раскрытия политической направленности и политического назначения советского уголовного права неоднократно использовался советским законодателем для характеристики социальной природы нашего государства, Советской власти и Советского правительства. Например, в инструкции НКЮ от 19 декабря 1917 г. «О революционном трибунале» говорилось, что трибуналу подлежат дела о лицах, которые, в частности, организуют восстание против власти рабоче-крестьянского правительства, активно противодействуют последнему или не подчиняются ему³. В ряде случаев в уголовных законах упоминается о деяниях, подрывающих власть трудящихся⁴.

Наконец, во многих законодательных актах Советской власти в области уголовного права подчеркивалась направленность преступлений или некоторых из них против Советов, советского строя, диктатуры пролетариата. В постановлении ВЦИК от 5 января 1918 г. указывалось, что вся власть в Российской Республике принадлежит Советам и советским учреждениям, ввиду чего всякая попытка присвоить себе функции государственной власти должна рассматриваться как контрреволюционное действие⁵.

¹ СУ РСФСР 1917 г. № 1, ст. 3.

² СУ РСФСР 1919 г. № 13, ст. 132.

³ СУ РСФСР 1917 г. № 12, ст. 170.

⁴ СУ РСФСР 1929 г. № 52, ст. 505.

⁵ СУ РСФСР 1919 г. № 14, ст. 202.

В ст. 2 Основных начал уголовного законодательства СССР и союзных республик 1924 года особо выделялись преступления, направленные против основ советского строя. О преступлениях, направленных против советского строя, упоминалось и в ст. 6 УК РСФСР 1926 года.

Таким образом, как в общем определении преступного, так и в определениях отдельных наиболее опасных преступлений советский законодатель всегда подчеркивал и в настоящее время настойчиво подчеркивает направленность преступления против интересов определенного класса, против созданного им государственного и общественного строя, его установлений и учреждений. Законодатель как бы стремится ответить не только на вопрос, какие интересы призваны охранять издаваемые им законы, но и на другой вопрос, чьи это интересы, кому они принадлежат. Советский законодатель отвечает и на этот вопрос политически, говоря не просто о государстве, республике, населении, а неизменно подчеркивая, что речь идет о советском социалистическом государстве, о рабоче-крестьянской республике, о трудящихся. Такое подчеркивание политической стороны дела во много раз усиливает мобилизирующее и воспитательное значение советского уголовного закона, и именно потому, что он охраняет интересы подавляющего большинства населения, трудящихся. Весьма поучительно противопоставить позицию советского законодателя в этом вопросе тому, что мы наблюдаем в законодательстве буржуазных государств и в его доктринальной систематизации: безличные, формальные, маскирующие, рассчитанные на то, чтобы дезориентировать и ни на что по сути дела не отвечающие упоминания о «государстве» вообще, «об обществе» вообще и т.д.¹

Важно, однако, и другое. Включая в общее определение преступления указание на его направленность против интересов господствующего класса, его власти, его государства и т.д., советский законодатель продолжает ту же линию и при делении преступлений на отдельные группы, причем он строит это деление в первую очередь на том же признаке, только в видовом выражении.

Так, в главе I УК РСФСР 1922 года были выделены «Государственные преступления», к которым относились преступления контрреволюционные и против порядка управления. Под первыми понима-

¹ См. Kenny, *Outlines of Criminal Law*, 1952, p. 312 (преступления против государства), Russel on Crime, Vol. I, 1950, p. 127 (преступления против безопасности государства), J. Stephen, A. *Digest of the Criminal Law*, 1950, p. 55 (преступления против публичного порядка — внутреннего и внешнего), p. 161 (преступления, причиняющие вред обществу в целом). В федеральном уголовном кодексе США имеются глава I «Преступления против существования правительства» и глава 4 «Преступления против деятельности правительства». См. также W. Clark and W. Marshall, A. *Treatise on the Law of crimes* 1952, p. 63 (преступления против правительства как такового), p. 636 (преступления против осуществления правосудия и деятельности правительства).

лись действия, направленные на свержение власти рабоче-крестьянских Советов и рабоче-крестьянского правительства (ст. 57), под вторым — деяния, направленные к нарушению правильного функционирования подчиненных органов управления или народного хозяйства (ст. 74). Законодательные определения преступлений двух этих групп дают основания для вывода, который не требует особых доказательств: под государственными преступлениями законодатель понимал деяния, направленные против социалистического государства рабочих и крестьян.

Глава II кодекса была посвящена «Должностным (служебным) преступлениям». Определения важнейших из этих преступлений (злоупотребления властью, превышения и бездействия власти, халатного отношения к службе и др.) свидетельствуют о том, что законодатель, устанавливая уголовную ответственность за указанные деяния, имел в виду поставить под охрану интересы советского государственного аппарата, для которого серьезнейшее значение имеет правильное выполнение должностными лицами своих обязанностей. Все эти соображения с соответствующими изменениями в формулировках применимы и к воинским преступлениям, о которых в ст. 200 УК РСФСР 1922 года (гл. VII) говорилось: «Специально воинскими преступлениями признаются преступные деяния военнослужащих Красной Армии и Красного Флота, направленные против установленного законом порядка несения военной службы и выполнения вооруженными силами республики своего назначения, и притом такие именно, которые по своему характеру и значению не могут быть совершены гражданами, не состоящими на военной или морской службе».

В особую главу в Уголовном кодексе РСФСР 1922 года были выделены «Преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности». Эта глава делилась на разделы, каждый из которых включал в себя определенную группу посягательств на блага личности. Разделы назывались: 1. Убийство. 2. Телесные повреждения и насилие над личностью. 3. Оставление в опасности. 4. Преступления в области половых отношений. 5. Иные посягательства на личность и ее достоинство. В других главах Уголовного кодекса РСФСР 1922 года такого подробного деления на разделы не было.

Специального внимания в этом документе заслуживают главы IV — «Преступления хозяйственные» и VI — «Имущественные преступления». Выделение в уголовном кодексе особого раздела, посвященного хозяйственным преступлениям, представляло собой отражение в области уголовного законодательства факта возникновения и укрепления государства нового типа, народного государства, взявшего в

свои руки управление народным хозяйством. Поначалу эта глава была невелика. Она насчитывала всего лишь 16 статей (расточение арендатором государственного достояния, неисполнение обязательств по заключенному с государством договору, нарушение положений, регулирующих проведение в жизнь государственных монополий, нарушение нанимателями коллективных договоров с профсоюзами, воспрепятствование законной деятельности профсоюзов, спекуляция, искусственное повышение цен на товары путем сговора или стачки торговцев между собой и т.д.). Эти особенности главы «Хозяйственные преступления» в условиях издания Уголовного кодекса 1922 года были вполне понятны. Речь шла о первом периоде новой экономической политики, когда хозяйственно-организаторская деятельность самого государства не получила еще полного развития, а руководство хозяйством со стороны государства и охрана интересов народного хозяйства заключались в значительной мере в том, чтобы держать в узде капиталистические элементы, не допуская их выхода за установленные для них законами Советской власти пределы. «...Пролагая новые пути в области уголовного законодательства» (так оценил проект Уголовного кодекса РСФСР 1922 года IV Всероссийский съезд деятелей советской юстиции), проект отвечает «...практическим задачам переживаемого периода пролетарской революции...»¹. Одной из этих задач было не допускать стеснения деятельности частных торговцев и предпринимателей, если они соблюдают советские законы, и сурово карать их, если они допускают малейшее отступление от них².

Глава «Имущественные преступления» содержала нормы, предусматривавшие ответственность за посягательства как на социалистическую собственность, так и на собственность отдельных лиц. В некоторых случаях, как это имело место в отношении лиц, совершающих кражи, присвоения, мошенничества, ответственность за посягательство на собственность двух этих видов предусматривалась раздельно, в других, например, при грабеже, разбое, вымогательстве, истреблении или повреждении имущества, такого разделения не было. Это объединение посягательств на социалистическую собственность и собственность отдельных лиц в одну главу объяснялось условиями современного Уголовному кодексу 1922 года исторического периода. В этот период социалистическая собственность еще не была безраздельно господствующей формой собственности и в связи с этим у государства не было необходимости рассматривать посягательства на нее как особую группу преступлений, подлежащую выделению в самостоятельный раздел уголовного законодательства.

¹ См. «Уголовное право, Общая часть», М., 1948, стр. 124.

² См. В. И. Ленин, Соч., т. 33, стр. 155.

Законодатель исходил из того, что в охране нуждается собственность, и на этом основании выделял в отдельную группу направленные против нее преступления.

Уголовный кодекс РСФСР 1926 года в первоначальной редакции, а также и в последующий период после внесения изменений, связанных с изданием в 1927 году Положений о государственных и воинских преступлениях, содержал и в настоящее время содержит примерно те же главы, что и предшествовавший документ. Однако позднее в связи с дальнейшим развитием социалистического государства в советском уголовном законодательстве произошел ряд изменений, которые потребовали нового подхода к вопросам системы Особенной части. Не подрывая принципа построения этой системы по признаку объекта, напротив, именно на основе этого принципа был существенно изменен состав общесоюзного и республиканского уголовного законодательства. Это, естественно, получило отражение в первую очередь в учебниках Особенной части.

Издание закона от 7 августа 1932 г. положило начало процессу выделения в особую группу норм, предусматривающих ответственность за посягательства на собственность социалистического государства и социалистических общественных организаций. Указанный процесс получил дальнейшее развитие с изданием Президиумом Верховного Совета СССР 4 июня 1947 г. Указа «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества». Если до этого учебники выделяли в особую группу только те посягательства на социалистическую собственность, которые подпадали под признаки закона от 7 августа 1932 г.¹, то после издания Указа от 4 июня 1947 г. в литературе в отдельный раздел были выделены все деяния, имевшие своим объектом социалистическую собственность².

В то же время следует отметить и весьма показательные отклонения взглядов советских теоретиков на последовательность расположения материала Особенной части от того, что имеет место в уголовных кодексах. Стали различать законодательную и научную систему Особенной части, что само по себе свидетельствует о назревшей необходимости перестройки законодательной системы³.

Учебнике Особенной части, изданном в 1951 году, в соответствии с системой уголовных кодексов на первом месте помещены только государственные преступления — контрреволюционные и особо опасные против порядка управления. Далее идет глава о посягатель-

¹ См. «Уголовное право, Особенная часть», М., 1939, стр. 96 и след.

² См. «Советское уголовное право, часть Особенная», М., 1951, стр. 139 и след.

³ По вопросу о системе Особенной части см. § 3 гл. 2 книги М. Д. Шаргородского «Уголовный закон», М., 1948.

ствах на социалистическую собственность, отсутствующая в уголовных кодексах. Затем — глава, посвященная преступлениям против личности; в Уголовном же кодексе РСФСР эти преступления предусмотрены в главе 6¹.

Системы Уголовного кодекса и названного учебника не совпадают и далее.

Указанные изменения, естественно, должны будут найти отражение и в законодательстве.

Как видно, предпринятый под интересующим нас углом зрения обзор развития советского законодательства подтверждает правильность сформулированного ранее положения. И в общем определении преступления как посягательства на интересы рабочего класса, на установленные им общественные отношения, и в определениях отдельных групп преступлений, а также при делении преступлений на группы важное, хотя и не исключительное, значение в составе объекта имеет признак носителя охраняемых уголовным правом интересов, конкретный участник социалистических общественных отношений. До того как преступление совершено — это охраняемый угрозой применения наказания «субъект». После совершения преступления — это охраняемый посредством применения наказания потерпевший — не только в конкретном процессуальном облике физического или юридического лица, которое или представителя которого можно вызвать в суд, допросить и т.д., но и в обобщенном смысле — в смысле обладателя соответствующих интересов, обеспеченных запретом или велением уголовного закона.

То обстоятельство, что при совершении каждого преступления потерпевшим в конечном счете является государство, поскольку при этом всегда страдает государственный правопорядок, не только не исключает, а, напротив, предполагает существование в конкретных случаях конкретных потерпевших — учреждений, объединений лиц или отдельных граждан. Не следует, однако, забывать, что процессуальная конкретика «обстоятельств дела» (об оскорблении Иванова, о краже у него часов, о хищении товаров на сумму 8000 руб. в магазине «Электросбыта» в г. Москве и т.д.) представляет собой практическое выражение того, что в обобщенном виде представлено в законодательной формуле оскорбления, кражи личного или хищения государственного имущества — в общем понятии преступлений против личности, ее собственности либо против собственности государства. Нет необходимости доказывать, что подобное положение имеется во всех

¹ Следует отметить, что в литературе встречаются высказывания в пользу помещения главы о преступлениях против личности непосредственно вслед за главой о государственных преступлениях. Предложения такого рода следует признать заслуживающими внимания. (См. В.С. Тадевосян, К разработке проекта Уголовного кодекса СССР, «Советское государство и право» 1954 г. № 4, стр. 77).

случаях совершения преступления, в частности в тех, когда потерпевшего, например государство, при разглашении государственной тайны представляет или может представлять только прокурор. Конкретность охраняемых уголовным правом интересов определяется, в частности, тем, что обладателями этих интересов, носителями соответствующих возможностей всегда являются определенные социальные установления — государство, государственные учреждения, объединения лиц, личность.

Этот момент нашел отчетливое выражение в ст. 2 Закона о судостроительстве 1938 года, которая говорила как о задаче советского правосудия о защите установленного Конституцией общественного и государственного устройства, социалистической системы хозяйства, социалистической собственности, гарантированных Конституцией прав и интересов граждан и, наконец, прав и охраняемых законом интересов государственных и общественных учреждений, предприятий и организаций¹.

Таким образом, участники общественных отношений, носители соответствующих охраняемых правом интересов, те государственные и общественные установления, которым преступление причиняет вред, ущерб, охватываются понятием охраняемого уголовным правом общественного отношения — понятием объекта преступления; вместе с самими этими интересами они образуют составную часть объекта преступления².

Как видно, мы приходим к выводам, весьма «близким» к тем, к которым пришли авторы четвертого издания учебника Общей части и учебника Общей части, изданного в 1952 году. Как и они, мы считаем, что объектом преступления являются участники общественных отношений, их субъекты. Однако, по нашему мнению, не следует противопоставлять общественные отношения их субъектам. В отличие от авторов учебников, подчеркивающих, что в этих случаях объектом являются не сами общественные отношения, а их субъекты, мы считаем, что субъекты общественных отношений образуют составную часть этих последних и что поэтому в понятие объекта преступления обязательно включаются и те, и другие.

5. Подчеркивая значение участников общественных отношений для построения системы Особенной части уголовного законодательства, мы не имели в виду присвоить им в этом отношении какую-

¹ Эти формулировки воспроизведены в ст. 2 Положения о прокурорском надзоре 1955 года.

² См. Н. Загородников, Система составов преступлений против личности в связи с проектом УК СССР, «Социалистическая законность» 1954 г. № 7, стр. 23–24. В интересной статье «Bemerkungen zum schuldproblem» в № 11 журнала «Neue Justiz» за 1952 год, стр. 486, 487, I. Renneberg указывает, что объектом преступления являются общественные отношения (Verhältnisse) и «устройство» (Einrichtungen), причем это последнее он в другом месте обозначает как «установления» (Institutionen).

либо исключительную роль. Как и при решении других вопросов уголовного права, их значение здесь определяется значением объекта, и это лишний раз доказывает, что они являются его неотъемлемой составной частью. Если бы признак охраняемого субъекта представлял собой единственную и исключительную основу для построения системы Особенной части, то в условиях социалистического государства мы могли бы прийти к парадоксальному выводу о невозможности построения какой бы то ни было системы Особенной части. В социалистическом государстве, представляющем собой организованное в государство социалистическое общество, каждое преступление в определенном смысле или в конечном счете направлено против интересов государства. Это относится и к преступлениям против личности, которые в социалистическом государстве ввиду того, что личность занимает в нем исключительное положение, являются и признаются особо общественно опасными.

Если даже отвлечься от этого обстоятельства, то и тогда признание «охраняемого субъекта» исключительным основанием для построения системы Особенной части должно было бы привести, в частности, к тому, что все преступления, направленные, например, против интересов личности (убийство, нарушение избирательного права, кража личного имущества и т.д.), оказались бы в одном разделе Особенной части.

Между тем задача построения системы Особенной части заключается именно в том, чтобы, с одной стороны, разделить охраняемые уголовным законом интересы на группы в зависимости от их специфического значения для государства и общества и, с другой — таким образом построить составы преступлений, относящихся к соответствующей группе, чтобы обеспечить надлежащую охрану интересов, против которых эти преступления направлены.

В свою очередь специфическое значение интересов, охраняемых уголовным законом, для государства и общества и, соответственно, специфическая общественная опасность преступлений, направленных против этих интересов, определяется тем, кому, какому государственному или общественному установлению эти интересы принадлежат и в соответствующих случаях к какой группе интересов того или иного «субъекта» относится данный интерес, поражаемый данным преступным деянием.

Исходя из этого, законодатель, с одной стороны, выделяет из числа государственных интересов такие, которые принадлежат государству непосредственно, и наряду с этим особо берет под охрану ряд социальных установлений, рассматривая их как самостоятельных участников общественных отношений. В результате в уголовных кодексах появляется раздел государственных преступлений и особо —

разделы, имеющие своим предметом должностные, хозяйственные, воинские преступления, преступления против личности, против порядка управления и т.д.

С другой стороны, в связи с тем, что участник общественных отношений обладает разнообразными интересами, качественно отличающимися друг от друга и в то же время нуждающимися в уголовно-правовой охране, законодатель делит их на однородные группы и выделяет охраняющие их нормы в особые разделы Особенной части. Группировка материала Особенной части предполагает в каждой группе не только определенного носителя обеспеченных законом интересов, но и определенную качественную однородность самих этих интересов. Например, при одном и том же «субъекте» — личности — различные обеспечиваемые ей интересы отличаются друг от друга; ее *блага* — жизнь, здоровье и т.д. отличаются от ее *политических, трудовых, жилищных и других прав*, а эти последние отличаются от имущественных прав¹.

В соответствии со сказанным появление новых разделов в Особенной части советского уголовного законодательства обычно выражает стремление законодателя либо поставить в условия особой охраны определенные интересы того или иного их носителя, либо усилить охрану интересов определенного «субъекта». Так, весьма желательно включение в будущие уголовные кодексы, как это уже сделано в новых Уголовных кодексах Казахской и Узбекской союзных республик, глав о преступлениях против политических и трудовых прав граждан (об этом объекте особо упоминается в ст. ст. 1 и 7 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 года) и о преступлениях против правосудия. Это означало бы усиление правового обеспечения советским гражданам возможности использования ими своих прав и установление условий особой охраны для осуществления правосудия в социалистическом государстве.

Нет необходимости доказывать, что в единстве — группа однородных интересов и их носитель этот последний играет важную роль. Как правило, установление того, против какого охраняемого субъекта направлено то или иное деяние, объективные признаки кото-

¹ См. Н. Загородников, Система составов преступлений против личности в связи с проектом УК СССР, «Социалистическая законность» 1954 г. № 7, стр. 24. Уголовный кодекс Чехословацкой республики не без основания делит преступления против личности на две различных главы: преступления против жизни и здоровья и преступления против свободы и человеческого достоинства (гл. 6 и 7). Мы не можем согласиться с М. И. Федоровым, который считает, что человек — личность как таковая — может выступать лишь в качестве предмета, а не объекта преступления (М. И. Федоров, Понятие объекта преступления по советскому уголовному праву, «Ученые записки Пермского государственного университета имени Горького», т. XI, вып. 4, кн. 2, 1957, стр. 190).

рого предусмотрены в различных статьях уголовного кодекса, есть в то же время и решение вопроса о квалификации этого деяния. Именно по этому основанию злоупотребление служебным положением может быть государственным, должностным или воинским преступлением, изъятие чужого имущества — преступлением против социалистической или личной собственности или против порядка управления (самоуправство), изъятие официального документа — шпионажем, преступлением против порядка управления или приготовлением к совершению преступления против социалистической собственности и т.д.

Принцип соответствия характера интересов, охраняемых нормами, включенными в определенный раздел уголовного кодекса, характеру носителя этих интересов имеет весьма большое значение как для установления «объема» отдельных составов, входящих в данный раздел, так и с точки зрения построения определений составов преступлений, и относимых к тому или иному разделу Особенной части.

В первом отношении можно сослаться на ст. 95 УК РСФСР, предусматривающую ответственность за ложный донос и ложные показания как за преступления против порядка управления, точнее — против правосудия. Поскольку, как будет показано ниже, объектом преступлений против правосудия является обеспеченная законом судебно-следственным органам возможность нормально функционировать, постольку, с точки зрения Уголовного кодекса РСФСР, представляется возможным усматривать состав ложного доноса в действиях лица, не указавшего в доносе имени человека, якобы совершившего преступление¹.

Во втором отношении весьма показательным является состав разбоя. Действующее законодательство, определяющее разбой как нападение с целью завладения чужим имуществом, соединенное с насилием или угрозой применения насилия, а также судебная практика относят этот состав к группе преступлений против собственности — социалистической или личной. Законодательное определение и сам характер преступления свидетельствуют о том, что разбой посягает как на собственность, так и на личность и имеет поэтому два объекта или двойной объект. Однако по вопросу о том, какой из этих объектов является главным, решающим, в смысле определения места такого преступления, как разбой, в системе Особенной части, мнения теоретиков расходятся. Большинство, как и законодатель, относят разбой к числу преступлений против собственности. Однако против такого решения можно выдвинуть два возражения. С одной стороны, жизнь, здоровье и другие блага личности, страдающие при разбое, имеют большую общественную ценность, чем, окажем, лич-

¹ См. «Советское уголовное право, часть Особенная», М., 1951, стр. 377–378.

ная собственность. С другой — законодатель, как бы признавая только что указанное обстоятельство, связывает окончание разбоя не с моментом завладения имуществом, а с моментом нападения. Основываясь на этом, некоторые теоретики¹ относят разбой к числу преступлений против личности. Но эта позиция противоречит решению вопроса в законодательстве. Кроме того, в ряде случаев момент посягательства на личность при разбое выражен слабо — несоразмерно с моментом посягательства на собственность, например, в случае, когда преступник, не прибегая к насилию или словесным угрозам, а просто пользуясь устрашающей потерпевшего обстановкой, ночью на безлюдной улице отбирает у последнего крупную сумму денег.

Далее, при трактовке разбоя в качестве преступления против личности в орбиту учения о преступлениях против личности придется включить ряд чуждых этой области вопросов (о собственности, об имуществе, о владении и завладении им и т.д.).

Было высказано мнение, что эти недоразумения порождаются тем, что объектом разбоя в действительности являются в первую очередь не собственность, не блага личности, а интересы общественного порядка и общественной безопасности. При каких обстоятельствах ни происходило бы разбойное нападение, с какой интенсивностью ни были бы представлены в нем моменты посягательства на собственность и на личность, оно *всегда серьезно*, нарушает общественный порядок и общественную безопасность. Видоизменяя приведенный пример, можно сказать, что в случае, когда преступник, применив минимальную степень психической угрозы, в результате не смог завладеть каким бы то ни было имуществом ввиду того, что такового при потерпевшем не оказалось, общественная безопасность и общественный порядок нарушены в той же мере, как и при завладении крупной денежной суммой, и почти в той же мере, как и при применении грубого физического насилия. Будучи похожим в этом отношении на бандитизм, с которым у разбоя немало общего, это преступление серьезно дезорганизует жизнь общества, порождает обоснованную тревогу среди граждан, требует проведения охранительных мероприятий, отвлекающих внимание и силы органов, осуществляющих повседневное управление государством, от стоящих перед ними организационно-хозяйственных и культурно-воспитательных задач, является, наконец, той почвой, на которой происходит процесс концентрации и дальнейшей деморализации антиобщественных элементов. Поэтому, сохраняя определение разбоя как соединенного с насилием или с угрозой его применения нападения

¹ Например, Б.С. Маньковский (См. его предисловие к книге «Уголовный и уголовно-процессуальный кодексы Чехословацкой республики», 1951, стр. 15). См. также М.Б. Гугучия, Ответственность за разбой по советскому уголовному законодательству, М., 1958, стр. 20, 21, 25.

с целью завладения имуществом, предлагали поместить этот состав на первом месте в главе, посвященной преступлениям против общественной безопасности и общественного порядка. Само собой разумеется, если бы законодатель поступил таким образом, он не мог бы ограничиться простым перемещением определения разбоя из одной главы Особенной части в другую. Такое перемещение вызвало бы необходимость перестроить структуру состава разбоя, несколько отодвинув в глубину моменты, не имеющие первостепенного значения для характеристики разбоя как посягательства на общественную безопасность, и выдвинув на передний план обстоятельства, играющие в этом отношении большую роль. Так, с одной стороны, для квалификации деяния в качестве разбоя было бы несущественно, явилось ли «предметом» преступления государственное, общественное или личное имущество. С другой — квалифицированным должен был бы считаться разбой, совершенный неоднократно или лицом, ранее судившимся за то же преступление. Наконец, особо суровое наказание должно было бы быть предусмотрено за разбой, совершенный вооруженной бандой или соединенный с причинением тяжких телесных повреждений.

Таким образом, на настоящем этапе нашего исследования мы можем констатировать, что в основе построения системы Особенной части уголовного законодательства лежат группы однородных интересов, принадлежащих одному и тому же участнику социалистических общественных отношений и охраняемых нормами одного и того же раздела Особенной части уголовного кодекса. Для того чтобы построить более точное определение этого «основания деления» материала Особенной части, нам необходимо подвергнуть анализу само понятие охраняемых уголовным правом интересов и решить вопрос о соотношении этих интересов с общественными отношениями, охраняемыми уголовным правом. Сделать это тем более важно, что, как мы видели, некоторые теоретики противопоставляют эти интересы общественным отношениям.

Б. Отношения между участниками

6. Чтобы облегчить дальнейшее рассмотрение проблемы содержания общественных отношений, охраняемых советским уголовным правом, и сделать это рассмотрение более систематичным, целесообразно обратиться к таким отношениям, которые закрепляются в первую очередь нормами не уголовного права¹. Среди такого рода «внешних» (в только что указанном смысле) для уголовного права отношений обращают на себя внимание такие, которые имеют юри-

¹ См. В. Н. Кудрявцев, Противоправность преступления, «Правоведение» 1959 г. № 1.

дическую форму правоотношений, включающих в себя в качестве своей необходимой составной части субъективное право управомоченного субъекта. Преступления, нарушающие общественные отношения этой группы, нарушают в то же время и известное субъективное право, в котором это общественное отношение получает юридическое выражение. Конкретно речь идет о некоторых из тех преступлений, о которых упоминает ст. 7 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 года, именно о посягательствах на гарантированные Конституцией политические, трудовые, имущественные и другие права граждан СССР. Целесообразность такого подхода определяется в значительной мере большим значением исследования вопросов, связанных с охраной прав советских граждан. Но дело не только в этом. В тех случаях, когда общественное отношение имеет в то же время форму правового отношения, как это происходит в интересующих нас случаях, эта правовая оболочка хорошо видна и легко поддается анализу. Исходя из того, что правоотношение есть юридическая форма своего материального содержания¹ — соответствующего общественного отношения, — мы, подвергнув эту форму исследованию (расчленив ее на составные части и выяснив их соотношение), получим возможность под юридической оболочкой «нащупать» само общественное отношение и показать, каким образом оно может быть нарушено². Выполнив это применительно к общественным отношениям указанного вида, мы получим материал для выводов более общего характера, применимых к преступлениям, не связанным с нарушением правоотношений.

Советская теория государства и права по вопросу о правоотношении приходит к следующим основным выводам³. Выражающий волю господствующего класса закон устанавливает правовые нормы — правила поведения, указывающие, какого образа действий должны придерживаться люди при определенных обстоятельствах. Слово «должны» означает при этом, что управомоченный участник правоотношения может настаивать на соблюдении каждого данного правила обязанным лицом. «Настаивать» — значит иметь возможность в случае необходимости обратиться к помощи государства или в

¹ См. там же, стр. 72.

² Посягательства на те общественные отношения, которые, «как правило..., являются правовыми отношениями», выделяет в особую группу и В.Н. Кудрявцев (О соотношении предмета и объекта преступления по советскому уголовному праву, «Труды Военно-юридической академии», вып. XIII, стр. 48 и сл.). См. также «Советское уголовное право, Общая часть», М., 1959, стр. 119. Следует заметить, что некоторые криминалисты считают возможным при характеристике объекта ограничиваться исследованием одной только правовой формы. См. Б.В. Здравомыслов, Преступные нарушения авторского и изобретательского права, 1959, стр. 63, 67.

³ См. учебники по теории государства и права, а также работы Н.Г. Александрова, М.П. Каревой, С.Ф. Кечекьяна, О.С. Иоффе и др.

соответствующих случаях общественности, которые поддерживают установленные законом правила поведения средствами государственного принуждения или общественного воздействия. Правоотношение есть обеспеченное этими средствами отношение между людьми, при котором связь между ними существует в виде, с одной стороны, права одного лица требовать соблюдения другим лицом установленного законом правила поведения, а с другой стороны, обязанности этого другого лица подчиниться указанному требованию. Реализация прав и выполнение обязанностей субъектами правоотношения, иными словами, действия, совершенные ими в осуществление имеющегося между ними правоотношения, остаются в рамках этого последнего. Находящееся в стадии реализации правоотношение не перестает быть таковым. Так, если предоставление ссуды создает правоотношение между кредитором и должником, то возвращение полученного в ссуду имущества не выходит за пределы этого правоотношения. Невыполнение указанного требования обязанным лицом, т.е. опять-таки определенное поведение этого лица, является правонарушением как в смысле невыполнения этим лицом веления закона, так и в смысле нарушения правоотношения и прав другого лица. Таким образом, между правовой нормой и правоотношением существует определенная взаимозависимость. Правовая норма и правоотношение — явления соотносительные. Правоотношение может существовать только при наличии правовой нормы¹. Более того, «реализация права в жизни происходит путем установления в обществе разнообразных, предусмотренных в нормах права правоотношений между членами общества, между ними и государством»². «По своему смысловому, классово волевому содержанию, — подчеркивает Н.Г. Александров, — юридическая норма всегда представляет собой тот или иной вид правоотношения, данный идеально, т.е. в сознании политически господствующего класса, в государственном сознании»³.

До сих пор мы касались только правовой стороны дела. Однако очевидно, что правовые нормы и правоотношения существуют не как самоцель, а ради достижения определенных практических результатов. Юридические нормы устанавливают такие правила поведения людей в отношении друг друга, которые отвечают интересам господствующего класса. Запрещая совершение одних действий и требуя совершения других, в обоих случаях под страхом неблагопри-

¹ См. М.П. Карева и А.М. Айзенберг, *Правовые нормы и правоотношения*, М., 1949, стр. 50. См. также М.П. Карева, С.Ф. Кечежян, *О социалистических правоотношениях*, М., 1956, стр. 20.

² М.П. Карева и А.М. Айзенберг, *Правовые нормы и правоотношения*, М., 1949, стр. 4.

³ Н.Г. Александров, *Сущность права*, М., 1950, стр. 39.

ятных последствий за несоблюдение запрета или требования закон содействует созданию и укреплению определенного строя отношений между людьми, определенного строя общественных отношений. В социалистическом государстве это — отношения социалистической взаимопомощи свободных от эксплуатации людей. В эксплуататорских государствах правовые нормы закрепляют отношения эксплуатации человека человеком, эксплуатации трудящихся ничтожным меньшинством, владеющим орудиями и средствами производства.

Таким образом, возникающие на основе юридической нормы правоотношения представляют собой не что иное, как правовую форму, юридическую оболочку общественных отношений, отвечающих интересам господствующего класса. «Юридические нормы, — пишет Н.Г. Александров, — ...предусматривают определенные виды общественных отношений как правоотношений»¹. Если юридическая норма представляет собой правоотношение, данное идеально, то само это правоотношение есть общественное отношение, данное юридически, как связь юридического (в отличие от морального) права и соответствующей ему юридической обязанности. Справедливо указывая, что гражданские правоотношения в конечном счете определяются общественными отношениями, О.С. Иоффе пишет: «Именно поэтому социалистические гражданские правоотношения и по форме и по содержанию являются прямым выражением социалистических общественных отношений... в качестве способа закрепления и развития которых они выступают»².

Однако, если правоотношение в целом представляет собой общественно-правовую форму соответствующего общественного отношения, взятого в целом, то каждый элемент этого правоотношения, в частности составляющий его право и обязанность, должен представлять собой юридическое выражение определенного элемента общественного отношения, отражаемого в правоотношении. Если, далее, правоотношение есть закрепленная правовой нормой связь права и обязанности, то эта связь в свою очередь не может не быть отражением связи между соответствующими элементами общественного отношения. И, наконец, отсюда следует, что «механизм» правонарушения должен обязательно отражать соответствующий ему процесс в материальной сфере — отражать «механизм» нарушения общественного отношения, причинения ему ущерба, вреда.

Переходя к рассмотрению совокупности указанных вопросов³, представляется, что советская теория в основном правильно опреде-

¹ Н.Г. Александров, Сущность права, М., 1950, стр. 39.

² О.С. Иоффе, Правоотношение по советскому гражданскому праву, М., 1949, стр. 64.

³ Вопросы, связанные с проблемой правоотношения, излагаются нами лишь в той мере, в какой это необходимо для данной работы.

ляет содержание прав и обязанностей в правоотношении. Она указывает, что под правомочием или правом в субъективном смысле следует понимать *обеспеченную лицу законом возможность вести себя определенным образом*. Это возможное поведение гарантируется лицу государством против тех, кто будет препятствовать лицу реализовать эту возможность или откажется обеспечить ее реализацию предусмотренными нормой положительными действиями¹. В соответствии с тем, что было сказано о правоотношении, реализация такого рода возможности остается в рамках правоотношения. Само собой разумеется, важнейшим средством обеспечения советским гражданам предоставленных им «правовых возможностей»² являются сами условия жизни в социалистическом государстве. Реальные возможности осуществления советскими гражданами принадлежащих им прав обеспечиваются в первую очередь не тем, что закон создает обязанности для определенных лиц, а самим фактом уничтожения эксплуатации и укрепления социалистической системы в народном хозяйстве. Так, конституционное право граждан СССР на труд «обеспечивается социалистической организацией народного хозяйства, устранением возможности хозяйственных кризисов и ликвидацией безработицы» (ст. 118 Конституции СССР). Однако это ни в малейшей мере не уменьшает значения советского права, закона как одного из средств обеспечения прав граждан. В приведенном только что примере советские трудовые, гражданские и, как будет показано далее, уголовные законы играют большую роль в деле обеспечения выполнения коллективных и индивидуальных трудовых договоров, условий безопасности труда и т.д., не говоря уже о том значении, которое советское право имеет в области самой социалистической организации народного хозяйства.

С несколько меньшей определенностью решает советская теория вопрос о содержании правовой обязанности. Н.Г. Александров под юридической обязанностью в правоотношении понимает должное поведение, несоблюдение которого влечет применение тех или иных государственных санкций³. Вскрывая материальное содержание должного поведения и увязывая его с правом как возможностью, Н.Г. Александров указывает, что должное поведение «состоит в невоспрепятствовании или положительном обеспечении возможности первой стороны...»⁴. Здесь нетрудно заметить неточность.

¹ См. Н.Г. Александров, *Сущность права*, М., 1950, стр.37. См. также его же, *Законность и правопорядок в социалистическом обществе, «Советское государство и право» 1955 г. № 5*, стр. 10, 12; М.П. Карева, С.Ф. Кечекьян, *О социалистических правоотношениях*, М., 1956, стр. 22.

² См. Н.Г. Александров, *Сущность права*, М, 1950, стр. 43.

³ См. Н.Г. Александров, *Сущность права*, М., 1950, стр. 38.

⁴ Там же, стр. 37.

Раскрывая обязанность, как должное поведение, Н.Г. Александров определяет ее в значительной мере в терминах той же обязанности тавтологически: поведение, которого лицо обязано придерживаться, и есть должное для него поведение. Нам представляется целесообразным определить обязанность за неимением пока более удачного и полного обозначения как правовую невозможность поведения, выражающегося в воспрепятствовании другому лицу в реализации обеспеченной ему возможности или в необеспечении реализации такой возможности другим лицом. Под правовой невозможностью определенного поведения мы понимаем невозможность вести или не вести себя определенным образом, закрепленную правом, законом и тем самым гарантированную другому субъекту правоотношения как средство обеспечения предоставленной ему законом возможности.

В социалистическом государстве невозможность совершения определенных действий, нарушающих социалистический уклад отношений между людьми, обеспечивается в первую очередь не законом, а самими условиями жизни в нашей стране. Так, невозможность эксплуатации человека человеком обеспечивается у нас тем, что экономическую основу СССР составляют социалистическая система хозяйства и социалистическая собственность, утвердившиеся в результате ликвидации капиталистической системы хозяйства и отмены частной собственности на орудия и средства производства. Это, однако, ни в малейшей мере не умаляет значения советских законов как одного из средств, при помощи которых социалистическое государство обеспечивает невозможность совершения определенных действий. В приведенном примере советские гражданские и уголовные законы играют большую роль в качестве средства недопущения паразитического существования за чужой счет путем ростовщичества, спекуляции и других способов неосновательного обогащения, не говоря уже о том значении, которое советское право имеет в деле руководства социалистическим хозяйством и в области охраны и укрепления социалистической собственности. Что же представляет собой материальный субстрат правоотношения *как связи права и обязанности*?¹

Значение этого вопроса определяется тем, что ответ на него есть вместе с тем и ответ на вопрос о том, что представляет собою само общественное отношение, получающее свое юридическое выражение в правоотношении. Логически развивая изложенные соображения о правоотношении как о соотношении, с одной стороны, субъектив-

¹ См. М.П. Карева, С.Ф. Кечежян, О социалистических правоотношениях, М., 1956, стр. 21–23; см. так же С.Ф. Кечежян, Нормы права и правоотношения, «Советское государство и право» 1955 г. № 2, стр. 25.

ного права и закрепляемой им возможности определенного поведения, и с другой — правовой обязанности и обеспечиваемой ею невозможности поведения определенного рода и следуя методу движения от правовой формы к ее материальному содержанию, мы должны будем прийти к следующему выводу. Связь права и обязанности в правоотношении или же само правоотношение с этой его стороны является юридическим отражением, или выражением общественного отношения, представляющего собою не что иное, как связь, соотношение, согласованность для одного лица возможности вести себя определенным образом, а для другого лица или других лиц соответствующей невозможности или соответствующей общественной необходимости вести себя определенным образом. «Соответствующей» — в том смысле, что поведение этого другого лица или этих лиц не должно препятствовать или должно содействовать реализации указанной выше возможности.

Однако это только одна сторона дела, тот аспект общественного отношения, который в правоотношении получает отражение в закреплённости «правовой позиции одного лица по отношению к другим лицам»¹. Другая, с нашей точки зрения, более важная сторона этого вопроса — определение того аспекта общественного отношения, который отражается в правоотношении динамически, — отражается в нем в процессе его реализации, в действиях его субъектов, совершаемых ими в осуществление своих прав и обязанностей. С этой точки зрения общественное отношение представляет собою деятельность его участников. Подобно тому как реализация прав и выполнение обязанностей субъектами правоотношения образуют содержание этого последнего и составляют его часть, соответствующая деятельность тех же лиц, если рассматривать их как участников общественного отношения, представляет собою важнейший этап и способ реализации этого отношения. Общественные отношения — это либо определенное положение людей по отношению друг к другу, либо общественная деятельность этих людей, соответствующая их положению в обществе, или и то и другое одновременно. Именно поэтому одно и то же общественное отношение нередко раскрывается по-разному — то как соотносимость определенных позиций участников отношения, то как их деятельность «с этих позиций», говоря условно — с «позиции возможности» и с «позиции невозможности» вести себя определенным образом. Так, подходя к капиталу как к определенному, общественному, принадлежащему

¹ В. Н. Кудрявцев, О соотношении предмета и объекта преступления по советскому уголовному праву, «Труды Военно-юридической академии», вып. XIII, стр. 50; см. также О. С. Иоффе, Правоотношение по советскому гражданскому праву. М. 1949. стр. 13, 61, 63, 64. См. также М. П. Карева, С. Ф. Кечекьян, О социалистических правоотношениях, М, 1956, стр. 23.

определенной исторической формации общества производственно-му отношению¹, марксизм-ленинизм видит начало капиталистического производства там, где средства производства сосредоточены в частных руках, а рабочие, лишённые средств производства, вынуждены продавать свою рабочую силу как товар. На этом положении основывается и понимание капитала как отношения между капиталистами, владеющими орудиями и средствами производства и поэтому имеющими возможность эксплуатировать чужой труд и присваивать продукт чужого труда, и рабочими, лишёнными средств производства и поэтому вынужденными продавать свою рабочую силу. В то же время широко известны определения капитала, выражающие «динамическую» сторону этого понятия. «Капитал — это мёртвый труд, — писал К. Маркс, — который, как вампир, оживает лишь тогда, когда всасывает живой труд...»². К. Маркс подчеркивал, что «Капитал как самовозрастающая стоимость охватывает не только классовые отношения, не только определенный характер общества, покоящийся на том, что труд существует как наемный труд. Капитал есть движение, процесс кругооборота... Поэтому капитал можно понять лишь как движение, а не как вещь, пребывающую в покое»³. Характерный для общественных отношений момент движения, значение деятельности людей как основного содержания этих отношений не раз подчеркивал и В.И. Ленин. «От развития производительных сил, — писал он, — зависят отношения, в которые становятся люди друг к другу при производстве предметов, необходимых для удовлетворения человеческих потребностей»⁴. Отсюда — признание советской теорией человеческого поведения, деятельности или действий людей в качестве объекта правомочия, обязанности и, стало быть, правоотношения⁵. Отсюда — общепризнанная в советской литературе трактовка правовых норм как правил поведения людей. Отсюда и положение о том, что «...юридическая норма... может регулировать только такие общественные отношения, которые выражают или могут выражаться в актах волевого поведения участников этих отношений»⁶. Наконец, нельзя не заметить, что правовая норма, санкционируя определенное поведение управомоченного лица, признавая это поведение желательным при данных обстоятельствах, тем самым берет его под свою охрану, угрожая неблагоприятными последствиями лицам, которые попыта-

¹ См. К. Маркс, Капитал, т. III, 1955, стр. 827–828.

² К. Маркс, Капитал, т. I. 1955, стр. 238.

³ К. Маркс, Капитал, т. II, 1953, стр. 102.

⁴ В.И. Ленин, Соч., т. 2, стр. 7–8.

⁵ См. О. С. Иоффе, Правоотношение по советскому гражданскому праву, М., 1949, стр. 84.

⁶ Н.Г. Александров, Сущность права, М., 1950, стр. 34–35.

ются мешать управомоченному, будут пытаться прервать его деятельность или затруднить ее.

Созидательная деятельность советских людей во всех областях государственной и общественной жизни, деятельность, в определенной мере направляемая и стимулируемая правом, представляет собой реализацию безграничных возможностей, создаваемых для всех трудящихся социалистическими общественными отношениями взаимопомощи и товарищества свободных людей. Эта деятельность в такой же мере составляет содержание социалистических общественных отношений, как и сами общественные возможности, реализующиеся в ней. Осуществление указанных возможностей обеспечивается, в частности, тем, что в нашей стране ликвидирована эксплуатация человека человеком, нетерпимы паразитизм, тунеядство, жизнь за чужой счет: советский закон возлагает на всех трудоспособных граждан обязанность трудиться. Напротив, общественные отношения капиталистического строя обеспечивают имущим безграничные возможности эксплуатировать чужой труд и паразитически присваивать его результаты¹.

Что же представляет собой «механизм» правонарушения в тех случаях, когда нарушается субъективное право управомоченного субъекта правоотношения? В частности, что является объектом правонарушения в этих случаях? Последний вопрос тем более нуждается в рассмотрении, что в разговорном языке и литературе нередко говорят о нарушении права и даже обязанности или долга.

Возникающие на основе установленной законом правовой нормы права и обязанности, как и правоотношение в целом, создаются и существуют не ради самих себя, не как самоцель. Назначение и практическая цель правоотношения — регулирование поведения людей в их отношениях друг с другом ради обеспечения или охраны определенных интересов управомоченного. «Действие, — пишет О.С. Иоффе, — в конечном счете приводит к удовлетворению опре-

¹ В связи с развитыми соображениями может создаться впечатление, что мы противопоставляем правовые отношения общественным и не считаем правовые отношения имеющими общественный характер. Это, конечно, неверно. Правовые отношения являются общественными уже потому, что они представляют собой отношения между людьми в обществе. Не все общественные отношения суть в то же время и правовые (хотя есть основания считать, что всякое общественное отношение, закрепленное правовой нормой, в том числе нормой уголовного права, есть в то же время и правоотношение). Правовые же отношения обязательно являются вместе с тем общественными. Однако правовые отношения — это особая категория общественных отношений, особая в том смысле, что они одновременно представляют собой правовую форму общественных отношений определенного вида (См. Н.Г. Александров, Законность и правопорядок в социалистическом обществе, «Советское государство и право» 1955 г. № 5, стр. 10, 12; его же, Законность и правоотношения в советском обществе, М., 1955, стр. 94, 98; М.П. Карева, С.Ф. Кечекьян, О социалистических правоотношениях, М., 1956, стр. 9, 10; В.Н. Кудрявцев, Противоправность преступления, «Правоведение» 1959 г. № 1, стр. 71.

деленного интереса, и, рассматриваемое с точки зрения интереса, оно представляет собой не что иное, как средство его удовлетворения. Поэтому, если управомоченному предоставляется субъективное право, обеспечивающее определенное поведение обязанных лиц и обуславливающее тем самым возможность совершения его собственных действий, то благодаря этому создаются необходимые правовые предпосылки для удовлетворения известных интересов управомоченного»¹. Можно, конечно, сказать, и это будет в известном смысле правильно, что интерес управомоченного заключается в том, чтобы обязанное лицо выполнило свою обязанность и что с этой точки зрения правонарушение есть невыполнение обязанности². Однако юридическая обязанность — это лишь правовая форма определенного материального содержания, правовое требование определенного поведения, ради обеспечения которого существует обязанность. Слова «нарушение обязанности» представляют собой юридическое обозначение поведения, не соответствующего требуемому. Поэтому, даже если ставить интересующий нас вопрос в плоскость обязанности, то следует прийти к выводу, что интерес управомоченного лица в действительности заключается в том, чтобы его контрагент в правоотношении вел или не вел себя определенным образом. Ранее, однако, отмечалось, что соответствующее правовой норме поведение обязанного лица имеет вспомогательное значение — оно является средством обеспечения управомоченному возможности «совершения его собственных действий». Поэтому из

¹ О.С. Иоффе, Правоотношение по советскому гражданскому праву, М., 1949, стр. 54. См. также М.П. Карева, С.Ф. Кечекьян, О социалистических правоотношениях, 1956, стр. 22.

² Обязанность считает объектом определенной группы преступлений В.М. Чхиквадзе (Военно-уголовное право, ч. II, 1947, стр. 56). См. также «Советское уголовное право, часть Особенная», 1951, стр. 398 и сл. Эти авторы имеют в виду правонарушение, не связанное с нарушением субъективных прав, например, дезертирство, халатность, неплатеж алиментов и т.д. Тем не менее, развиваемые в тексте соображения по существу целиком относятся и к их предложениям. Н.Д. Дурманов считал объектом должностных преступлений служебный долг (см. «Проблемы социалистического права», сб. II, 1937, стр. 22).

По сути дела, обязанность считают объектом преступления также те авторы, которые в качестве объекта указывают в соответствующих случаях трудовую дисциплину — на транспорте (см. М. Шнейдер, Преступления против трудовой дисциплины на железнодорожном транспорте Союза ССР, автореферат кандидатской диссертации, М., 1949, стр. 9–12; В.Д. Меньшагин, З.А. Вышинская, Советское уголовное право, 1950, стр. 263) или в гражданских учреждениях (см. З.А. Вышинская, Преступления в области трудовых отношений, 1949, стр. 59; И.Ф. Крылов, Преступления в области техники безопасности и их расследование, автореферат кандидатской диссертации, 1954, стр. 9, 10). Трудовая дисциплина — это и есть строгое соблюдение порядка работы, выполнение всех требований, предъявляемых к работнику законом, правилами, инструкциями и т.д., короче — точное исполнение каждым участником трудового процесса своих обязанностей (см. А.А. Чистяков, Борьба с нарушениями трудовой дисциплины на железнодорожном транспорте СССР, автореферат кандидатской диссертации, 1952, стр. 7–8. Вопреки наименованию работы автор считает объектом исследуемых им преступлений нормальную работу транспорта).

бесспорного тезиса — правонарушение есть нарушение интересов управомоченного субъекта правоотношения — необходимо сделать вывод, что усматривать сущность правонарушения в том или ином поведении обязанного лица — значит отвлекаться от объекта правонарушения. Поэтому объект правонарушения никак нельзя видеть в обязанности, долге и других юридических и этических категориях¹.

Это не значит, что не отвечающее норме поведение обязанного лица, нарушение им своего долга не имеют никакого значения для уяснения объекта правонарушения. Подобное поведение представляет собой внешнюю, объективную сторону правонарушения, и именно оно причиняет вред, ущерб интересу управомоченного лица — охраняемому правом объекту. При таком подходе к вопросу внимание правильно переносится на другую, определяющую сторону общественно-правового отношения — на правомочие и соответствующий ему материальный субстрат — обеспечиваемую правом возможность.

Нет необходимости подробно доказывать, что в единстве «право-возможности» право имеет подсобное, вспомогательное значение. Подобно тому как обязанности возлагаются на граждан не для того, чтобы, как указывалось, приучать их к послушанию, а для обеспечения определенного поведения с их стороны, предоставление им прав также не является самоцелью; оно преследует задачу обеспечения им возможности совершать определенные действия². Эта возможность и есть, на наш взгляд, важнейший элемент объекта правонарушения, охраняемый правом интерес управомоченного лица, та составная часть общественного отношения, против которой направляется пра-

¹ Характерно, что авторы, включающие указание на нарушение обязанности в определении соответствующих преступлений, как правило, усматривают объект этих преступлений не в обязанности, а в чем-либо ином. Так, В.Д. Меньшагин, указывая на стр. 11 автореферата своей докторской диссертации, что «преступления против обороны СССР есть уголовно-наказуемые нарушения гражданами... обязанностей по обороне советского социалистического государства», на стр. 27 называет общим объектом преступлений против обороны обороноспособность СССР, а непосредственными объектами этих преступлений интересы комплектования вооруженных сил, сохранность государственной тайны и т.д. (см. В.Д. Меньшагин, Преступления против обороны СССР, автореферат докторской диссертации, М., 1951). Сочетание упоминаний об обязанности с указаниями на тот или иной охраняемый правом интерес вполне закономерен. Все юридические обязанности, тем более императивно налагаемые уголовным законом, равны друг другу, среди них нет больших или меньших (В.Н. Кудрявцев в работе О соотношении предмета и объекта преступления по советскому уголовному праву, «Труды Военно-юридической академии», вып. XIII, стр. 51–52, различает общую конституционную обязанность соблюдения закона и обязанности, являющиеся элементом отдельных правоотношений). Поэтому в таких случаях центр тяжести лежит не в обязанности, а в том интересе, в той обеспечиваемой правом возможности и т.п., ради которых устанавливается обязанность совершить известные действия или воздержаться от совершения известных действий: являться на военную службу по призыву или по мобилизации, не разглашать государственную тайну и т.д.

² См. В.Н. Кудрявцев, Противоправность преступления, «Правоведение» 1959 г. № 1, стр. 72–73.

вонарушение, обозначаемое юридически как нарушение субъективного права. Сказанное в полной мере относится и к тем преступлениям, в которых нарушение общественного отношения с внешней стороны выражается в нарушении субъективного права потерпевшего — в посягательстве на политические, трудовые, жилищные и другие личные и имущественные права и интересы граждан СССР.

Переходя к вопросу о «механизме» нарушения соответствующих общественных отношений преступлениями этой группы, следует прежде всего заметить, что понятие возможности используется нами не в смысле категории, противоположной категории действительности.

Представляется целесообразным привести аналогичные примеры. Известно, что термин «необходимость» обычно используется для обозначения объективной закономерности и противопоставляется случайности. Это, однако, не препятствует употреблению такого термина в другом смысле — для обозначения соответствия процесса, или вывода, или результата требованиям логики, или нравственности, или эстетического чувства. В этом смысле говорят о логической, этической или эстетической необходимости. Вполне закономерно говорить также о правовой необходимости в смысле связанности поведения людей требованиями, содержащимися в правовых нормах, и его соответствия этим требованиям¹. Многозначным является и слово «невозможность», которое вполне можно использовать не только для обозначения того, что не имеет основания в существующем положении вещей и поэтому неосуществимо, но и для характеристики несоответствия процесса или результата правилам логики или этики (логическая или этическая невозможность). Говоря о правовой невозможности, мы понимаем под ней несоответствие поведения человека требованиям юридической нормы и наступление в связи с этим неблагоприятных последствий для нарушителя нормы.

Известно, что термин «возможность» обычно используется для обозначения того, что, коренясь в существующем положении вещей, имеет объективные условия для своего осуществления, потому осуществимо, и в этом именно смысле противопоставляется действительности. В этом методологическом смысле возможность не есть действительность и реализованная возможность есть уже не возможность, а действительность. «Именно в «методологии»... — указывал В.И. Ленин, — надо различать возможное от действительного»².

Как уже указывалось, термин «возможность» используется в настоящей главе не в методологическом смысле, а для обозначения

¹ См. М.П. Карева, С.Ф. Кечекьян, О социалистических правоотношениях, М., 1956, стр. 22.

² В.И. Ленин, Соч., т. 35, стр. 194.

обеспеченной законом «беспрепятственности» такого поведения людей, которое представляет собою реализацию предоставленного им законом субъективного права, для обозначения того, что в случае, если кто-либо попытается воспрепятствовать совершению действий, в которых реализуется это право, или в соответствующих случаях уклониться от оказания требуемого законом содействия, то закон гарантирует им правовую защиту. Такое поведение может и должно быть различным в зависимости от характера субъективного права, о котором идет речь в конкретном случае. Если речь идет о личной собственности, это — действия по владению, пользованию и распоряжению имуществом. Если речь идет об избирательном праве или о трудовых правах граждан, имеется в виду поведение, выражающееся в участии в голосовании, в приложении труда в условиях, обеспечивающих безопасность жизни и здоровья и сохранение трудоспособности трудящихся, и т.д. Эти действия могут быть весьма различными даже в пределах осуществления одного и того же субъективного права, например права личной собственности. Однако, сколь бы различными они ни были, следует иметь в виду, что действие в конечном счете имеет своим назначением удовлетворение определенного интереса и с этой точки зрения является не чем иным, как средством удовлетворения этого интереса. Поэтому «механизм» правонарушений интересующей нас группы заключается в первую очередь в нарушении правомерной деятельности управомоченного лица — в лишении его возможности или в воспрепятствовании ему в реализации возможности осуществлять эту деятельность. Таким же путем совершается и посягательство на обслуживаемый этой деятельностью интерес. При этом интерес и возможность в жизни настолько связаны и переплетены друг с другом, что воспрепятствование реализации возможности или в соответствующих случаях не оказание содействия ее реализации всегда есть вместе с тем и нарушение интереса, ради которого лицу обеспечивается определенная возможность. Поэтому воспрепятствование реализации возможности следует с полным основанием рассматривать как посягательство на соответствующий интерес управомоченного лица. Напомним, что п. «б» ст. 2 Закона о судеустройстве 1938 года ставил перед судебными органами социалистического государства задачу защиты политических, трудовых, жилищных и других личных и имущественных прав и интересов граждан СССР от всяких посягательств. Это «уравнение» законных интересов советских граждан с их субъективными правами представляется нам не случайным. Ведь для управомоченного основной смысл признанного за ним права заключается не в поведении обязанного лица и даже не в обеспечении этим поведением возможности совершения управомоченным собственных действий, а в том

интересе, для удовлетворения которого он нуждается в том и другом¹. Неправильно поэтому говорить, что в тех или иных случаях советское уголовное право охраняет не общественные отношения, а «интересы». Охраняя интересы, оно тем самым охраняет социалистические общественные отношения, причем не в конечном счете, не «опосредствованно», а самым непосредственным образом. При правильном определении этих интересов обнаруживается, что они образуют составную часть социалистических общественных отношений, а не нечто лежащее за их пределами².

7. Учитывая изложенное, попытаемся теперь под интересующим нас углом зрения подвергнуть более подробному анализу некоторые из преступлений, связанных с нарушением субъективных прав граждан³.

Во всех случаях этой группы действия виновного, если оценивать их под углом зрения нарушаемого ими общественного отношения, направлены к тому, чтобы лишить потерпевшего обеспечиваемой ему законом возможности вести себя определенным образом или затруднить ее реализацию. Покажем это в первую очередь на примере некоторых преступлений против политических и трудовых прав граждан.

Характернейшей чертой советского государственного строя является его до конца последовательный демократизм. Советский народ поручает осуществление государственной власти в стране Верховному Совету СССР, и для того, чтобы этот орган был максимально представительным, советская Конституция предоставляет право участвовать в выборах депутатов Верховного Совета СССР всем со-

¹ См. О. С. Иоффе, Правоотношение по советскому гражданскому праву, М., 1949, стр. 50.

² По этой именно причине в гл. I, имея в виду общественные отношения в смысле обеспечиваемых правом возможностей, мы часто обозначали эти возможности как интересы. Что касается спора о том, составляет ли интерес элемент правоотношения (см. А. В. Венедиктов, Государственная социалистическая собственность, М., 1948, стр. 38) или же интерес — только цель, а не сущность субъективного права (см. Н. Г. Александров, Законность и правоотношения в советском обществе, М., 1955, стр. 111; С. Н. Братусь, О соотношении гражданской правоспособности и субъективных гражданских прав, «Советское государство и право» 1949 г. № 8, стр. 34), то он не имеет особого значения для уголовного права. Например, возможность использовать имущество по своему усмотрению обеспечивается собственнику не как самоцель, а ради удовлетворения определенных его интересов; в этом плане возможность и интерес — вещи разные. Однако практически они настолько тесно связаны друг с другом, что при исследовании вопроса об объекте преступления их «можно, но не нужно» различать; имея в виду только что приведенный пример, можно сказать, что возможность использовать имущество по своему усмотрению — это и есть интерес собственника имущества.

³ Здесь и далее мы обращаемся к анализу отдельных групп преступлений (государственных, против личности, против социалистической и личной собственности, против политических и трудовых прав граждан, должностных, против правосудия и некоторых других), рассматривая их в качестве примеров и не претендуя на исследование под интересующим нас углом зрения всего материала Особой части.

ветским гражданам независимо от расовой и национальной принадлежности, пола, вероисповедания, образовательного ценза, оседлости, социального происхождения, имущественного положения и прошлой деятельности. Для достижения той же цели выборы в нашей стране являются равными, прямыми и проводятся при тайном голосовании. Предоставляя советским гражданам избирательное право, социалистическое государство всеми имеющимися в его распоряжении средствами — организационными, воспитательными, правовыми — обеспечивает возможность осуществления этого права в соответствии с указанными принципами. Лица, препятствующие реализации этой возможности, могут быть привлечены к ответственности на основании ст. 109 Положения о выборах в Верховный Совет СССР, которая угрожает наказанием всякому, кто «путем насилия, обмана, угроз или подкупа будет препятствовать гражданину СССР в свободном осуществлении его права избирать и быть избранным в Верховный Совет СССР». Как видно, закон в этом случае устанавливает ответственность за воспрепятствование различными способами осуществлению советскими гражданами обеспеченной им законам возможности без каких-либо ограничений избирать или быть избранными в высший орган государственной власти СССР. Эту же цель преследует и ст. 110 Положения, которая предусматривает уголовную ответственность должностных лиц Совета или членов избирательных комиссий, совершивших подделку избирательных документов или заведомо неправильный подсчет голосов.

Важнейшим правом советских граждан является обеспечиваемое им Конституцией СССР право на труд. Советское уголовное законодательство не содержит, как известно, особой нормы, которая в общем виде предусматривала бы ответственность за нарушение этого права. С одной стороны, такая общая норма была бы недостаточно определенной. С другой — и это важнее, сама социалистическая организация народного хозяйства, неуклонный рост производительных сил советского общества, устранение возможности хозяйственных кризисов и ликвидация безработицы в нашей стране создают огромную потребность в приложении труда, удовлетворяемую в плановом порядке. В результате этого право советских граждан на труд в достаточной мере обеспечивается уже самими условиями жизни в социалистическом государстве.

В то же время важно иметь в виду, что право на труд в СССР — это не просто право на получение гарантированной работы. Право советских граждан на труд предполагает приложение ими труда при таких условиях, которые в максимальной степени обеспечивают безопасность жизни и сохранение здоровья трудящихся, сохранение ими трудоспособности до самой глубокой старости, использование

труда рабочих и служащих в строгом соответствии с советским законодательством о труде¹. Поэтому ч. 1 ст. 133 УК РСФСР предусматривает уголовную ответственность за нарушение соответствующими должностными лицами законов, регулирующих применение труда, а равно законов об охране труда и социальном страховании. Часть 3 той же статьи устанавливает наказание за поставление работника в результате нарушения правил об охране труда в такие условия работы, при которых он утратил или мог утратить свою трудоспособность. Безопасность жизни и здоровья трудящихся на особо опасных производствах — на строительных и горных работах и во взрывоопасных цехах обеспечивается специальными нормами советского уголовного законодательства (ст. ст. 108 и 1081 УК РСФСР). Нарушение любой из перечисленных норм представляет собой по существу не что иное, как воспрепятствование советским гражданам в реализации обеспеченной им законом возможности прилагать свой труд в определенных условиях.

Нам представляется, что имеются и политические, и юридические основания для выделения в будущих уголовных кодексах, как это уже сделано в Уголовных кодексах Казахской и Узбекской союзных республик, наряду с главами о преступлениях против личности и личной собственности особой главы о преступлениях против политических, трудовых и других личных прав граждан. Обеспечивая советским гражданам возможность беспрепятственно использовать предоставленные им советскими законами права, нормы, включенные в эту главу, предусматривали бы ответственность за нарушение национального равноправия граждан, воспрепятствование осуществлению равноправия женщины, нарушение неприкосновенности личности и жилища, а также тайны переписки, нарушение избирательного права, законодательства о труде, правил охраны труда, авторских и изобретательских прав и т.д. Нормы такого рода, не исчерпывая, разумеется, всех уголовно-правовых средств и способов охраны личных прав советских людей, тем не менее устанавливали бы ответственность за такие общественно опасные деяния, основным содержанием которых, как было показано выше, является воспрепятствование гражданам СССР в использовании обеспечиваемых им законом возможностей в политической жизни государства, в общественной деятельности, в области осуществления ими своего права на труд и т.д.

Совершенно иное положение вещей мы находим в капиталистических странах. Если «...пролетарская или советская демократия, — писал В.И. Ленин, — на место формального провозглашения прав и

¹ См. М.И. Федоров, Охрана труда как объект преступного посягательства, «Ученые записки Пермского государственного университета имени Горького», т. XV, вып. 3, 1958.

свобод ставит фактическое предоставление их прежде всего и больше всего именно тем классам населения, которые были угнетаемы капитализмом, т.е. пролетариату и крестьянству», то «буржуазная демократия ограничивалась провозглашением формальных прав, равно распространяемых на всех граждан, например, права собрания, союзов, печати... Но в действительности как административная практика, так и главным образом экономическое рабство трудящихся всегда ставили их, при буржуазной демократии, в невозможность сколько-нибудь широко пользоваться правами и свободами»¹. На первый взгляд может показаться, например, что буржуазный законодатель придает весьма большое значение мероприятиям, направленным к обеспечению подлинности и правильности волеизъявления избирателей, и широко использует для этой цели запреты и веления уголовного права. Так, федеральное уголовное законодательство США предусматривает ответственность за запугивание или подкуп избирателей, использование должностными лицами своего должностного положения для воздействия на выборы, оказание финансовой поддержки кандидатам и т.д.² Большое количество преступлений против избирательного права предусматривают также уголовные законодательства отдельных штатов. Например, уголовный кодекс штата Нью-Йорк устанавливает ответственность за незаконное участие в выборах, за всякого рода махинации с избирательными документами, запугивание и подкуп избирателей, незаконную регистрацию в избирательных списках, воспрепятствование участию в выборах, нарушение тайны голосования, подлог избирательных документов и т.д.³ Английское законодательство также знает составы подкупа и запугивания избирателей на парламентских выборах, незаконного участия в выборах, подлога избирательных документов и т.д.⁴

Однако в действительности дело обстоит совершенно иначе. Буржуазный законодатель в первую очередь озабочен тем, чтобы вообще лишить граждан, в «лояльности» или «благодарности» которых он почему-либо сомневается, возможности принять участие в голосовании. Для этого из числа избирателей в различных буржуазных странах исключаются, как известно, лица, не удовлетворяющие требованиям различных цензов — имущественного, оседлости, грамот-

¹ См. «Правда» 22 апреля 1956 г.

² См. United States Code, Title 18. § 51 и сл.

³ См. F. Gilbert, Criminal Law and Practice of the State of New York, 1945, «Penal Law», § 751.

⁴ См. J. F. Stephen, A. Digest of the Criminal Law, 1950, p. 126 и сл. А.А. Герцензон (Понятие преступления в советском уголовном праве, 1955, стр. 23) указывает: «Для того, чтобы создать внешнее представление об охране «всего общества», буржуазное уголовное законодательство вырабатывает детальную систему составов преступлений».

ности и т.д., в ряде случаев — военнослужащие, женщины и пр. Постановления буржуазного уголовного законодательства о наказуемости незаконного участия в выборах, некоторые из которых мы привели, имеют в виду в первую очередь обеспечение невозможности участия в выборах бедняков, безработных, кочующих по стране в поисках заработка и др. «Если присмотреться поближе к механизму капиталистической демократии, — писал В.И. Ленин, — то мы увидим везде и повсюду, и в «мелких», якобы мелких подробностях избирательного права (ценз оседлости, исключение женщин и т.д.), и в технике представительных учреждений, и в фактических препонах праву собраний (общественные здания не для «нищих!»), и в чисто капиталистической организации ежедневной прессы и так далее и так далее, — мы увидим ограничения да ограничения демократизма. Эти ограничения, изъятия, исключения, препоны для бедных кажутся мелкими..., но в сумме взятые эти ограничения исключают, выталкивают бедноту из политики, из активного участия в демократии»¹.

Как же обстоит дело в отношении тех трудящихся, которых буржуазный закон допускает к участию в выборах?

Даже в условиях буржуазной демократии парламент, в котором большинство принадлежит партиям буржуазии, является одним из средств подавления масс имущими классами. Такой парламент в издаваемых им законах оформляет и закрепляет враждебную массам политику правящих кругов. Буржуазии удается использовать парламент в своих интересах в силу того, что она осуществляет экономическое и политическое господство, обладает пока большей организованностью, чем рабочий класс и трудящееся крестьянство, умело использует и при помощи церкви, прессы и т.д. культивирует политические, национальные, религиозные и другие предрассудки масс. Методы и идеологические ухищрения буржуазной демократии — парламентаризм, относительно широкая выборность, фикция «воли большинства», которой якобы подчиняется государственная власть, призваны замаскировать действительную природу и назначение буржуазных парламентских учреждений. Ссылаясь на высказывания К. Маркса и Ф. Энгельса, В.И. Ленин подчеркивал, что «...наиболее демократическая буржуазная республика есть не что иное, как машина для подавления рабочего класса буржуазией, массы трудящихся горсткой капиталистов»². Все, что обеспечивает буржуазное право, в частности буржуазное уголовное право, тем, кто принимает участие в выборах высших органов государственной власти в капиталистических государствах, это возможность «Раз в несколько лет решать, — как писал В.И. Ленин, — какой член господствующего класса будет подавлять, раздавливать народ в парламен-

¹ В.И. Ленин, Соч., т. 25, стр. 432–433.

² В.И. Ленин, Соч., т. 28, стр. 436.

те, — вот в чем настоящая суть буржуазного парламентаризма, не только в парламентарно-конституционных монархиях, но и в самых демократических республиках»¹. Эти высказывания В.И. Ленина сохраняют свое значение и в настоящее время. Они останутся в силе до тех пор, пока рабочий класс, объединяя под своим руководством трудящихся и патриотические силы, не продвинется значительно по пути завоевания прочного большинства в парламенте и превращения его из органа буржуазной демократии в орудие действительной народной воли².

8. Соображения, высказанные применительно к преступлениям против политических и трудовых прав граждан, сохраняют значение также в отношении других преступлений, нарушающих субъективные права граждан. Весьма показательными в этом смысле являются преступления против личной собственности. О том, что в этом случае вопрос об объекте следует решать в плоскости субъективного права, а не в какой-либо иной, свидетельствуют положения Конституции СССР, ст. 10 которой устанавливает принцип охраны законом права личной собственности граждан и права ее наследования.

Прежде всего следует попытаться установить, что представляет собой право личной собственности по характеру предоставляемых этим правом полномочий. Ст. 58 ГК РСФСР устанавливает, как известно, что собственнику принадлежит в пределах, установленных законом, право владения, пользования и распоряжения имуществом. Возникает вопрос: представляет ли личная собственность «арифметическую сумму» трех указанных полномочий или же они выражают различные стороны личной собственности, содержание которой не исчерпывается этой «суммой»? Нам представляется, что, сколь ни важны для реализации права личной собственности указанные в ст. 57 ГК РСФСР «традиционные» полномочия собственника, они ни порознь, ни в сумме не исчерпывают содержания права личной собственности, а только неполно *выражают* глубокое содержание этого права. «При судебном аресте имущества, — пишет А.В. Венедиктов, — с изъятием его из владения и пользования собственника и с запрещением ему распоряжения арестованным имуществом... у собственника остается все же какой-то реальный «сгусток» его права собственности. Если претензия взыскателя отпадет, право собственности восстановится в полном объеме в лице собственника (*jus recanditiae* — так называемая «упругость» или «эластичность» права собственности). Если имущество будет продано за цену, превышающую претензию взыскателя, собственник получит излишек вырученной цены. Таким образом, «суммой» трех правомочий не

¹ В.И. Ленин, Соч., т. 25, стр. 394.

² См. Н.С. Хрущев, Отчетный доклад Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза XX съезду партии, М., 1956, стр. 43–44.

исчерпывается содержание права собственности»¹. Опираясь на мысль К. Маркса: «Всякое производство есть присвоение индивидом предметов природы внутри и посредством определенной общественной формы»², А.В. Венедиктов приходит к выводу, что правомочия собственника по владению, пользованию и распоряжению его имуществом «...могут быть наполнены специфическим конкретным содержанием только в их связи со способом присвоения, присущим форме собственности, для характеристики которой эти определения привлекаются»³. А.В. Венедиктов считает, что, переводя на язык права данное К. Марксом понятие присвоения как отношения индивида к условиям производства как «к своим», право собственности можно определить как «право индивида или коллектива использовать средства и продукты производства своей властью и в своем интересе...»⁴; иными словами, по своему усмотрению, конечно, в пределах, установленных законом, отражающим существующую в данном обществе систему классовых отношений.

Мы видели, однако, что субъективное право — это всего лишь правовая оболочка одного из элементов общественного отношения, именно юридическое выражение обеспечиваемой лицу законом возможности вести себя определенным образом. Следовательно, как изложенные нами соображения о материальном субстрате правоотношения, так и соображения А.В. Венедиктова, пришедшего к своим выводам по другому пути, приводят нас к одному и тому же заключению: право личной собственности — это обеспеченная законам лицу возможность в установленных законом пределах использовать имущество по своему усмотрению, обращаться с ним «как со своим», в частности владеть, пользоваться и распоряжаться им. Это и есть личная собственность в ее положительном не только правовом (право личной собственности), но и общественном (личная собственность как общественное отношение) содержании. Советский закон, отражая и закрепляя господствующую в социалистическом обществе систему общественных отношений, обеспечивает гражданам СССР и право, и возможность использовать имущество по своему усмотрению в пределах, совместимых с интересами социалистического коллектива, с интересами социалистического общества. Так понимаемое

¹ А.В. Венедиктов, Государственная социалистическая собственность, М., 1948, стр. 15–16. См. также Д.М. Генкин, Право личной собственности в социалистическом обществе, «Труды научной сессии Всесоюзного института юридических наук 1–6 июля 1946 г.», 1946, стр. 50.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XII, ч. 1, стр. 177.

³ А.В. Венедиктов, Государственная социалистическая собственность, М., 1948, стр. 15–16.

⁴ А.В. Венедиктов, Государственная социалистическая собственность, М., 1948, стр. 39.

право личной собственности советских людей выступает перед нами как общественно-правовое отношение¹.

Из сказанного вытекает также характеристика личной собственности со стороны негативной. Она заключается в том, что никто не вправе (государство ставит каждого в состояние правовой невозможности) препятствовать гражданину в реализации им возможности в установленных законом пределах использовать имущество во своему усмотрению. Нарушение этого запрета есть нарушение права, есть правонарушение. Если при этом на стороне нарушителя и в совершенном им действии имеются признаки, необходимые и достаточные для привлечения его к уголовной ответственности, он должен быть признан виновным в совершении преступления против личной собственности — кражи, мошенничества и т.д.

¹ См. Б. С. Никифоров, Борьба с мошенническими посягательствами на социалистическую и личную собственность, его же, Уголовно-правовая охрана личности собственности в СССР, разделы об объекте преступления. Следует заметить, что в большинстве работ и диссертаций, изданных и защищенных за последние годы по вопросам борьбы с преступными посягательствами на социалистическую и личную собственность, в качестве объекта преступления указывается именно собственность, а не имущество. Однако попытку раскрыть содержание общественного отношения собственности, как правило, не делается (см. С. И. Тихенко, Советское уголовное право, часть Особенная, вып. 1, 1951, стр. 28; П. Т. Некипелов, Советское уголовное законодательство в борьбе с хищениями социалистической собственности, 1954, стр. 72–77; Б. А. Куринов, Уголовная ответственность за хищение государственного и общественного имущества по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г., автореферат кандидатской диссертации, 1951, стр. 8–9).

Попытку раскрыть содержание социалистической собственности как возможности использовать материальные ценности в соответствии с их народнохозяйственным назначением и личной собственности как возможности использовать имущество по своему усмотрению делают А. А. Пионтковский, В. Д. Меньшагин, Курс советского уголовного права, Особенная часть, т. 1, 1955, стр. 398; Н. И. Загородников, Как советское государство охраняет социалистическую собственность, 1954, стр. 31, 32; Г. А. Кригер, К вопросу о понятии объекта преступления в советском уголовном праве, «Вестник Московского университета» 1955 г. № 1, стр. 120–121; М. Х. Комахидзе, Об объекте имущественных преступлений, «Советское государство и право» 1955 г. № 6, стр. 67. Из новых работ см. Г. А. Мендельсон, Ю. М. Ткачевский, Уголовная ответственность за мелкое хищение государственного и общественного имущества, М., 1957, стр. 24; Б. С. Волков, Понятие истребления и повреждения государственного и общественного имущества по советскому уголовному законодательству, «Ученые записки Казанского государственного университета имени Ульянова-Ленина», т. III, кн. 7, стр. 108; Г. А. Кригер, Ответственность за хищение государственного и общественного имущества, М., 1957, стр. 21; С. И. Тихенко, Борьба с хищениями социалистической собственности, связанными с подлогом документов, М., 1959, стр. 38.

Иначе смотрят на этот вопрос М. П. Михайлов (Уголовная ответственность по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об усилении охраны личной собственности граждан» за посягательства на личную собственность, автореферат кандидатской диссертации, М., 1954, стр. 8–9), который вопреки наименованию своей работы считает объектом кражи и разбоя личное имущество, понимаемое как вещь или совокупность вещей. См. также М. П. Михайлов, Ответственность за кражу личного имущества и разбой, 1958, стр. 42; А. Н. Васильев (Уголовная ответственность за хищение государственного и общественного имущества, автореферат кандидатской диссертации, 1952, стр. 8–9) считает общим объектом хищения социалистическую собственность, а непосредственным — имущество — достоинство.

О том, что дело обстоит таким образом, свидетельствуют также и следующие обстоятельства. Как известно, лицо, завладевшее чужим имуществом способом, с внешней стороны преступным (например, путем тайного или открытого похищения, посредством обмана и т.д.), не совершает посягательства на личную собственность, если оно не имеет в виду распорядиться этим имуществом как своим собственным — обратить его в свою пользу или в пользу другого лица против воли и не в интересах собственника.

Если же несобственник вопреки действительной воле потерпевшего использует принадлежащее потерпевшему имущество по своему усмотрению, обращается с ним как с собственным, например, потребляет его, продает, обменивает, дарит и т.п. — он совершает то или иное посягательство на личную собственность, даже если он завладел имуществом на первый взгляд добропорядочным способом. Нетрудно видеть, что различие между этими случаями заключается в том, что в первом из них речь идет всего лишь о нарушении полномочий собственника по владению или пользованию имуществом, тогда как во втором происходит нарушение права собственности в его глубоком содержании. В первом случае несобственник ни объективно, ни субъективно не ставит и не пытается поставить себя на место собственника; поэтому имущество не только юридически, но и фактически остается собственностью потерпевшего, который, следовательно, в конечном счете принципиально не утрачивает возможности использовать его по своему усмотрению. Несобственник совершает в этом случае имущественное правонарушение, не являющееся преступлением против личной собственности. Во втором же случае виновный ставит себя на место собственника, который, сохраняя за собой право собственности на имущество, фактически полностью утрачивает связь с ним и, следовательно, в результате действий виновного целиком теряет возможность использовать имущество по своей воле и в своем интересе.

Таким образом, интересом, который нарушается любым преступлением рассматриваемой группы, является обеспеченная законом лицу возможность использовать имущество по своему усмотрению¹.

Охраняя личную собственность советских людей, обеспечивая возможность использовать принадлежащее им имущество по своему

¹ Мы считаем недоразумением то обстоятельство, что из аналогичных соображений, развивавшихся нами в ранее изданных работах, авторы «Курса советского уголовного права» сделали тот вывод, что «...объектом преступления оказываются лишь правовые отношения, связанные с осуществлением права собственности, и выпадают из поля зрения экономические, производственные отношения...» (А.А. Пионтковский, В.Д. Меньшагин, Курс советского уголовного права, Особенная часть, т. I, М., 1955, стр. 375). См. М.И. Федоров, Понятие объекта преступления по советскому уголовному праву, «Ученые записки Пермского государственного университета имени Горького», т. XI, вып. 4, кн. 2, 1957, стр. 188.

усмотрению, советское уголовное право охраняет благосостояние тружеников страны социализма.

Условия жизни в социалистическом государстве и психология советских людей в принципе исключают возможность использования гражданами их имущества для паразитического обогащения посредством спекуляции, ростовщичества и т.п. Поэтому обеспечиваемая советским законом собственнику возможность использовать имущество по своему усмотрению — это возможность использовать его в потребительских или других подобных целях, соответствующих социалистической природе личной собственности. Это положение получает юридическое выражение в формуле ст. 58 ГК РСФСР, устанавливающей, что право владения, пользования и распоряжения имуществом принадлежит собственнику в пределах, установленных законом. За этими пределами использование собственником имущества есть не что иное, как акт фактического распоряжения таким имуществом, который если и создает для собственника какие-либо юридические последствия, то только неблагоприятные. Такое использование имущества советское право считает правонарушением.

Так, народный суд осудил Б. за занятие запрещенным промыслом с конфискацией автомашины в связи с тем, что он на собственной автомашине занимался перевозкой за плату пассажиров и грузов. Кассационная инстанция, исходя из того, что конфискации должны подвергаться изделия, а не средства запрещенного промысла, исключила из приговора конфискацию автомашины. Пленум Верховного Суда СССР (постановление от 9 февраля 1951 г.) не согласился с этим и подчеркнул, что «советское законодательство не допускает использования личного имущества в целях воспрещенного законом извлечения дохода». Пленум признал, «что народный суд правильно, учитывая политическое значение борьбы с занятием запрещенными промыслами, своим приговором постановил конфисковать автомашину Б., поскольку она была им использована с целью занятия запрещенным промыслом». Только «...в пределах использования личной собственности согласно ее назначению в условиях социалистического общества, — читаем мы в учебнике гражданского права для юридических институтов, — она охраняется советскими уголовными и гражданскими законами»¹.

Буржуазное уголовное право, охраняя частную собственность, также обеспечивает собственникам возможность использовать принадлежащее им имущество по своему усмотрению. Однако содержание этой возможности ничего общего не имеет, одноименной возможностью в СССР.

¹ «Гражданское право», ч. 1, М., 1944, стр. 278.

Как известно, буржуазная юриспруденция трактует право частной собственности как абсолютное в принципе ничем не ограниченное право. Ограничения права частной собственности, иногда устанавливаемые буржуазными законами в интересах всего класса буржуазии, рассматриваются как исключение из правила и подлежат сугубо ограничительному толкованию. «Ограничения в праве собственности никогда не предполагаются, — писал русский дореволюционный цивилист Шершеневич, — они должны быть явно установлены законом или договором»¹. Нет необходимости доказывать, однако, что понимание собственности как права «пользоваться и распоряжаться вещами наиболее абсолютным образом» (ст. 544 Французского гражданского кодекса) не имеет никакого значения для трудящихся. В условиях настоящего времени сохраняют все свое значение слова Ф. Энгельса, охарактеризовавшего капиталистический строй как «... порядок, при котором с одной стороны всегда имеются капиталисты, являющиеся собственниками всех жизненных средств, всего сырья и всех орудий производства, а с другой стороны — огромная масса рабочих, вынужденных продавать свою рабочую силу этим капиталистам за некоторое количество жизненных средств, которых в лучшем случае хватает только на поддержание их работоспособности и на то, чтобы вырастить новое поколение работоспособных пролетариев»². Буржуазное уголовное право, охраняя имущество эксплуатируемых, осуществляет эту охрану только в тех пределах, которые устанавливаются интересами буржуазии. За указанными пределами праву «распоряжаться вещами наиболее абсолютным образом» не соответствует никакая возможность, ввиду чего само это «право» остается на бумаге, — либо потому, что попросту отсутствуют указанные «вещи», либо по той причине, что владельцы этих «вещей» оказываются в необходимости «распорядиться» ими таким образом, что они переходят в руки мошенников — торговцев, вымогателей или ростовщиков. Даже в тех случаях, когда на собственность трудящихся совершаются посягательства, прямо предусмотренные буржуазным уголовным законодательством, они либо остаются фактически безнаказанными, либо «равный для всех» буржуазный закон предусматривает для этих случаев значительно более мягкое наказание.

Именно здесь, в области охраны интересов имущих буржуазное право действительно и безоговорочно обеспечивает собственникам реальную возможность использовать имущество по своему усмотрению, что неизменно осуществляется в интересах эксплуатации человека человеком. Охраняемая буржуазным правом возможность использования капиталистами принадлежащих им материальных цен-

¹ Г.Ф. Шершеневич, Учебник русского гражданского права, 1912, стр. 264.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения, т I, 1955, стр. 427–428.

ностей по своей воле и в своем интересе — это возможность использовать их для извлечения максимальной прибавочной стоимости, для биржевых махинаций всякого рода, для спекуляции, для взвинчивания цен на предметы первой необходимости и т.д. Сколь бы аморальными и циничными ни были соответствующие махинации, какой бы тяжелый ущерб ни причиняли они трудящимся, буржуазное уголовное право, буржуазный суд либо остаются в стороне, либо налагают на виновных чисто номинальные наказания. Иной раз это приходится признавать даже представителям официальной буржуазной науки. «Многие поступки, причиняющие колоссальный ущерб обществу, — пишет профессора Темплского университета в Филадельфии (США) Барнз и Титерз, — не рассматриваются как преступные, а некоторые даже рекомендуются в качестве желательных форм поведения. Приобретение нескольких долларов с помощью инструментов для взлома составляет серьезное преступление, в то время как похищение миллионов через посредство акционерной компании расценивается как солидная деловая практика»¹. Насколько далеко идет буржуазное уголовное право в своем стремлении обеспечить собственникам возможность распоряжаться своим имуществом исключительно для извлечения барыша, хотя бы вопреки жизненным интересам неимущих, показывают нередкие случаи искусственного сокращения посевов, принятия мер к уменьшению сбора урожая и безнаказанного уничтожения капиталистами огромных запасов зерна, молока и других продуктов для поддержания цен на них на высоком уровне.

9. В предыдущих разделах настоящей главы речь шла о преступлениях, посягающих на интересы, юридически обеспеченные субъективными правами. Выводы, к которым мы пришли в отношении объекта преступлений этой группы, сохраняют значение и для других преступлений. Здесь необходимы некоторые пояснения.

Следует иметь в виду, что предоставление гражданам субъективных прав и охрана этих прав законом есть лишь *один из способов* регулирования поведения людей нормами права. Особенность этого способа заключается в том, что право требования определенного поведения от обязанных лиц принадлежит в первую очередь не государству непосредственно, а лицам, наделенным субъективными правами². Само собою разумеется, регулятором поведения людей и здесь в конечном счете является объективное право. Именно оно является источником субъективных прав, к нему обращается за помощью и защитой носитель субъективного права, когда это послед-

¹ Н.Е. Barnes and N. K. Teeters, *New Horizons in Criminology*, 1947, p. 2.

² См. О.С. Иоффе, *Правоотношение по советскому гражданскому праву*, М., 1949, стр. 52.

нее нарушено кем-либо. Все же своеобразие применяемого в этом случае метода регулирования остается: имеются управомоченная (в смысле наличия субъективного права) и обязанная стороны, а также третий участник отношения — государство, стоящее на страже интересов управомоченного. Метод регулирования общественных отношений при помощи предоставления их участникам субъективных прав используется главным образом в связи с такого рода интересами, которые целесообразно или возможно оставить в свободном распоряжении их носителя. Так, необходимо предоставить гражданину возможность отказаться от права собственности на то или иное имущество, например, продать или подарить его. Этот способ охраны иногда в своеобразной форме находит применение и в некоторых других случаях, в частности, в отношении таких не закрепленных субъективными правами благ личности, как телесная неприкосновенность, честь и достоинство. Мы имеем в виду процессуальный институт дел частного обвинения. Однако существуют и случаи другого рода, когда государство «регулирует поведение граждан непосредственно, при помощи норм объективного права, путем прямого возложения на них определенных, законом установленных, обязанностей...»¹. В области уголовного права это относится ко многим нормам, устанавливающим ответственность за преступления против личности, например, за убийство, причинение телесных повреждений и т.п.² Это относится также к нормам, предусматривающим ответственность за государственные и некоторые должностные преступления, за преступления против порядка управления³, т.е. к значительной части норм уголовного права.

Учитывая особое значение и особую природу охраняемых в этих случаях интересов, государство объявляет соответствующие посягательства преступными и наказуемыми иногда даже независимо от отношения к ним со стороны потерпевшего⁴ или представителя его интересов. Однако нетрудно видеть, что, во всяком случае с точки зрения уголовного права, речь идет здесь всего лишь о различии в

¹ См. О. С. Иоффе, Правоотношение по советскому гражданскому праву, М., 1949, стр. 52.

² Рассмотрение вопроса о соотношении понятий «права личности» и «блага личности» выходит за рамки настоящей работы (См., например, Е. А. Флейшиц, Личные права в гражданском праве Союза ССР и капиталистических стран, М., 1941, гл. 1).

³ См. М. И. Федоров, Понятие объекта преступления по советскому уголовному праву, «Ученые записки Пермского государственного университета имени Горького», т. XI, вып. 4, кн. 2, 1957, стр. 182.

⁴ Напомним, что примечание к ст. 143 УК РСФСР 1922 года в первоначальной редакции предусматривало ненаказуемость убийства, совершенного по настоянию убитого из чувства сострадания. Однако в дальнейшем это положение было отменено (см. постановление четвертой сессии ВЦИК девятого созыва от 11 ноября 1922 г. «Об изменениях и дополнениях Уголовного кодекса РСФСР» — СУ РСФСР 1922 г. № 72–73, ст. 906).

методе правовой охраны, различии, проистекающем из особенностей самого объекта охраны. Существо же дела представляется неизменным¹. Основываясь на изложенном, можно считать, что в интересующих нас случаях норма уголовного права² возлагает на граждан обязанность воздерживаться от совершения определенных действий. В случае же невыполнения этой обязанности граждане за причиненный ими вред отвечают непосредственно перед государством, выступающим здесь в качестве носителя власти, предоставляющего одному из своих органов — суду право и возлагающего на него обязанность привлекать к уголовной ответственности и наказывать лиц, нарушающих запрет или веление уголовного закона. Поскольку речь идет не о нарушении «права» потерпевшего на жизнь или здоровье³ или «права» государственного аппарата на нормальное функционирование, а о неподчинении виновного властному требованию государства воздерживаться от совершения определенных действий — отношение выступает в «упрощенной» форме. Однако это не делает его более доступным для анализа. Различие со стороны метода регулирования не затрагивает существа дела: как и ранее, когда речь шла о преступных нарушениях прав личности, так и здесь нарушаемым интересом являются соответствующие возможности, обеспеченные

¹ Наряду с преступлениями, нарушающими общественные отношения «изнутри» (в этих случаях общественные отношения являются правовыми отношениями), В.Н. Кудрявцев указывает такие посягательства, которые нарушают общественные отношения «извне», так как нарушитель в момент совершения преступления может не быть участником нарушаемого отношения (террористический акт, сопротивление представителю власти, вымогательство, мошенничество и т.д.); объектом этих преступлений В.Н. Кудрявцев считает сами эти общественные отношения (В.Н. Кудрявцев, О соотношении предмета и объекта преступления по советскому уголовному праву, «Труды Военно-юридической академии», вып. XIII, стр. 52). Мысль автора совершенно правильна: преступления можно делить на две группы в зависимости от способа охраны объекта нормой закона.

² В рассмотренных случаях уголовное право играло роль вспомогательного средства охраны, используемого для борьбы с наиболее опасными нарушениями политических, трудовых и имущественных прав граждан. В отношении же других нарушений этих прав нормальным средством охраны является использование административных, дисциплинарных, гражданско-правовых, организационных и общественных мер воздействия. (См. И.И. Слуцкий, Ответственность за нарушения правил техники безопасности, М., 1953, стр. 23, 64). В борьбе же с посягательствами, например, на личность (на ее жизнь или здоровье) уголовное право имеет важнейшее значение. Когда такого рода посягательство совершено, меры дисциплинарного или административного воздействия обычно непригодны. (См. В.И. Курляндский. Советский закон на страже интересов личности, М., 1954, стр. 63.)

³ Следует заметить, что в некоторых документах прямо упоминается о праве на жизнь. В резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 21 ноября 1947 г. о подготовке конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него, в дальнейшем принятой и ратифицированной Президиумом Верховного Совета СССР 18 марта 1954 г., прямо говорится о том, что «геноцид означает отказ в признании права на существование целых человеческих групп подобно тому, как человекоубийство означает отказ в признании права на жизнь отдельных человеческих существ». Думается, однако, что термин «право на жизнь» имеет морально-политическое, а не юридическое значение.

участникам социалистических общественных отношений нормами уголовного права.

10. Представляется целесообразным подвергнуть более подробному анализу (подобно тому как это было сделано применительно к преступным деяниям, связанным с нарушением субъективных прав граждан) некоторые преступления, не посягающие на эти права.

Обращаясь к рассмотрению таких преступлений против личности, как убийство, нанесение телесных повреждений и т. п., необходимо заметить, что вопрос об объекте преступлений этой группы требует особого внимания. Авторы, утверждающие, что в ряде случаев непосредственным объектом преступления являются не общественные отношения, а нечто другое, ссылаются в первую очередь на преступления против личности — убийство, причинение телесных повреждений и т. п. В наиболее решительной форме соответствующие соображения изложены А. Васильевым в рецензии на учебник Общей части советского уголовного права, изданный в 1952 году. Солидаризируясь с излагаемой в учебнике трактовкой материального, имущественного выражения общественных отношений и их субъектов в качестве непосредственных объектов преступлений, А. Васильев пишет: «Это служит ответом на распространившиеся за последнее время утверждения, что объектом преступления — и общим и непосредственным — могут быть только общественные отношения; а их материальные субстраты (в частности, имущество) могут быть только предметом преступления». И далее: «Идя по стопам сторонников этого утверждения, следовало бы прийти к схоластическому выводу, что, например, в убийстве объектом преступления является не живой человек, не его жизнь, а абстракция — общественные отношения, обеспечивающие право на жизнь». А. Васильев считает, что «такое представление о непосредственном объекте преступления уводило бы нас в область абстракции, далеко в сторону от практических задач борьбы с преступностью, требующих конкретной охраны и общественных отношений, и материального выражения этих отношений — имущества и живых людей — субъектов общественных отношений»¹.

Наиболее существенная погрешность приведенных соображений А. Васильева заключается в том, что он неосновательно выводит «субъектов общественных отношений» за рамки этих отношений и в результате превращает личность в надысторическую, необщественную категорию, по сути дела, в бесполезную абстракцию. Между тем «...человеческая сущность, — указывает К. Маркс, — не есть нечто абстрактное, присущее отдельному индивиду. В своей действитель-

¹ А. Васильев, Советское уголовное право, часть Общая, «Социалистическая законность» 1953 г. № 8, стр. 89, 90.

ности она есть совокупность общественных отношений»¹. Общественное содержание понятия личности (а человек как субъект общественных отношений есть личность) подчеркивается в руководящих документах. В постановлении Центрального Комитета КПСС «О преодолении культа личности и его последствий» отмечалось, что в настоящее время «...создались новые благоприятные условия для расцвета социалистической демократии, для дальнейшего упрочения материально-производственной базы коммунизма, неуклонного подъема жизненного уровня трудящихся, для всестороннего развития личности нового человека — строителя коммунистического общества»². Личность есть категория историческая: личностью является человек, развивающийся в обществе, человек как общественное существо, субъект познания и активного преобразования мира. Отсюда следует, что социальной предпосылкой расцвета личности в указанном смысле является такая организация общества, при которой человеку предоставлены широкие возможности для всестороннего культурного, духовного и физического развития, причем возможности реальные, обеспеченные всем строем производственных отношений общества. Это — такая организация общества, такая организация производства, — как указывает Ф. Энгельс, — при которой, с одной стороны, никто не мог бы свалить на другого свою долю участия в производительном труде как естественном условии человеческого существования, а с другой стороны, производительный труд, вместо того, чтобы быть средством порабощения, сделался бы средством освобождения, предоставляя каждой личности возможность (*in dem sie jedem einzelnen die Gelegenheit bietet*) развиваться во всех направлениях и проявлять все свои способности — как физические, так и духовные (разрядка наша — *Б.Н.*)³. Речь идет о создании для всех людей таких условий жизни, — пишет Ф. Энгельс в другом месте, — при которых каждый получит возможность свободно развивать свою человеческую природу, жить со своими ближними в человеческих отношениях (*das ein Jeder seine menschliche Natur frei entwickeln, mit seinen Nächsten in einem menschlichen Verhältnisse leben kann...*) и не бояться наступившего разрушения своего благосостояния (разрядка наша. — *Б.Н.*)⁴. Именно человеческое существование со всеми его условиями и потребностями мы не только не хотим разрушить, а, наоборот, всячески стремимся создать его⁵. В соответствии с этим одной из

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IV, стр. 590.

² См. «Правда» 2 июля 1956 г.

³ См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 299.

⁴ См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 2, стр. 554.

⁵ См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 2, стр. 554.

важнейших задач любой отрасли советского социалистического права является обеспечение советским людям возможности развивать и проявлять свои физические и духовные способности, возможности жить, пользоваться здоровьем, свободой и уважением со стороны окружающих, использовать свои политические, трудовые и другие личные права и т.д.¹ Как уже отмечалось, эти возможности являются объектом также и уголовно-правовой охраны. Поэтому в принципе прав Н. И. Загородников, который, имея в виду уголовно-правовую охрану личности, подчеркивает: «Когда мы говорим жизнь, здоровье.., мы имеем в виду не физиологическое значение «жизнь».., а понимаем эти термины как совокупность известных общественных отношений, относящихся к охране личности...»². Представляется, что на основе сказанного эту мысль можно выразить проще и точнее: объектом преступлений против личности и одновременно объектом уголовно-правовой охраны в этих случаях является не только сам человек как участник общественных отношений, как личность, но и отношения между людьми в обществе — общественные отношения: охраняемые законом блага личности, обеспеченные ей социальные возможности — возможность жить, пользоваться здоровьем и т.д. Поэтому, хотя, с одной стороны, было бы совершенно неправильно отождествлять личность и ее интересы, с другой — нет никаких оснований противопоставлять их друг другу. Нельзя отделять интересы личности от нее самой и затем выводить личность за рамки общественных отношений, видя в личности, в «живом человеке» годный объект уголовно-правовой охраны и в то же время трактуя отношения

¹ Характерно, что трактовки жизни как социального явления в соответствующих случаях придерживается и советская медицина. «Продление жизни в социальном понимании, — пишет действительный член Академии медицинских наук СССР З.Г. Френкель, — это удлинение сроков деятельности людей в человеческом обществе; сроков их участия в производственной жизни, в общественном творчестве и борьбе. Удлинение жизни — это не добавка нескольких лет жизни на покое, в отставке, на пенсии. Нет, это создание условий для общественно-полезной работы в старости.., обеспечение для трудовых масс продолжения полезной деятельности и в старости...» («Удлинение жизни и деятельная старость», М., 1949, стр. 3–4). Тем более странными представляются попытки некоторых наших криминалистов полностью изолировать блага личности от условий ее общественного существования. Такую попытку делает Л. И. Гуревич (Борьба с телесными повреждениями по советскому уголовному праву, автореферат кандидатской диссертации, М., 1950, стр. 8), которая считает, что объектом телесного повреждения является «здоровье человека, понимаемое с чисто анатомо-патологической точки зрения». Этот вывод понадобился автору, по-видимому, для обоснования того бесспорного положения, что советский уголовный закон «... охраняет здоровье гражданина СССР вне зависимости от его деятельности, способностей и прочих особенностей». Нельзя не заметить, что равенство граждан перед законом — это общественная категория, имеющая политическую, а не «анатомо-патологическую» основу.

² Н. И. Загородников, Понятие объекта преступления в советском уголовном праве, «Труды Военно-юридической академии», вып. XIII, 1951, стр. 42. См. также И. И. Горелик, Общее понятие преступлений оставление в состоянии опасности, «Ученые записки Белорусского государственного университета имени Ленина», вып. 34, 1957, стр. 19.

между личностями как абстракцию. В условиях социалистического государства возможность жить, пользоваться здоровьем — это для трудящегося нечто совсем иное, чем одноименные возможности в условиях строя капиталистической эксплуатации. Советский народ совершил социалистическую революцию, построил социализм и строит коммунистическое общество для того, чтобы хорошо, радостно и счастливо жили люди. Поэтому-то в условиях социалистического общества убийство и является наиболее тяжким преступлением против личности. Убийца лишает потерпевшего самого ценного из благ личности, являющегося необходимой предпосылкой существования всех других благ и пользования этими благами и возможностями.

Весьма опасным преступлением против личности является и нанесение тяжких телесных повреждений, которые, даже когда они не приводят к смерти, все же лишают потерпевшего иной раз навсегда, возможности пользоваться здоровьем, трудиться и т.д.

Когда мы говорим о подавлении, угнетении личности трудящегося человека в условиях капитализма, мы опять-таки имеем в виду в первую очередь все большее ограничение политических и гражданских прав трудящихся, настойчивые попытки подавить организованную борьбу эксплуатируемых за свои права и интересы, вытеснить трудящихся за пределы государственной и общественной жизни, лишить их возможности развивать и проявлять свои способности, таланты, склонности. «Капитализм душил, подавлял, разбивал массу талантов в среде рабочих и трудящихся крестьян, — писал В.И. Ленин. — Таланты эти гибли под гнетом нужды, нищеты, надругательства над человеческой личностью»¹.

Возможность жить в условиях капиталистического общества для подавляющего большинства населения — для трудящихся означает возможность вести существование, полное нужды и лишений. Буржуазия «...не оставила между людьми никакой другой связи, — писали К. Маркс и Ф. Энгельс в «Манифесте Коммунистической Партии», — кроме голого интереса, бессердечного «чистогана»... Она превратила личное достоинство человека в меновую стоимость и поставила на место бесчисленных пожалованных и благоприобретенных свобод одну бессовестную свободу торговли»². Жизнь трудящихся в условиях капиталистического строя — это существование

¹ В.И. Ленин, Соч., т. 30, стр. 54.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 4, стр. 426. Великолепной иллюстрацией подхода к достоинству человека как к меновой стоимости являются положения английского законодательства о денежной компенсации, в порядке гражданского иска за вызванную клеветническим «пасквилем» потерю уважения, которое до распространения пасквиля испытывали к потерпевшему окружающие (см. C.S. Kenny, *Outlines of Criminal Law*, 1952, p. 179–180, также Pollock, *Law of Torts*, 1951, p. 178–184).

людей, которые повседневно и во все возрастающей степени подвергаются эксплуатации — открытой, бесстыдной, прямой и черствой¹.

Положение трудящихся в странах капитализма определяется тем, что буржуазия предоставляет им только такие возможности, которые совместимы с интересами эксплуататоров, с интересами безудержной эксплуатации. Это — возможность по дешевке продавать свою рабочую силу, когда она нужна капиталистам, а когда они не испытывают нужды в ней — возможность умирать с голоду. В этих «пределах» обеспечивает трудящимся соответствующие «возможности» и буржуазное право, которое таким путем по сути дела предоставляет капиталистам реальную возможность все сильнее эксплуатировать неимущих, извлекая из труда эксплуатируемых все более высокие, максимальные прибыли. Антинародная сущность буржуазного права становится особенно очевидной в случаях, когда интересы трудящихся явно противоречат интересам эксплуататоров и эксплуатации. В этих случаях буржуазный закон и практика его применения теряют даже видимость объективности и никакие самые злостные, циничные посягательства на интересы трудящихся не рассматриваются в качестве преступлений. При этих условиях буржуазный закон не только не обеспечивает трудящимся возможность жить, пользоваться здоровьем и т.д., но, напротив, делает это невозможным, неосуществимым для них. Нельзя не вспомнить в связи с этим замечательные слова Ф. Энгельса в его работе «Положение рабочего класса в Англии»: «Если один человек наносит другому физический вред, и такой вред, который влечет за собой смерть потерпевшего, мы называем это убийством; если убийца заранее знал, что вред этот будет смертельным, то мы называем его действие предумышленным убийством. Но если общество ставит сотни пролетариев в такое положение, что они неизбежно обречены на преждевременную, неестественную смерть, на смерть насильственную в такой же мере, как смерть от меча или пули; если общество лишает тысячи своих членов необходимых условий жизни, ставит их в условия, в которых они жить не могут; если оно сильной рукой закона удерживает их в этих условиях, пока не наступит смерть, как неизбежное следствие; если оно знает, великолепно знает, что тысячи должны пасть жертвой таких условий, и все же этих условий не устраняет, — это тоже убийство, в такой же мере как убийство, совершенное отдельным лицом, но только убийство скрытое, коварное, от которого никто не может себя оградить,

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 4, стр. 426. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в капиталистическом мире люди легко расстаются с жизнью, не дающей им никаких радостей, — там происходит огромное количество самоубийств. По американским официальным данным за период 1938–1952 гг. в США ежегодно происходило от 15 до 22–23 тысяч самоубийств (См. «Americana Annual», 1954, p. 695).

которое не похоже на убийство, потому что никто не видит убийцу, потому что убийца — это все и никто, потому что смерть жертвы носит характер естественной смерти, потому что это не столько грех содеянный, сколько грех попустительства. Тем не менее это остается убийством»¹.

Приведенные слова Ф. Энгельса с особенной силой звучат в настоящее время, когда основным экономическим законом капитализма стало обеспечение максимальной капиталистической прибыли. В условиях действия этого закона буржуазия в погоне за прибылями еще циничнее, чем раньше, угнетает и обирает трудящихся, еще меньше считается с правами и интересами трудящихся. В этих условиях жизнь и здоровье трудящегося человека не ставятся ни во что, важнейшие блага и права личности без колебаний приносятся в жертву погоне за прибылью, за барышом.

11. Рассмотрим теперь с интересующей нас точки зрения вопрос о преступлениях, не связанных с причинением ущерба личности, ее правам и интересам. Остановимся прежде всего на должностных преступлениях.

Советский государственный аппарат², его правильная работа имеют огромное значение для нашего государства. Оно определяется тем, что государственный аппарат представляет собой важнейшее средство осуществления диктатуры рабочего класса в нашей стране, орудие проведения в жизнь важнейших политических, хозяйственных, воспитательных и организационных мероприятий Коммунистической партии и Советского правительства. Без мощного государственного аппарата, способного четко и с максимальным эффектом проводить в жизнь эти мероприятия, было бы немыслимо создание условий для все более широкого действия экономических закономерностей социализма, для возникновения, укрепления и развития новых общественных отношений, для организации трудящихся на выполнение грандиозных задач строительства коммунизма³. Исходя из этого Коммунистическая партия и Советское правительство всегда уделяли чрезвычайно большое внимание вопросам обеспечения советскому государственному аппарату условий, необходимых для дальнейшего улучшения его работы, стремясь таким образом обеспечить ему возможность работать без фальши, честно, экономно и

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 2, стр. 329–330.

² Следует заметить, что в советской юридической литературе государственные и общественные организации нередко рассматриваются также в качестве носителей субъективных прав (см. М.П. Карева, С.Ф. Кечекьян, О социалистических правоотношениях, М., 1956, стр. 22, 25, 27). С этой точки зрения представляется оправданной попытка рассматривать должностные преступления в отличие от преступлений против личности, как, в известном смысле, нарушение также и определенных правоотношений в указанном или в административно-правовом смысле.

³ См. В.А. Власов, Советский государственный аппарат, М., 1951, стр. 9–10.

быть организацией помощи трудящимся. «Без аппарата», — подчеркивал В.И. Ленин, — мы бы давно погибли. Без систематической и упорной борьбы за улучшение аппарата мы погибнем до создания базы социализма»¹.

Советское социалистическое право, определяя структуру государственного аппарата, очерчивая круг вопросов, подведомственных должностным лицам различных наименований, устанавливая порядок осуществления этими лицами присвоенных им функций, а также их гражданскую, дисциплинарную и уголовную ответственность в связи с совершенными ими незаконными действиями, стремится своими средствами обеспечить советскому государственному аппарату возможность аффективно выполнять возложенные на него задачи. Устанавливая ответственность за отдельные должностные преступления, советское уголовное право содействует предупреждению таких действий должностных лиц, которые наиболее ощутимым образом дезорганизуют работу государственного аппарата.

Следует иметь в виду, что условия политической жизни в социалистическом государстве, социалистические общественные отношения, определяющие политическую природу советского государственного аппарата, сами по себе всесторонне обеспечивают ему возможность функционировать так, как этого требуют интересы советского народа.

Чтобы использовать общественно-политические предпосылки, реализовать возможности, создаваемые ими в области организации и направления деятельности советского государственного аппарата, нужна большая повседневная работа, необходимо использование различных средств. Это в особенности необходимо там, где приходится преодолевать сознательные или неосознанные попытки воспрепятствовать реализации указанных возможностей, вольно или невольно содействовать проникновению в советский аппарат элементов лихоимства, расточительства, фальши в работе, беззакония всякого рода и бюрократической затхлости. Одним из важных средств борьбы с такого рода попытками являются нормы советского уголовного права, предусматривающие ответственность за злоупотребление служебным положением, превышение служебных полномочий, халатное отношение к служебным обязанностям, получение взятки и т.д. При помощи этих норм как вспомогательного средства борьбы, социалистическое государство содействует обеспечению советскому государственному аппарату возможности работать четко, слаженно и хорошо выполнять возложенные на него задачи. Эта

¹ В.И. Ленин, Соч., т. 32, стр. 301.

возможность и есть важнейшая составная часть объекта должностных преступлений¹.

В капиталистических государствах государственный аппарат является важным средством осуществления капиталистической эксплуатации и проведения политики угнетения и подавления народа. Именно через государственный аппарат буржуазия обеспечивает себе возможность повседневно осуществлять свою антинародную диктатуру. При посредстве особой группы людей, имеющих в своем распоряжении вооруженную силу, тюрьмы и т.д. и занимающихся «...только тем или почти только тем, или главным образом тем, чтобы управлять»², господствующая буржуазия охраняет капиталистические порядки, защищает капиталистическую собственность, подавляет посягательства на капиталистические порядки со стороны трудящихся, осуществляет ограбление трудящихся посредством налогового обложения и т.д. Подчеркивая значение буржуазного государственного аппарата, В.И. Ленин писал, что в парламентах только болтают со специальной целью надувать «простонародье», тогда как «...настоящую «государственную» работу делают за кулисами и выполняют департаменты, канцелярии, штабы»³. Именно поэтому усиление принудительной, репрессивной стороны буржуазной диктатуры в эпоху империализма, в эпоху обострения классовых противоречий, расширения и роста организованности рабочего движения находит выражение, в частности, в усилении буржуазного государственного аппарата. «...Империализм, — пишет В.И. Ленин, — эпоха банкового капитала, эпоха гигантских капиталистических монополий, эпоха перерастания монополистического капитализма в государственно-монополистический капитализм, показывает необыкновенное усиление «государственной машины», неслыханный рост ее чиновничьего и военного аппарата в связи с усилением репрессий против пролетариата как в монархических, так и в самых свободных, республиканских странах»⁴.

¹ При этом в некоторых случаях опасность должностных преступлений выражается по закону в том, что они существенно затрудняют осуществление этой возможности конкретными звеньями государственного аппарата. Таковы злоупотребление служебным положением, превышение служебных полномочий, бездействие власти и халатность, подпадающие под признаки ст. ст. 109, 110 и 111 УК РСФСР. В других случаях эти же самые преступления имеют настолько серьезный характер, что они лишают те или иные звенья аппарата возможности нормально функционировать. Именно эти случаи имеются в виду в ч. 1 ст. 112 УК РСФСР. Напротив, ч. 2 ст. 112 предусматривает такие случаи злоупотребления властью, которые ввиду отсутствия систематичности и тяжелых последствий в сравнительно незначительной степени затрудняют реализацию указанной возможности. Отсюда и различие в наказаниях, которые предусматривает закон за должностные преступления этих трех видов.

² В.И. Ленин, Соч., т. 29, стр. 440.

³ В.И. Ленин, Соч., т. 25, стр. 395.

⁴ В.И. Ленин, Соч., т. 25, стр. 382.

Буржуазное уголовное законодательство, устанавливая ответственность за преступления по должности, стремится своими средствами обеспечить буржуазному государственному аппарату возможность выполнять возложенную на него функцию — быть орудием управления государством в интересах буржуазии, орудием подавления и ограбления трудящихся. Исходя из этого, нетрудно понять, почему в буржуазных странах постоянно отмечается резкий разрыв между числом нарушений уголовных законов о должностных преступлениях и числом возбужденных в связи с этими нарушениями уголовных дел¹. Встречающееся в литературе объяснение этого факта тем, что в подобных случаях преступления совершаются слугами господствующего класса, является поверхностным². Оценка деяния определяется в первую очередь его материальным характером, а последний зависит главным образом от того, направлено или не направлено фактически это деяние против интересов господствующего класса. При совершении чиновником действия, запрещаемого буржуазным уголовным законом, привлечение к уголовной ответственности и реальное наказание виновного имеют место лишь в случаях, когда это действие фактически идет вразрез с угнетательскими и грабительскими функциями буржуазного аппарата, затрудняет ему возможность выполнять эти функции³. В противном случае наказание либо не применяется, либо является более или менее номинальным. При этом следует иметь в виду, что в соответствии с политическим назначением буржуазного государственного аппарата случаи полного или частичного отказа от применения наказания встречаются чрезвычайно часто. Критикуя одно из положений Гегеля, К. Маркс писал: «Согласно § 295, защита «государства и управляемых от злоупотребления властью со стороны ведомств и их чиновников» заключается, с одной стороны, в их «иерархии» (как будто иерархия не является главным злоупотреблением и как будто какие-нибудь личные грехи чиновников могут идти в

¹ См. Б. С. Утевский, *Общее учение о должностных преступлениях*, М., 1948, стр. 301.

² См. там же, стр. 406.

³ Отсюда и институт административной гарантии — порядок привлечения чиновников к уголовной ответственности только с разрешения их начальства, которое, таким образом, само решает, подлежит или не подлежит суду чиновник, совершивший уголовно-наказуемое деяние (См. А. И. Елистратов, *Основные начала административного права*, 1917, стр. 288 и сл.; Е. М. Кулишер, *Судебное преследование должностных лиц*. 1907, стр. 5 и сл. В советской литературе — Б. С. Утевский, *Общее учение о должностных преступлениях*, М., 1948, стр. 406; А. А. Герцензон, *Понятие преступления в советском уголовном праве*, М., 1955, стр. 23–25). Отсюда и институт общего «погашения ответственности» совершивших преступления должностных лиц (см. О. Н. Phillips, *The Constitutional Law of Great Britain and the Commonwealth*, 1952, p. 37, 605; E. W. Ridges, *Constitutional Law*, 1950, p. 400–401. См. также — Lietveaux, *La caste des instouchables on la «therie» du delit de service*, «Recueil Dalloz», 1953, 9 oct., p. 133–136).

сравнение с теми их грехами, которые необходимо вытекают из этой иерархии; иерархия карает чиновника, поскольку он грешит против иерархии или поскольку он совершает такой грех, который иерархии не нужен, но она берет его под свою защиту всякий раз, когда сама иерархия совершает грех в его лице...»¹. Эти слова полностью сохраняют свое значение и в настоящее время. В империалистическом государстве чудовищные злоупотребления чиновничества, повальное взяточничество, подлоги, попустительство деятельности всякого рода террористических организаций, сделавших своей специальностью кровавые расправы с организованными рабочими, использование служебного положения для участия в махинациях и доходах различных шаек мошенников и вымогателей и т.д. остаются, как правило, совершенно безнаказанными и именно потому, что все эти и подобные им преступления не только не мешают, а, напротив, помогают «иерархии» выполнять свою задачу — подавлять, угнетать и обирать народ.

12. Принципиальное различие между охраняемыми советским и буржуазным уголовным правом общественными отношениями можно хорошо видеть на примере преступлений против правосудия. Совершенно различная природа этих преступлений может быть выяснена только в том случае, если исходить из коренной противоположности задач советского социалистического правосудия и буржуазной юстиции.

Советский суд, охраняющий интересы всего советского народа, при рассмотрении уголовных и гражданских дел в первую очередь стремится установить обстоятельства каждого дела в точном соответствии с тем, что имело место в действительности. Не выполнив эту задачу, суд не мог бы осуществить возложенную на него социалистическим государством функцию дать в соответствии с законом правовую оценку происшедшему и сделать из этой оценки соответствующие юридические выводы. В частности, по уголовным делам «осуществление задач социалистического правосудия... заключается в том, — подчеркивает М.С. Строгович, — что суд на основе рассмотренных и проверенных доказательств устанавливает факты и обстоятельства совершенного преступления и в соответствии с законом применяет к совершившим преступление лицам меры уголовного наказания. Для того чтобы эти задачи могли быть выполнены, суд должен по каждому рассматриваемому им уголовному делу установить факты и обстоятельства, относящиеся к преступлению, составляющему предмет данного дела, в том виде, как они имели место в действительности, дать этим фактам и обстоятельствам правильную юридическую и политическую оценку и сделать вытекающие из за-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. I, стр. 278.

кона юридические выводы в отношении привлеченных к ответственности лиц»¹.

Возлагая на судебно-следственные органы задачу расследования и рассмотрения уголовных, гражданских, трудовых, жилищных и иных дел и споров, социалистическое государство заботится и о том, чтобы обеспечить данным органам реальные возможности для выполнения указанной задачи. С этой целью советское уголовно-процессуальное законодательство предоставляет следственным органам право возбуждать уголовные дела, привлекать граждан к уголовной ответственности, производить допросы обвиняемых и свидетелей, использовать экспертов и переводчиков, производить обыски, применять меры пресечения и т.д. Рассматривающий уголовное или гражданское дело суд вправе допустить любые доказательства, которые он сочтет нужным, или потребовать их от третьих лиц, в случае необходимости осуществить принудительный привод обвиняемого, свидетелей, допросить этих лиц, привлечь к ответственности свидетелей, дающих ложные показания, и других лиц, если имеются данные о совершении ими преступления, и т.д. При этом, поскольку основной задачей всей деятельности судебно-следственных органов при расследовании и рассмотрении конкретных дел является установление истины по каждому делу², важнейшее значение приобретают доказательства, при отсутствии которых работа судебно-следственных органов была бы попросту невозможной. Поэтому в число мер, направленных к тому, чтобы обеспечить этим органам возможность правильно решать поставленные перед ними задачи, входят меры обеспечения явки свидетелей и экспертов по вызову судебно-следственных властей, дачи теми и другими правдивых показаний и заключений и т.д. Таким образом, статьи уголовного кодекса, предусматривающие ответственность за уклонение свидетеля от явки, отказ свидетеля от дачи показаний, уклонение от явки или отказ от исполнения обязанностей эксперта или переводчика, заведомо ложный донос и заведомо ложное показание свидетеля, эксперта или переводчика представляют собой важное средство борьбы с действиями, затрудняющими реализацию указанной возможности³. То же

¹ М. С. Строгович, Учение о материальной истине в уголовном процессе, М., 1947, стр. 3–4. См. также его же, Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе, М., 1955, стр. 6–7.

² См. М. С. Строгович, Учение о материальной истине в уголовном процессе, М., 1947, стр. 14 и след.; его же, Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе, М., 1955, стр. 44, 49. См. также М. А. Чельцов, Советский уголовный процесс, М., 1951, стр. 134.

³ А. А. Пионтковский, говоря о ложных показаниях, характеризует их как преступление против порядка управления, «мешающее осуществлению социалистического правосудия» (А. А. Пионтковский, Вопросы Общей части в практике судебно-прокурорских органов, М., 1954, стр. 16).

самое можно сказать о нормах, предусматривающих ответственность за недонесение о готовящемся или совершенном преступлении и за укрывательство преступлений, совершенных другими лицами.

Совершенно очевидно, однако, что осуществление этой возможности в существенной мере затрудняют также и такие преступления против правосудия, которые представляют собой не действия частных лиц, а должностные преступления. Ведь постановление судьями из корыстных или иных личных видов неправосудного приговора или решения может свести на нет результаты тщательно проведенного предварительного или судебного следствия, привести к осуждению невиновного или оправданию лица, совершившего преступление, к удовлетворению неосновательного или отклонению обоснованного иска. Принуждение к даче показаний при допросе путем применения незаконных мер со стороны производящего допрос лица может иметь своим последствием полное искажение действительных обстоятельств дела, направление предварительного и судебного следствия по ложному пути и т.д. Подобные действия в такой же мере затрудняют судебно-следственным органам возможность правильного разрешения стоящих перед ними задач, как и ложный донос, ложные показания свидетелей и т.п. действия частных лиц.

Таким образом, очевидно, что любое преступление, направленное против правосудия, независимо от того, совершено ли оно частным или должностным лицом, имеет своим результатом воспрепятствование осуществлению советскими судебно-следственными органами возможности работать хорошо, правильно, эффективно¹. Эта возможность, обеспечиваемая и охраняемая нормами советского уголовного права, является составной частью объекта преступлений рассматриваемой группы.

Принципиально иные политические задачи стоят перед буржуазным судом. Представляя собой инструмент, при помощи которого буржуазия осуществляет свою антинародную диктатуру, буржуазная юстиция является «...аппаратом угнетения, аппаратом буржуазной эксплуатации»², орудием принуждения трудящихся к подневольному труду на капиталов, «...орудием беспощадного подавления эксплуатируемых, отстаивающим интересы денежного мешка»³. Буржуазный суд используется буржуазией для борьбы с организованным рабочим движением, предотвращения и срыва забастовок, разжигания шовинизма, расправы с организациями трудящихся и с прогрессивными деятелями, отстаивающими права и интересы народа. Ле-

¹ См. Ш.С. Рашковская, Преступления против социалистического правосудия, М., 1957.

² В.И. Ленин, Соч., т. 27, стр. 191.

³ В.И. Ленин, Соч., т. 26, стр. 421.

тописи буржуазного «правосудия» пестрят и с каждым днем пополняются все новыми позорными процессами, возмущающими демократическое общественное мнение всего мира извращением элементарных представлений о вине и ответственности. Во всех случаях, когда этого требуют своекорыстные интересы стоящей у власти олигархической клики, буржуазный суд не останавливается ни перед каким надругательством над самой идеей правосудия: осуждение ни в чем не повинных людей и оправдание лиц, совершивших тягчайшие преступления против трудящихся, давно стало нормальной практикой буржуазной юстиции.

Буржуазное уголовное законодательство предусматривает большое количество преступлений против правосудия. Если взять уголовные кодексы отдельных штатов США, то мы найдем в них составы пресловутого «неуважения к суду», сутяжничества, клятвопреступления разных степеней, подкупа свидетелей с целью склонить их к лжесвидетельству, подкупа должностных лиц юстиции или присяжных заседателей, похищения и подделки документов судопроизводства, фальсификации судебных доказательств и т.д. В качестве примера можно сослаться на уголовный кодекс штата Калифорния, который в разделе «Преступления против правосудия» содержит около ста статей.

Английское уголовное законодательство также предусматривает ответственность за подкуп должностных лиц судебных органов, незаконное воздействие на присяжных заседателей, клятвопреступление, особо — за ложные заявления всякого рода под присягой и без нее, пособничество лжесвидетельству и подстрекательство к нему, сутяжничество, сговор с целью воспрепятствовать отправлению правосудия, воспрепятствование явке свидетеля или даче им показаний, запугивание свидетеля, укрывательство преступления и т.д.¹

Казалось бы, буржуазный законодатель только и думает о том, как бы средствами уголовного закона обеспечить суду возможность по каждому делу установить истину и вынести правосудный и справедливый приговор.

В действительности дело обстоит совершенно иначе. Указанные постановления уголовного закона используются лишь в тех случаях и лишь постольку, когда и поскольку возникает необходимость обеспечить таким способом буржуазному суду возможность осуществить его угнетательскую, террористическую функцию. Эти запреты и веления не применяются в отношении эксплуататоров и их агентуры, а также во всех случаях, когда это невыгодно господствующей клике.

Изложенные в настоящей и предыдущей главах соображения, которые, как нам представляется, уточняют и развивают концепцию

¹ J. Stephen, A Digest of the Griminal Law, 1950, chs XIII, XVII, XVIII, XIX.

общественного отношения как объекта преступления, позволяют сделать следующий вывод о содержании этого понятия с интересующей нас сейчас стороны.

Всякое преступление затрудняет или может затруднить социалистическому государству, существующим в нем государственным и общественным установлениям и учреждениям и гражданам возможность проводить определенную совокупность мероприятий либо отдельные мероприятия, функционировать определенным образом, совершать известные действия, соответствующие или не противоречащие интересам государства, вести себя определенным образом, пользоваться теми либо иными благами, использовать те или иные права или находиться в определенном состоянии. Эта возможность¹ входит в понятие охраняемого уголовным правом объекта — общественного отношения как его составная часть, тогда как само преступление, как посягательство на охраняемый уголовным правом объект, выражается в воспрепятствовании реализации этой возможности или в уклонении от содействия ее реализации.

В. Условия реализации отношений. Классификация объектов

13. Переходя к вопросу о третьей составной части объекта преступления — об охраняемых уголовным законом условиях реализации обеспечиваемых законом возможностей, следует отметить, что эти условия так же образуют составную часть охраняемых уголовным правом общественных отношений.

Рассмотрению этого вопроса полезно предпослать анализ излагаемой в нашей литературе трехступенной классификации объектов на общий, специальные и непосредственные².

Первое, что обращает на себя внимание, это неустойчивость терминологии в наименованиях различных категорий объектов, свидетельствующая о невыясненности самих по себе основ предлагаемой классификации. Первоначально родовый объект (преступление есть родовое понятие в отношении отдельных групп преступлений) вообще не имел какого-либо наименования, затем он был назван «общим»³. Объект, единый для целой группы преступлений, перво-

¹ Как было подробно показано, в понятие нарушаемого преступлением общественного отношения мы включаем и процесс реализации возможности.

² См., например, А.А. Герцензон, Уголовное право, часть Общая, М., 1948, стр. 289 и след.; В.Д. Меньшагин, З.А. Вышинская, Советское уголовное право, М., 1950, стр. 96 и след.; В.М. Чхиквадзе, Советское военно-уголовное право, М., 1948, стр. 159 и след. Это деление проводится и во многих диссертациях. Не дает такого деления М.А. Шнейдер, Советское уголовное право, часть Общая (учебное пособие), М., 1955; Б.С. Утевский, Уголовное право, М., 1950 и некоторые другие авторы.

³ См. «Уголовное право, Общая часть», М., 1939, стр. 165.

начально назывался «общим»¹, затем «специальным»² (неясно, в каком смысле), а позднее получил наименование «общего для определенной группы преступлений» или «родового», или «группового»³. Только на самой нижней ступени классификации все время сохранялось одно и то же наименование объекта — «непосредственный»⁴. Все указанные наименования выдвигались и изменялись без какой-либо мотивировки, и по сей день остается неясным, идет ли здесь речь о научной классификации, долженствующей удовлетворять определенным логическим и прочим условиям, или о чем-либо ином⁵.

Необходимо, далее, подчеркнуть, что в различных изданиях учебника не делается серьезной попытки дать определение отдельных объектов. О «высшем» из них («общем») говорится, что это — социалистические общественные отношения, причем не разъясняется, каково содержание этого понятия и чем указанные общественные отношения отличаются от общественных отношений, охраняемых другими отраслями права. Нет необходимости доказывать, что слова: «охраняемые советским уголовным законом»⁶ не являются ответом на этот последний вопрос, который как раз и заключается в том, какие именно общественные отношения, как и от чего охраняет советский уголовный закон. Еще сложнее обстоит дело со «средним» («специальным», «родовым») объектом. Не получая определения, этот объект либо трактуется как основа для группировки преступлений⁷, либо о нем говорится, что он имеет «особые индивидуальные и специфические черты»⁸. Между тем задача в том и

¹ См. «Уголовное право, Общая часть», М., 1938, стр. 244–245.

² См. «Уголовное право, Общая часть», М., 1939, стр. 165.

³ См. «Уголовное право, Общая часть», М., 1943, стр. 111–112; «Уголовное право, Общая часть», М., 1948, стр. 292; «Советское уголовное право, Общая часть», М., 1952, стр. 177.

⁴ В учебнике «Советское уголовное право» для юридических школ (М., 1940, стр. 48), один и тот же объект именуется то непосредственным, то специальным.

⁵ Критикуя трехступенную классификацию объектов, мы здесь и далее исходим из того, что она предполагается имеющей логическое основание. В пользу этого говорит как то, что эта классификация имеет своим предметом различные объекты, т.е. явления однородные, так и то, что один из этих объектов именуется общим, а следующий за ним нередко называется групповым, или даже родовым. Мы уже не говорим о том, что вообще трудно представить себе классификацию, которая не имела бы логического основания. См. Н.П. Кучерявый, Ответственность за взятничество по советскому уголовному праву, М., 1957, стр. 54–55; Б.С. Волков, Понятие истребления и повреждения государственного и общественного имущества по советскому уголовному законодательству, «Ученые записки Казанского государственного университета имени Ульянова-Ленина», т. III, кн. 7, стр. 107–108; Г.А. Кригер, Ответственность за хищение государственного и общественного имущества, М., 1957, стр. 18.

⁶ См. «Советское уголовное право, часть Общая», М., 1952, стр. 175.

⁷ См. «Уголовное право, Общая часть», М., 1938, стр. 244–245.

⁸ См. «Уголовное право, Общая часть», М., 1939, стр. 165.

состоит, чтобы определить эти особые черты, иными словами, дать определение указанного объекта. Что касается непосредственного объекта, определения которого также не дается, то до 1943 года можно было думать, что в соответствии с общими правилами классификации этот объект представляет собой общественное отношение. Однако в третьем издании учебника было, как мы видели, указано, что «в большинстве составов» это не так. В результате получилось, что либо непосредственный объект в принципе выпадает из классификации объектов, поскольку явно нарушается диалектика взаимоотношения общего и отдельного, либо необходимо признать, что указанная классификация не есть классификация в научном смысле слова¹.

Нельзя не обратить внимания также и на то, что предлагаемое в литературе трехстепенное деление объектов, претендующее на универсальность, в действительности целиком применимо только к немногим преступлениям², например, к преступлениям против личности. Применительно к другим составам нередко указываются только два объекта — общий, который всегда предполагается, и другой — то ли «специальный», то ли «непосредственный», то ли «специальный» и «непосредственный» одновременно. В этой же группе целесообразно отметить также случаи, когда «непосредственный» объект, указанный самостоятельно, наряду со «специальным» оказывается в то же время «групповым» для целого ряда преступлений. Например, преступления против личной собственности граждан делятся в учебниках на две группы не по непосредственному объекту, а по признаку наличия или отсутствия корыстной цели, а далее говорится, что корыстные преступления этой группы «...различаются между собой по способу преступного завладения чужим имуществом»³. Аналогичное положение существует в отношении так называемых общих должностных преступлений, таких, как злоупотребление служебным положением, халатность, взяточничество

¹ Н. И. Загородников, являющийся сторонником трехстепенной классификации объектов, тем не менее считает их деление на общий, специальный и непосредственный «условным» (см. Н. И. Загородников, Значение объекта преступления при определении меры наказания по советскому уголовному праву, «Труды Военно-юридической академии», вып. X, 1949, стр. 12–13; см. также Н. А. Стручков, Борьба со взяточничеством по советскому уголовному праву, автореферат кандидатской диссертации, М., 1954).

² См. А. Н. Васильев, Уголовная ответственность за хищение, автореферат кандидатской диссертации, М., 1952; Г. А. Кригер, К вопросу о понятии объекта преступления в советском уголовном праве, «Вестник Московского университета» 1955 г. № 1, стр. 115.

³ «Советское уголовное право, часть Особенная», М., 1951, стр. 241; «Советское уголовное право, часть Особенная», М., 1958, стр. 179; «Советское уголовное право, часть Особенная», М., 1959, стр. 216; М. А. Гельфер, Преступления против личной собственности граждан, М., 1959; Б. В. Здравомыслов, Преступные нарушения авторского и изобретательского права, М., 1959, стр. 16.

и др.¹ Применительно к этим преступлениям в учебниках также указывается, кроме подразумеваемого общего, только один объект — деятельность государственного аппарата². То же самое имеет место в отношении отдельных государственных преступлений, некоторых преступлений в области советского хозяйства, например бесхозяйственности и др. В тех же случаях, когда трехступенная система объектов находит полное применение, в учебниках непосредственный объект, как правило, одновременно выполняет и роль группового для ряда преступлений, нередко серьезно отличающихся друг от друга по характеру и степени общественной опасности, что иногда признается и учебниками в форме неожиданного указания четвертого объекта. Так, в числе посягательств на денежную и кредитную систему иногда указывают фальшивомонетничество, подделку в виде промысла чеков, документов на денежные вклады, знаков почтовой оплаты и др., а также нарушение правил о валютных операциях (для этого преступления указывается и четвертый объект — порядок валютных сделок и других операций с валютой). В числе посягательств на монополию внешней торговли указаны нарушения Положения о монополии внешней торговли (четвертый объект — правила, регулирующие эту торговлю) и контрабанда. Среди преступлений, посягающих на правильную работу транспорта, указаны разрушение путей сообщения (четвертый объект — транспорт), нарушение работниками транспорта трудовой дисциплины и нарушение служебных обязанностей работниками авиации. В числе преступлений в области промышленности находим выпуск недоброкачественной продукции и незаконную продажу и т.д. оборудования и материалов.

В целом получается, что при той практической реализации принципа трехступенной системы объектов, которая проводится учебни-

¹ См. В. А. Шкурко, Разграничение должностных преступлений, «Труды Иркутского Государственного университета имени А. А. Жданова», т. XXII, вып. 3, стр. 68, 72. В. А. Шкурко приходит к выводу, что разграничить должностные преступления по объекту невозможно, т. к. объект у них один и тот же и что различие между ними проходит по субъективной стороне. Б. В. Здравомыслов, отказываясь от попытки найти непосредственный объект в рамках понятия отдельных должностных преступлений, пишет, что таковым является правильная деятельность конкретного учреждения (Б. В. Здравомыслов, Должностные преступления, М., 1959, стр. 10). Такое решение вопроса представляется нам отказом от попытки дать уголовно-правовое определение непосредственного объекта.

² См. «Советское уголовное право, часть Особенная», М., 1951, стр. 324, а также раздел «Должностные преступления» в учебниках «Советское уголовное право, часть Особенная», М., 1957; М., 1958; Л., 1959. Некоторые авторы находят выход из положения в том направлении, что объединяют непосредственный объект некоторых должностных преступлений с родовым объектом этих преступлений (см. Н. П. Кучерявый, Ответственность за взяточничество по советскому уголовному праву, автореферат кандидатской диссертации, М., 1954, стр. 6; А. Б. Сахаров, Ответственность за взяточничество по советскому уголовному праву, М., 1957, стр. 55), в результате чего происходит противостественное объединение вида с родом.

ками, ни в малейшей степени не достигается цель, которую, по мнению сторонников этой системы, она преследует. «Деление объектов на общий, специальный (родовой) и непосредственный, принятое в теории советского уголовного права, — пишут Г.А. Кригер и другие авторы рецензии на изданный в 1952 году учебник *Общей части советского уголовного права*, — имеет своей целью уточнение вопроса о том, *против каких именно общественных отношений* непосредственно и прежде всего направлено данное преступное посягательство и, следовательно, каким общественным отношениям социалистического государства оно причиняет или может причинить ущерб. Принимая во внимание именно эту цель деления объекта и всегда учитывая особенность построения отдельных групп преступлений, теория и должна в конкретном случае установить непосредственный и специальный объекты посягательства. Только установив эти объекты, т.е. конкретные *общественные отношения*, нарушаемые тем или иным преступлением, и уяснив тем самым значение их охраны и укрепления для социалистического государства на данном этапе его развития, суд может дать правильную политическую оценку преступления»¹. Нельзя не заметить, что как раз общественные отношения, в частности те, против которых преступные посягательства направлены «непосредственно и прежде всего», как правило, остаются за рамками трехступенной системы объектов.

Представляется, что все эти недоразумения объясняются невыясненностью в нашей литературе самого понятия объекта преступления и содержания общественного отношения, охраняемого уголовным правом. В предлагаемой в настоящее время «системе» объектов оказались смешанными совершенно разнородные явления и предметы, сама же система фактически представлена главным образом исключениями из правила.

Классификация объектов, их группировка в определенном соотношении друг с другом представляет собой прежде всего отражение того простого факта, что в определенной системе расположен материал самого уголовного кодекса. Уголовный кодекс предусматривает ответственность за правонарушения, которые именуется преступлениями потому, что обладают некоторыми общими чертами, в частности, со стороны объекта: они общественно опасны. Это обстоятельство делает возможным и необходимым построение общего понятия и законодательного определения преступления.

¹ Г.А. Кригер и др., Об ошибочности освещения ряда вопросов в вузовском учебнике по *Общей части советского уголовного права*, «Вестник Московского университета» 1954 г. № 1, стр. 139. Эти соображения следует считать типичными, см. Н.И. Загородников, Понятие объекта преступления в советском уголовном праве, «Труды Военно-юридической академии», вып. XIII, 1951, стр. 38; Г.А. Кригер, К вопросу о понятии объекта преступления в советском уголовном праве, «Вестник Московского университета» 1955 г. № 1, стр. 114–115.

Далее Особенная часть кодекса делится на главы в первую очередь потому, что преступления, включенные в каждую главу, имеют общий для них всех объект, без чего было бы невозможно или бесполезно построение общего определения преступлений каждой данной группы: против личности, хозяйственных, должностных.

Наконец, каждое из преступлений, предусмотренных в определенной главе, как принято считать — нередко, а по нашему мнению всегда отличается специфическими особенностями также и со стороны объекта.

Следовательно, только что указанный «простой факт», сама классификация объектов и необходимость в ней отражают то важное обстоятельство, что преступления, известные советскому уголовному законодательству, отличаются друг от друга и группируются на основании объективных признаков, характеризующих специфику и степень общественной опасности отдельных преступных деяний и их групп. Без этого были бы невозможны ни система уголовного законодательства, ни охраняемый им *правопорядок*, ни подход к отдельным нормам этого законодательства, как к составным частям системы, построенным на основе тех же принципов, что и она сама. Из оказанного следует далее, что в основе системы уголовного законодательства может и должна лежать именно научная классификация объектов, а не что-либо иное, поскольку специфика и степень общественной опасности преступных деяний определенной группы и отдельных преступлений определяются в первую очередь объектами тех и других.

Нет необходимости доказывать, что классификация объектов, как и всякая другая классификация, может быть научной и иметь реальное познавательное и практическое значение только при условии, что она отражает материальное содержание классифицируемых явлений, однородных на всех ступенях классификации, и соответствует логическим правилам об объеме и содержании понятий.

Общим объектом всех преступлений, совершаемых в СССР, являются *социалистические общественные отношения* — как по тому логическому основанию, что каждое преступление, совершенное в социалистическом государстве, нарушает те или иные общественные отношения, так и потому, что каждое такое преступление, причиняя социалистическим общественным отношениям существенный вред, затрудняет их реализацию, мешает *нормальному функционированию советского общества*, является *общественно опасным*.

Совершенно очевидно, однако, что такое теоретически правильное понимание и определение объекта тем не менее представляет собой содержательную абстракцию. Ее полезность определяется тем,

что она дает возможность видеть политическое содержание преступлений, совершаемых в СССР, и поэтому является основой и ориентиром для построения более конкретных определений. Более того, она делает такие определения необходимыми, потому что сама по себе не обладает, не должна и не может обладать конкретностью, необходимой для решения практических задач борьбы с преступностью в соответствии с принципами социалистической законности. Вместе с тем, как во всякой содержательной абстракции, в ней имеется нужный для этих определений материал.

Советское общество — это общество диктатуры рабочего класса, осуществление которой предполагает существование и нормальное функционирование целого ряда государственных и общественных установлений. Многие из них по сути дела представляют собой в значительной мере совокупность определенных общественных отношений, ввиду чего нормальное функционирование установлений такого рода — это беспрепятственное, ничем не нарушаемое осуществление не только «внешних», но и в первую очередь «внутренних» отношений. Однако эти последние, связывая людей друг с другом, образуют основу их объединения в коллективы и придают этим коллективам характер социальных установлений. Поэтому было бы неправильно уже на современном этапе развития в условиях еще существующих различий между отдельными видами труда рассматривать государственный аппарат, вооруженные силы и т.п. как всего лишь определенную форму деятельности людей. Это тем более верно в отношении личности. То обстоятельство, что в социалистическом государстве она проявляет себя в самых различных плоскостях — в различных сферах общественного существования, не только не лишает личность характера особого социального установления, но подчеркивает ее значение как центра, средоточия целого ряда связанных с ней общественных отношений. Центральное и самостоятельное положение личности в сфере общественных отношений социализма проявляется и в том, что ради нее существуют и функционируют все другие установления социалистического общества, деятельность которых оценивается в первую очередь в зависимости от ее конкретного значения для обеспечения интересов личности.

Поэтому, рассматривая социальные установления и их общественное существование как единство, но в тоже время не отождествляя их, мы считаем это единство *групповым объектом преступления* — объектом преступлений, объединяемых в законодательной или научной системе Особенной части в особый раздел по признаку однородности интересов одного и того же участника социалистических общественных отношений. Если общим объектом всех преступлений, совершаемых в СССР, является нормальное функционирование или,

что в нашем понимании то же, возможность нормального функционирования советского социалистического общества, то групповым объектом следует считать нормальное функционирование или возможность нормального функционирования отдельных социальных установлений в различных плоскостях их общественного существования. Это — личность в ее физическом, политическом, трудовом, имущественном и т.д. существовании, нормальное функционирование государственного аппарата, социалистического хозяйства, правосудия, вооруженных сил.

Подробная разработка вопроса о групповых объектах — задача исследований, посвященных отдельным группам преступлений. В рамках настоящей работы достаточно указать, что многие установления сами по себе имеют комплексный, «составной» характер и участвуют в общественных отношениях не «сами по себе», а в тех формах, в которых они только и существуют на практике, — в виде своих отраслей или подразделений, которые и сами иногда поддаются и подлежат дальнейшему дроблению. Так, советское социалистическое хозяйство — это социалистический транспорт, социалистическое сельское, лесное, водное хозяйство, советская торговля и т.д. Нормальное функционирование советского социалистического хозяйства — это нормальное функционирование в совокупности всех его отраслей и каждой из них в отдельности. Поэтому групповым объектом, например, транспортных преступлений или, если брать отдельный состав, спекуляции является нормальное функционирование, соответственно, транспорта или советской торговли как составных частей советского социалистического хозяйства. Случаи такого рода допускают и иное по форме решение — признание двух или более групповых объектов или наряду с групповым подгруппового или подгрупповых объектов. Нет необходимости доказывать, что все эти операции направлены в первую очередь не к тому, чтобы сделать классификацию логически безупречной, хотя и это представляется немаловажным, а к тому, чтобы уяснить специфику и степень общественной опасности преступлений соответствующей группы и установить их место в системе законодательства.

Что же представляет собой *непосредственный* объект — объект отдельных преступлений, входящих в группу? Дав этому объекту общее наименование, мы постараемся показать и соответствующее этому наименованию материальное содержание интересующего нас понятия. Одно только указание на то, что речь в этом случае идет об объекте отдельного преступления или что он служит одним из признаков различия между преступлениями¹, мало помогает делу. Мы

¹ См. М.А. Шнейдер, Учебно-методическое пособие для студентов ВЮЗИ по изучению Общей части советского уголовного права, М., 1957, стр. 27.

считаем непосредственным объектом преступления *охраняемые уголовным законом условия нормального функционирования социального установления*, которое (функционирование) составляет групповой объект соответствующего преступного деяния.

Если групповым объектом преступлений против личной собственности является нормальное существование личности в сфере имущественных отношений или, более конкретно, обеспеченная лицу советским законом возможность использовать имущество по своему усмотрению, то отсюда можно сделать вывод: условием реализации этой возможности является, в частности, переход имущества от собственника к другому лицу только по воле собственника, волеизъявление которого должно быть действительно, подлинно, а не вынужденно угрозой и не фальсифицированно обманом. Воспрепятствование собственнику в реализации указанной возможности выражается в различных способах нарушения этого условия — в различных способах нарушения воли собственника — важнейшего элемента, движущей пружины его действий по владению, пользованию и особенно распоряжению имуществом. Так, при краже воля потерпевшего не играет никакой роли в акте перехода имущества к виновному, преступник игнорирует ее. При разбое воля потерпевшего подавляется насилием или угрозой его применения. При мошенничестве волеизъявление потерпевшего фальсифицируется, потерпевший в этом случае действует под влиянием обмана¹.

Аналогичное положение имеет место в отношении должностных преступлений. Групповым объектом этих преступлений является возможность правильного функционирования советского государственного аппарата. Реализация этой возможности предполагает наличие ряда условий, некоторые из которых настолько важны, что без них нормальная работа аппарата немыслима или серьезно затруднена. Так, должностные лица должны использовать предоставленные им по должности права исключительно для осуществления возложенных на них обязанностей, а не для достижения каких-либо личных целей или совершения иных действий, не вызывающихся сооб-

¹ Указания на то, что преступления против личной собственности отличаются друг от друга не только по объективной стороне, но и по способу воздействия на волю потерпевшего, встречаются в работах советских криминалистов. Так, М.М. Исаев подчеркивает, что при краже виновный «избегает столкновения с потерпевшим», тогда как при мошенничестве «обманутый сам передает свое имущество, считая, что посягающий имеет право на него или ему выгодно передать имущество посягающему» (М.М. Исаев, Имущественные преступления, М., 1938, стр. 19, 20). Отмечая, что за вымогательство наказание не столь сурово, как за разбой, тот же автор объясняет это тем, что «угроза применить насилие немедленно способна скорее сломить противодействие потерпевшего» (М.М. Исаев, Преступления против личной собственности, М., 1939, стр. 23–24; см. также М.А. Гельфер, Преступные посягательства против личной собственности граждан, М., 1954, стр. 16).

ражениями служебной необходимости или пользы. В частности, за выполняемые ими функции должностные лица должны получать вознаграждение только за правомерную деятельность и в установленном законом порядке¹.

Несоблюдение любого из этих условий существенно затрудняет советскому аппарату возможность нормальной работы. Поэтому советский уголовный закон устанавливает строгую ответственность за злоупотребление должностным положением, превышение служебных полномочий, халатность, получение и дачу взятки, должностной подлог и некоторые другие деяния.

Сказанное относится ко всем преступлениям, которые имеют один и тот же групповой объект. Так, условиями нормального функционирования денежной и кредитной системы СССР являются выпуск в обращение денежных знаков и монеты только в плановом порядке уполномоченными законом учреждениями, производство валютных операций в установленном законом порядке и т.д. Условиями осуществления монополии внешней торговли является перемещение грузов через границу с ведома таможенных учреждений и др. Условиями правильного функционирования советской торговли являются снабжение населения продуктами и товарами в плановом порядке по установленным государством ценам, отпуск товара потребителю полным весом и полной мерой по ценам, указанным в прейскуранте, и т.д. Отсюда — наказуемость фальшивомонетничества, нарушения правил о валютных операциях, контрабанды, спекуляции, обвешивания и обмеривания потребителей и т.д.

Сказанное, по нашему мнению, в полной мере относится и к тем преступлениям, которые в отличие от только что указанных в литературе принято считать имеющими свои собственные непосредственные объекты. Это в первую очередь такие преступления против личности, как убийство, причинение телесных повреждений и т.д. Представляется вполне правомерной трактовка жизни, здоровья, достоинства в качестве условий, при наличии которых только и возможно физическое существование личности в обществе. Напомним, что Ф. Энгельс говорил о стремлении коммунистов создать человеческое существование со всеми его условиями и потребностями,

¹ С.Г. Закутский (Ответственность за взяточничество по советскому уголовному праву, автореферат кандидатской диссертации, М., 1953, стр. 6–7) неосновательно считает непосредственным объектом взяточничества «...установленный законодательством СССР публично-правовой характер оплаты служебной деятельности должностных лиц...». В случаях, указанных в тексте в конце абзаца, публично-правовой характер оплаты не страдает, так как должностные лица не получают от государства вознаграждения за незаконные действия. (См. Н.П. Кучерявый, Ответственность за взяточничество по советскому уголовному праву, автореферат кандидатской диссертации, М., 1954, стр. 6).

(*menschliche Leben mit alien seinen Bedingungen und Bedürfnissen*)¹. Думается, что при таком подходе к вопросу физиологический процесс жизни, который принято считать непосредственным объектом убийства, становится составной частью объекта — общественного отношения. Применительно к рассматриваемому преступлению это общественное отношение может быть раскрыто во всей своей доступной для обобщенного понятия конкретности: жизнь как важнейшее условие физического существования личности, представляющей собой наиболее ценное социальное установление советского общества. При таком определении объекта убийства специфика и степень общественной опасности этого преступления выявляются с необходимой отчетливостью².

Приведенный пример может служить иллюстрацией и другого более общего и весьма важного положения. Рассмотренные элементы объекта преступления — участники общественных отношений, отношения между ними, условия реализации этих отношений — могут быть отделены друг от друга и выделены из целого только искусственно, для теоретического анализа. В действительности же они только взятые вместе и рассматриваемые в единстве образуют поражаемое преступлением общественное отношение. Всякое такое общественное отношение входит в систему общественных отношений социализма. Поэтому преступление, нарушая то или иное условие нормального существования социального установления, тем самым причиняет вред самому этому установлению и, следовательно, нарушает нормальное функционирование советского общества. Специфика и степень общественной опасности каждого отдельного преступления в существенной мере зависят от того, насколько важно нарушаемое условие для нормального функционирования соответствующего установления, и от относительного значения самого этого установления для нормального функционирования общества.

Таким образом, выяснение вопроса о том, кто является носителем интереса, нарушенного преступлением, против какого социального установления оно направлено, не всегда дает нам возможность с достаточной точностью отнести преступление к известной категории деяний. Иногда, решив этот вопрос, можно лишь узнать, что преступление принадлежит к числу посягательств на коллективные или индивидуальные интересы, и наиболее общим образом охарактеризовать специфику и степень его общественной опасности. Определив, далее, на какой именно интерес участника общественных отно-

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 2, стр. 554.

² Очевидно, что подобного рода формулировки не обязательно каждый раз воспроизводить в полном объеме. Важно отдавать себе отчет в том, как те или иные явления — интересы, блага и т.д. — «вкладываются» в нарушаемое преступлением общественное отношение в качестве его элементов.

шений, на какую обеспеченную ему законом возможность посягает преступное деяние, мы в этих случаях получаем основание для отнесения преступления к определенной группе и для более точного, иногда весьма точного суждения о специфике и степени его общественной опасности. Наконец, установив, какое из охраняемых законом условий осуществления возможности нарушено преступлением, в большинстве случаев можно сделать вывод о том, о каком именно преступлении из группы посягающих на данный интерес идет речь. Отправляясь от носителя интереса и от того или иного его интереса, представляется возможным, конечно, определить преступление как предусмотренное уголовным законом общественно опасное умышленное или неосторожное (причинение вреда соответствующему участнику общественных отношений или такое же нарушение соответствующего интереса. Это будет правильно, но в то же время очень общее. Ведь такой вред и подобное нарушение могут быть, как правило, учинены путем совершения различных преступлений, поэтому от носителя интереса и самого интереса обычно нельзя непосредственно умозаключить к свойствам конкретного преступления¹. Так, вред личности может быть причинен и посредством убийства, и посредством кражи, а нарушение личной собственности может быть осуществлено и кражей, и мошенничеством. Иначе обстоит дело с условиями реализации интереса. Составляя часть поражаемого преступлением объекта, каждое из этих условий может быть нарушено, как правило, каким-либо одним преступлением из числа посягающих на данный интерес. Как показывают приведенные примеры, точное определение нарушаемого преступлением условия есть в то же время и описание нарушающего это условие преступления. В этом пункте единство всех элементов преступления и, отсюда, их взаимозависимость видны чрезвычайно отчетливо. В этом пункте весьма отчетливо проявляется и диалектический характер указанной взаимозависимости. Условие реализации интереса, представляя собой переход от объекта к объективной стороне преступления, одновременно образует составную часть и того, и другого. Например, закон обеспечивает лицу возможность использовать имущество по

¹ За исключением случаев, когда законодатель придает тому или иному интересу настолько большое значение, что считает все посягательства на него при прочих равных условиях одинаково общественно опасными, какое бы из условий его реализации они ни нарушали и, следовательно, в какой бы форме и каким бы способом они ни были совершены. В этих случаях законодатель дает широкое определение соответствующего преступления, не выделяя отдельные посягательства на этот интерес в особые составы. Чтобы убедиться в этом, достаточно в действующем законодательстве сравнить родовое определение хищения социалистического имущества с дифференцированными определениями посягательства на личную собственность и обобщенную формулировку террористического акта с детализированными определениями различных преступлений против личности, в совершении которых с объективной стороны обычно выражается террористический акт.

своему усмотрению и, имея это в виду, берет под охрану такое условие реализации указанной возможности, как участие в акте передачи имущества другому лицу нефальсифицированного обманом волеизъявления владельца. Отсюда очевидно, что это условие может быть нарушено только посредством получения имущества у владельца путем обмана, т.е. посредством мошенничества. Здесь, как и в других случаях, нарушение условия обязательно есть вместе с тем и выполнение объективной стороны *определенного* преступления. Поэтому обоснование тезиса об условиях реализации интереса как составной части объекта будет дано в главе, посвященной вопросу о значении объекта для характеристики других элементов преступления и для квалификации действий, вменяемых в вину.

При всем значении деления объектов на виды, оно является в известной мере условным. Нормальное функционирование того или иного социального установления, которое мы отличаем от охраняемых законом условий такого функционирования, под определенным углом зрения может само рассматриваться как условие, обслуживающее более «высокий» интерес.

Например, нормальная деятельность государственного аппарата представляет собой одно из условий правильного функционирования советского общества. Участие в политической жизни, реализация политических прав, совокупность которых может рассматриваться в качестве объекта ряда преступлений, является условием нормально существования личности в социалистическом государстве.

С другой стороны, то, что мы называем условием, в ряде случаев и в определенной связи может выступать в виде возможности, реализация которой в свою очередь зависит от определенных условий.

Так, физиологический процесс жизни, физиологическое состояние здоровья, когда нормальное течение этого процесса или это состояние ставится под защиту закона, преобразуется в обеспеченную законом возможность жить или пользоваться здоровьем и с этой стороны приобретает черты общественного отношения.

§ 3. Об объекте и «предмете» преступления

14. За последние годы в литературе с проблемой объекта преступления все чаще связывается вопрос о предмете преступного посягательства. Отграничение объекта от предмета одни авторы проводят под углом зрения Общей части, другие на этой основе применяют соответствующие выводы к отдельным преступлениям или их группам. В аспекте Общей части указанное разграничение проводилось во втором издании учебника¹ и в учебнике, изданном в 1952 году².

¹ См. «Уголовное право, Общая часть», М., 1939, стр. 167.

² См. «Советское уголовное право, часть Общая», М., 1952, стр. 179.

В обоих случаях определения предмета не дается, вместо этого в том и другом издании приводятся одни и те же примеры: объектом и предметом спекуляции и фальшивомонетничества являются, соответственно, советская торговля и продукты сельского хозяйства; кредитно-денежная система и денежные знаки. Однако в учебнике 1952 года соответствующие соображения излагаются наряду с соображениями о том, что непосредственным объектом ряда преступлений являются не общественные отношения, а их материальное имущественное выражение, например, государственное, общественное или личное имущество. В связи с этим возникает вопрос, почему одни и те же материальные предметы, например, ценные бумаги или сельскохозяйственные продукты при краже являются объектом, а при спекуляции и фальшивомонетничестве — предметом преступления. Позиция учебника 1952 года по вопросу об объекте и предмете дала основание некоторым теоретикам упрекать его авторов в смешении объекта и предмета преступления¹. Объект отграничивается от предмета также в учебнике уголовного права для юридических школ, изданном в 1940 году. Согласно учебнику предмет преступления — это вещи, материальные предметы, с которыми связано осуществление преступления². В аспекте Общей части разграничивают объект и предмет также и другие авторы. А.А. Герцензон, считающий, что объектом преступления являются общественные отношения³, отличается от него предмет преступления, «в котором этот объект находит свое конкретное и непосредственное выражение»⁴. Он считает, что к определению объекта мы подходим, «обобщая понятие предмета преступления»⁵. Это обобщение автор представляет себе так: если предметом кражи является мешок муки, то объектом преступления будет (в зависимости от того, кому принадлежит мука) социалистическая или личная собственность⁶. А.Н. Трайнин отграничивает объект от предмета по тому признаку, что объект терпит или может потерпеть ущерб от преступления, тогда как с предметом этого не происходит. По мнению А.Н. Трайнина, предмет преступления — это «те вещи, в связи с которыми или по поводу которых совершается преступление». Объект и предмет спекуляции: советская торговля — продукты сельского хозяйства и предметы широкого потребления;

¹ См. Г.А. Кригер, К вопросу о понятии объекта преступления в советском уголовном праве, «Вестник Московского университета» 1955 г. № 1, стр. 118–119; см. также Г.А. Кригер и др., Об ошибочном освещении ряда вопросов в вузовском учебнике по Общей части советского уголовного права, «Вестник Московского университета» 1954 г. № 1, стр. 139.

² См. «Советское уголовное право», М., 1940, стр. 48.

³ См. А.А. Герцензон, Уголовное право, часть Общая, М., 1948, стр. 288.

⁴ Там же, стр. 291.

⁵ Там же.

⁶ См. там же; см. так же А.А. Герцензон, Квалификация преступления, М., 1947, стр. 7.

взяточничества: закономерная деятельность должностных лиц — деньги или иное имущество; состава изготовления одурманивающих веществ: здоровье граждан — одурманивающие вещества; состава оглашения изобретения: порядок пользования изобретениями — изобретение¹. Я.М. Брайнин, подчеркивая, что у дореволюционных криминалистов сплошь и рядом встречается смешение понятий предмета и объекта преступления², считает недостатком советской уголовно-правовой литературы то, что проводимое в ней разграничение объекта и предмета преступного посягательства «не отличается достаточно отчетливым характером»³. Положительное решение вопроса этот автор дает только в случаях, когда речь идет о преступлениях, которые совершаются в связи с определенными материальными ценностями. Я.М. Брайнин считает, что именно эти ценности и являются предметом преступления, «т.е. предметом, в связи с которым или точнее по поводу которого совершено преступление»⁴; объектом же преступления являются интересы того, кому принадлежит данная ценность. Н.И. Загородников отмечает, что «разграничение объекта и предмета преступления имеет большое как теоретическое, так и практическое значение»⁵. Этот автор полагает, что в ряде случаев предмет преступления, под которым он понимает «предметы и вещи, воздействуя на которые преступник совершает преступление...»⁶, имеет решающее значение для квалификации. Например, контрабанда из административного нарушения превращается в преступление, когда ее предметом являются, в частности, взрывчатые вещества. Н.И. Загородников, так же как и А.Н. Трайнин, придерживается того мнения, что при совершении преступления предмету не причисляется ущерба⁷. Большое внимание вопросам «соотношения предмета и объекта преступления» уделяет В.Н. Кудрявцев в статье, напечатанной в XIII выпуске Трудов Военно-юридической академии. Этот автор, частично соглашаясь с тем, что предметом преступления является «материальное выражение соответствующих общественных

¹ См. А.Н. Трайнин, *Общее учение о составе преступления*, М., 1957, стр. 178–179. Аналогичные соображения были изложены А.Н. Трайниным в работе «Учение о составе преступления», М., 1946, стр. 95.

² См. В. Спасович, *Учебник уголовного права, часть Общая*, т. 1 (вып. 1), 1863, стр. 94; А.Ф. Кистяковский, *Элементарный учебник общего уголовного права, часть Общая*, 1891, стр. 280; П.П. Пусторослев, *Русское уголовное право, часть Общая*, вып. 1, 1912, стр. 255; С.В. Познышев, *Основные начала науки уголовного права*, 1912, стр. 133.

³ Я.М. Брайнин, *Некоторые вопросы учения о составе преступления в советском уголовном праве*, «Юридический сборник Киевского государственного университета», 1950, № 4, стр. 57.

⁴ Там же, стр. 58–59.

⁵ Н.И. Загородников, *Понятие объекта преступления в советском уголовном праве*, «Труды Военно-юридической академии», вып. XIII, 1951, стр. 44.

⁶ Там же, стр. 43.

⁷ См. там же, стр. 46.

отношений»¹, по способу посягательства на общественные отношения делит преступления на две группы.

К первой он относит деяния, при совершении которых «лицо само является субъектам того общественного отношения, на которое оно посягает»². Оно или 1) исключает себя из общественного отношения (дезертирство), или 2) не выполняет обязанностей, лежащих на нем как на участнике отношения (халатность, неплатеж алиментов, мошенничество), или 3) незаконно видоизменяет общественное отношение, в котором оно состоит (ростовщичество, незаконное отчуждение прав трудового пользования на землю).

Исходя из того, что при совершении таких преступлений лицо воздействует на общественное отношение не через его материальное выражение вовне, а разрушает его «изнутри», В.Н. Кудрявцев считает, что в преступлениях этой группы материальный предмет посягательства отсутствует³.

Преступления другой группы состоят в посягательстве на общественное отношение «извне», т.е. со стороны лица, не являющегося участником отношения.

Общественное отношение может выражаться в действиях людей или в определенном положении их по отношению друг к другу, иногда оно имеет материальные предпосылки (условия) своего существования и закрепляется в определенных материальных формах. Поэтому предметом преступления могут быть, соответственно, действия участников отношений (например, представителей власти), субъекты этих отношений (при бандитизме, даче взятки, ложном доносе и т.п.) и вещи как материальная предпосылка существования отношения (при истреблении и повреждении имущества) или как материальная форма закрепления общественных отношений (документы, деньги и т.п.)⁴. В.Н. Кудрявцев, подчеркивая важность четкого различения объекта и предмета посягательства⁵, пишет: «Вопросы объекта преступления есть вопросы политики господствующего класса, устанавливающего охрану определенного круга базисных и надстроечных общественных отношений... Предмет же преступления имеет подчиненное значение. Подмена объекта преступления предметом, ведущая к неправильной квалификации преступления, по существу принижает значение социалистических ба-

¹ В.Н. Кудрявцев, О соотношении предмета и объекта преступления по советскому уголовному праву, «Труды Военно-юридической академии», вып. XIII, 1951, стр. 51.

² В.Н. Кудрявцев, О соотношении предмета и объекта преступления по советскому уголовному праву, «Труды Военно-юридической академии», вып. XIII, 1951, стр. 48.

³ См. там же, стр. 51.

⁴ См. там же, стр. 52–56.

⁵ См. там же, стр. 71.

зисных и надстроечных отношений, служащих объектом охраны советского уголовного закона, извращает правильную политическую перспективу по делу»¹. На различении объекта и предмета преступления в аспекте Общей части настаивает также Г.А. Кригер. Этот автор, солидаризируясь в основном с соображениями В.Н. Кудрявцева о предмете преступления, дополняет их и в некоторой части подвергает критике.

Г.А. Кригер считает предметом преступления в широком смысле слова физических лиц и их действия, являющиеся выражением определенных общественных отношений, юридических лиц (учреждения, организации и т.п.), а также вещи или процессы, служащие условием (предпосылкой) существования или формой выражения или закрепления конкретных социалистических общественных отношений².

Отграничение объекта от предмета проводится и в ряде работ по Особенной части. Наиболее полно это сделано в работе Т.Л. Сергеевой «Борьба с подлогами документов по советскому уголовному праву». Т.Л. Сергеева отмечает, что в отличие от объекта предметом преступления может быть только конкретная вещь, материальный предмет. Объекту преступление всегда причиняет ущерб, однако этот ущерб в связи со свойствами объекта — общественного отношения имеет нематериальный характер. Напротив, предмету вред либо не причиняется вовсе (вещи при краже), либо причиняется материальный, физический вред (вещи при ее повреждении)³. Вопросам отграничения объекта преступления от его предмета в аспекте Особенной части уделяют внимание Д.Н. Розенберг⁴, а также автор настоящих строк в вышедших в 1952 и 1954 гг. работах, посвященных борьбе с мошенническими посягательствами и уголовно-правовой охране личной собственности граждан в СССР.

Объект и предмет преступления разграничивают также авторы ряда диссертаций⁵.

¹ В.Н. Кудрявцев, О соотношении предмета и объекта преступления по советскому уголовному праву, «Труды Военно-юридической академии», вып. XIII, 1951, стр. 71.

² См. Г.А. Кригер, К вопросу о понятии объекта преступления в советском уголовном праве, «Вестник Московского университета» 1955 г. № 1, стр. 123.

³ См. Т.Л. Сергеева, Борьба с подлогами документов по советскому уголовному праву, М., 1949, стр. 40–41.

⁴ Д.Н. Розенберг, О понятии имущественных преступлений в советском уголовном праве (объект и предмет посягательства), «Ученые записки Харьковского юридического института», вып. 3, 1948.

⁵ См. С.И. Сирота, Уголовная ответственность за хищение государственного и общественного имущества, автореферат кандидатской диссертации, М., 1952, стр. 7–8; Е.А. Фролов, Уголовная ответственность за преступления против советской торговли, автореферат кандидатской диссертации, М., 1955, стр. 6–7; А.Д. Соловьев, Советское уголовное право в борьбе за искоренение спекуляции, автореферат кандидатской диссертации, М., 1953, стр. 11–12; А.Б. Сахаров, Ответственность за взяточничество по советскому уголовному праву, М., 1957, стр. 56; Ю.П. Касаткин,

Против разграничения объекта и предмета преступления высказались немногие авторы. К их числу относятся, насколько можно судить, А.Н. Васильев в цитированной рецензии на учебник Общей части советского уголовного права¹ и М.П. Михайлов². Противники отграничения объекта от предмета упрекают сторонников этой точки зрения в увлечении схоластикой, ссылаясь нередко на то, что слова «объект» и «предмет» означают одно и то же (*терминологически* это в известной мере правильно³), тогда как сторонники концепции разграничения объекта и предмета обвиняют своих противников в формально-догматическом подходе к исследованию проблемы объекта⁴.

Таким образом, подавляющее большинство теоретиков признают существование особого отличающегося от объекта, хотя и связанного с ним предмета преступления, который в отличие от объекта не является сам по себе общественным отношением⁵. С этими результатами по сути дела общих усилий советских криминалистов, разумеется, нельзя не считаться: внимание к проблеме предмета преступления, несомненно, имело и имеет под собой серьезные основания.

Несмотря на это, учитывая соображения, развитые на страницах настоящей работы, мы склонны считать концепцию разделения объекта и предмета всего лишь необходимым этапом коллективной работы советских теоретиков уголовного права по изучению и уяснению проблемы объекта преступления. Представляется, что разделение объекта и предмета преступления возникло на почве, с одной стороны, признания объектом преступления общественных отношений и, с другой — недостаточного уяснения содержания понятия общественного отношения. Теоретики, обоснованно объявлявшие объектом, например, кражи социалистическую или личную собственность, не могли не считаться с тем, что кража представляет

Борьба с преступлениями против социалистической собственности в колхозах, автореферат кандидатской диссертации, 1953, стр. 13; А.Н. Игнатов, Уголовная ответственность за разбой, автореферат кандидатской диссертации, М., 1952, стр. 6; Б.С. Волков, Ответственность за истребление и повреждение государственного и общественного имущества, автореферат кандидатской диссертации, М., 1955, стр. 8; М.В. Коноплясов, Уголовная ответственность за кражу личного имущества граждан по действующему советскому законодательству, автореферат кандидатской диссертации, М., 1956, стр. 7–8.

¹ См. также А.Н. Васильев, Преступления против социалистической собственности, М., 1959, стр. 19.

² См. М.П. Михайлов, Уголовная ответственность за кражу личного имущества и разбой, М., 1958, стр. 42, 46.

³ См. М.М. Агарков, Обязательство по советскому гражданскому праву, М., 1940, стр. 28. См. также М.П. Карева, С.Ф. Кечекьян, О социалистических правоотношениях, М., 1956, стр. 28.

⁴ См. Г.А. Кригер, К вопросу о понятии объекта преступления в советском уголовном праве, «Вестник Московского университета» 1955 г. № 1, стр. 121.

⁵ См. Gerats, Die Lehre vom Objekt des Verbrechenens, 1955, s. 21–22, 24.

собой похищение чужого имущества, материальных ценностей, вещей, причем эти предметы никак нельзя было отнести к объективной стороне преступления. Ни у кого не возникало сомнений, что фальшивомонетничество, спекуляция, взяточничество посягают не на денежные знаки, продукты сельского хозяйства или материальные ценности, передаваемые должностному лицу за «услугу», а, соответственно, на интересы кредитно-денежной системы, советской торговли и правильной работы государственного аппарата¹. В то же время было очевидно, что фальшивомонетничество предполагает подделку денежных знаков или металлической монеты, спекуляция — скупку и перепродажу предметов массового потребления, — а взяточничество — передачу материальных ценностей. То же самое с соответствующими изменениями относится к целому ряду других преступлений: бандитизму, уклонению от внесения налогов, подлогу и похищению документов, умышленному и неосторожному повреждению имущества, рубке леса, занятию запрещенным промыслом, изготовлению самогона, выпуску недоброкачественной продукции, обвешиванию и обмериванию покупателей и т.д.

На этой почве возникли различные теории предмета преступления, деление преступлений на предметные и беспредметные, более или менее пространные перечни различных предметов преступлений, попытки установить соотношение предметов с объектами и т.д. Эти попытки в свою очередь привели к построению различных определений предмета (в отличие от объекта) по признаку наличия или характера вреда как материального выражения общественных отношений; как действий участников этих отношений; как субъектов этих отношений и т.д. В результате получились не только сложные и не всегда понятные, но и нередко отвлеченные и неубедительные «конструкции». Теория различения предмета и объекта по признаку наличия и характера вреда иногда поможет отличить предмет от объекта, но не дает представления об их взаимном отношении. Теория материального выражения не всегда убедительна и отчасти произвольна. Почему вещь является материальным выражением отношений, существующих по поводу этой вещи? В связи с соображениями В.Н. Кудрявцева и Г.А. Кригера возникают такие вопросы: почему, например, деньги, если они похищены, являются предпосылкой существования соответствующих общественных отношений, а если они подделаны, то их следует считать материальной формой закрепления отношений? Можно ли положения о документах, деньгах и т.п. применить к случаям не фальсификации

¹ В учебнике Общей части, изданном в 1959 году, продукты сельского хозяйства при спекуляции предлагается считать предметом преступления и относить к объективной стороне. В то же время имущество именуется непосредственным объектом хищения (стр. 119, 120). Получается, что одна и та же вещь может быть предметом и объектом, в зависимости от того, продают ли ее по спекулятивной цене или похищают.

подлинного документа или денежного знака, а изготовления фальшивого документа или знака целиком? Каким образом можно считать предметом преступления человека, являющегося субъектом общественных отношений — охраняемых уголовным законом объектов?

Важнее, однако, другое. Как ни подчеркивали сторонники концепции объекта и предмета, в том числе и автор этих строк, единство этих двух категорий, соотношение между ним в большинстве случаев оставалось неясным. В связи с этим нередко происходило обеднение богатого содержания подлинного объекта, неполное исследование объекта, неправильное или не совсем правильное представление о характере общественной опасности преступления, посягающего на тот или иной объект.

Нам представляется, что при более глубоком исследовании объекта именно как общественного отношения проблема предмета преступления в ее нынешнем виде по существу снимается, потому что устраняется необходимость в самостоятельном исследовании предмета преступления как явления, лежащего за пределами объекта и ведущего самостоятельное по отношению к нему существование. При этом, разумеется, нельзя считать, что исчезает сам этот «предмет» и в результате преступление становится «беспредметным». При более глубоком исследовании обнаруживается следующее: то, что в настоящее время принято именовать предметом, соотносится с объектом не как части неназванного единства, расположенные внешне по отношению друг к другу, а как составная часть целого — с самим этим целым, которое, помимо «предмета», включает в себя и другие элементы.

Так, считая объектом хищения и истребления государственного имущества социалистическую государственную собственность, понимаемую как возможность использования принадлежащих государству материальных ценностей в интересах всего советского народа¹, исследователь в рамках так понимаемого объекта должен будет на основе продуманных критериев выделить из числа этих ценностей такие, которые могут быть похищены («товарные ценности» или имущество — в отличие от земли и т.п. и, по-видимому, от ценностей, находящихся в естественном состоянии: лесов, зверя, птицы и т.д.). Он должен будет показать, что общественная опасность посягательства на государственную собственность в первую очередь хищений определяется тем, что преступник в отношении определенного имущества лишает государство указанной возможности.

Примерно тот же круг вопросов должен быть рассмотрен в отношении объекта посягательства на общественную и личную собствен-

¹ Заметим, что как ни раскрывать понятие собственности, понимаемой как общественное отношение, оно обязательно включит в себя упоминание о материальных ценностях, являющихся объектом собственности: здесь отношение немислимо без того, по поводу чего оно возникает и существует.

ность. Большое внимание здесь следует уделить новому моменту — тому, что в таких случаях речь идет о возможности использовать имущество в интересах объединившихся в общественную организацию граждан или по усмотрению отдельного гражданина, поскольку это не противоречит интересам государства или общества. Юридическим же выражением этого является установление законом известных условий, пределов, границ усмотрения собственника или владельца, определяемых социально-хозяйственным назначением общественной и личной собственности в социалистическом государстве.

При рассмотрении преступлений против личности, посягающих на обеспеченную советским гражданам законом возможность жить и пользоваться здоровьем, свободой и половой неприкосновенностью, следует подвергнуть анализу все социальные и естественные явления и процессы, входящие в этом случае в состав объекта (понятие личности, содержание, начало и окончание процесса жизни, физиологическое содержание понятия здоровья и т.д.). Следует иметь в виду, что все указанные категории, рассматриваемые под углом зрения обеспечения законом существования и развития соответствующих явлений, имеющих общественное значение, приобретают социально-правовой характер и становятся элементами общественных отношений, это — с одной стороны. С другой — при таком подходе к вопросу не возникает затруднений при разграничении по объекту различных преступлений против личности от посягательств на государственных или общественных деятелей или представителей власти (ст. 3 Закона об уголовной ответственности за государственные преступления 1958 года), а также от всякого рода насилий в отношении должностных лиц и общественных работников в связи с их производственной или общественной деятельностью (ч. 1 ст. 73¹ УК РСФСР).

Уголовный закон обеспечивает деятелям социалистического государства и работникам общественных организаций в этом их качестве не просто возможность жить, пользоваться здоровьем и т.д. (эта возможность обеспечивается им наравне с другими гражданами), а возможность выполнять свои государственные, производственные и общественные функции и обязанности, не опасаясь насильственных посягательств со стороны преступных или антиобщественных элементов. Именно поэтому понятие террористического акта включает в себя различные насильственные посягательства — от побоев до лишения жизни, которые в качестве преступлений против личности предусмотрены в различных статьях уголовного закона.

Как видно, правильное решение вопроса можно получить здесь и без выделения особого «предмета преступления» — «человека», «потерпевшего», «жизни», «здоровья» и т.д.

Таким образом, так называемый «предмет» преступления — это всего лишь составная часть объекта преступления — общественного отношения. Отношения между людьми в обществе часто включают в себя различного рода состояния и процессы и разнообразные предметы материального и нематериального мира — орудия и средства труда, его предмет и результаты, различного рода документы, всякого рода сведения и т.д. Не будучи сами по себе общественными отношениями, они в соответствующих случаях входят в «состав» этих последних и являются их неотъемлемой частью¹. Именно потому, что такие предметы, вещи и состояние сами по себе не являются общественными отношениями, они могут входить в состав различных общественных отношений. Поэтому и оценка, в частности правовая оценка действий, так или иначе связанных с этими предметами или вещами, зависит в первую очередь от характера и значения того общественного отношения, в состав которого входит в конкретном случае определенный предмет или вещь. Так, одно и то же имущество может быть составным элементом различных общественных отношений (государственная, общественная или личная собственность). В зависимости от содержания документа его нахождение в распоряжении управомоченного должностного лица может быть условием реализации различных общественных отношений, например, нормальной деятельности государственного аппарата в одном случае и внешней безопасности социалистического государства — в другом. Особенность «беспредметных» преступлений с этой стороны заключается только в том, что они препятствуют совершению управомоченными лицами или органами действий, не связанных с такого рода предметами. Таковы, например, сопротивление представителю власти, ложный донос, дезертирство. Этим и объясняется обстоятельство, не привлечшее внимания наших теоретиков, что одно и то же преступление может быть «предметным» или «беспредметным» в зависимости от различных особенностей совершенного. Таковы бандитизм, связанный или не связанный с завладением имуществом, хулиганство, связанное или не связанное с насилием над личностью или повреждением имущества, злоупотребление служебным положением, связанное или не связанное с завладением материальными ценностями, должностная халатность, имеющая своим результатом «только» «медленность в производстве дел» или же причинение материального ущерба, и др.²

Правильное определение и всестороннее исследование объекта должны включать в себя все, что относится к области этого сложно-понятия с его всегда конкретным содержанием.

¹ См. F. Polacek, Objekt trestneho cinu, «Pravnicke studie», rocnik II, cislo, 4, 1954, s. 797, который, однако, различает объект и предмет преступления.

² См. L. Lernell, Wlasnosc spolecznajako przedmiot ochrony prawa karnego, 1959, s. 462.

ГЛАВА II
ЗНАЧЕНИЕ ОБЪЕКТА ДЛЯ ХАРАКТЕРИСТИКИ
ДРУГИХ ЭЛЕМЕНТОВ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ
И ДЛЯ КВАЛИФИКАЦИИ ДЕЙСТВИЙ,
ВМЕНЯЕМЫХ В ВИНУ¹

§ 1. Объект и объективная сторона преступления

А. Постановка вопроса и общее решение

15. Как и всякое другое социальное явление, преступление представляет собой сложную совокупность, единство различных элементов. Когда речь идет об общем понятии преступления, в эту совокупность входят: удовлетворяющее известным признакам, т.е. достигшее определенного возраста, вменяемое, физическое лицо, действие или бездействие этого лица, умысел или неосторожность этого лица и, наконец, охраняемое уголовным законом общественное отношение — общий объект преступления. Говоря о составе преступления, мы относим сюда удовлетворяющее тем же, а иногда еще и другим условиям лицо, указанное в законе, действие (бездействие) этого лица, предусмотренную законом форму субъективной стороны и, наконец, конкретное общественное отношение — непосредственный объект данного преступления. Эти элементы, взятые порознь или хотя бы без одного из них, не составляют преступления и поэтому безразличны для уголовного права. Таковы случаи лишения жизни в результате пистолетного выстрела, произведенного десятилетним ребенком, или хотя бы и взрослым человеком, но при отсутствии умысла или неосторожности, или происшедшего от случайного толчка, т.е. при отсутствии действия, или произведенного в состоянии необходимой обороны, т.е. при отсутствии объекта.

Таким образом, с точки зрения вопроса об ответственности за преступление это последнее выступает как совокупность образующих его состав элементов в том смысле, что для привлечения лица к уголовной ответственности за совершение данного преступления все эти элементы и, следовательно, каждый из них должны быть налично. Иными словами, с точки зрения вопроса об ответственности за совершенное преступление все элементы состава равноценны². По-

¹ Указанные два вопроса можно отделить друг от друга только теоретически: сначала решить, например, вопрос о круге действий, запрещаемых определенной нормой уголовного закона, а потом, на этой основе, оценивать отдельные деяния, становящиеся предметом судебного рассмотрения. На практике эти моменты настолько переплетаются, что их раздельное рассмотрение было бы искусственным (см. М.С. Строгович, Учение о материальной истине в уголовном процессе, М., 1947, стр. 4 и след.).

² См. А.Н. Трайнин, Общее учение о составе преступления, М., 1957, стр. 236.

этому вопрос о характере существующих между ними связей и связывающей эти элементы зависимости под этим углом зрения не возникает.

Вопрос этот, представляющий большой теоретический интерес и имеющий немаловажное практическое значение, возникает в другой связи — в связи с анализом законодательного определения преступления. Ранее при рассмотрении других вопросов мы уяснили значение охраняемых уголовным правом интересов для политической характеристики различных систем уголовного права и для суждения об объективной общественной опасности действий, вменяемых в вину. В настоящей главе мы попытаемся выяснить другое. Нас будет интересовать теперь вопрос о значении объекта преступления для обрисовки элементов состава — в первую очередь для характеристики входящего в состав преступления действия (бездействия) и для решения вопроса о конкретном содержании умысла или неосторожности лица, совершающего данное преступление. С этой точки зрения констатация того, что состав преступления представляет собой совокупность, единство определенных элементов, есть лишь подход к более глубокому исследованию состава. Он основывается на том, что, с одной стороны, существует, как писал В.И. Ленин, «...взаимозависимость и теснейшая, неразрывная связь всех сторон каждого явления...»¹, а с другой — в любой совокупности элементов, составляющих то или иное явление, не все они играют одинаковую роль: «Совокупность всех сторон явления действительности и их (взаимо)отношения, — подчеркивал В.И. Ленин, — вот из чего складывается истина»².

Для выделения объекта в системе тех элементов, из которых образуется состав преступления, и для исследования вопроса об особом месте объекта в этой системе имеется ряд оснований. Остановимся на важнейших из них.

Прежде всего следует иметь в виду соображения общего порядка. Очевидно, что способ познания того или иного явления не произволен. Явление может быть познано только в том случае, если способ познания представляет собой отражение того, что существует в самом познаваемом объекте. Однако познание явлений для общественного человека — не самоцель, а путь к овладению явлением, к воздействию на него. Способ, средство воздействия на предмет в такой же мере определяются свойствами самого предмета, как и способ его познания. В.И. Ленин подчеркивал, что основами целесообразной дея-

¹ В.И. Ленин, Соч., т. 21, стр. 38.

² В.И. Ленин, Философские тетради, 1947, стр. 169.

тельности человека являются «законы внешнего мира». «Человек в своей практической деятельности, — писал В.И. Ленин, — имеет перед собой объективный мир, зависит от него, им определяет свою деятельность»¹. И далее: «Техника... потому и служит целям человека, что ее характер (суть) состоит в определении ее внешними условиями (законами природы)»². Господство человека над явлением или его подчинение явлению и результативность или безрезультатность воздействия человека на явление зависит от того, сумел ли деятель избрать средство, способ воздействия, соответствующие природе самого явления. В.И. Ленин в конспекте книги Гегеля «Наука логики» подчеркивает слова Гегеля: «В своих орудиях человек обладает властью над внешней природой, тогда как в своих целях он скорее подчинен ей» и записывает против них: «Гегель и исторический материализм»³. Таким образом, для того чтобы в том или ином направлении воздействовать на явление, в частности затормозить его развитие, воспрепятствовать управомоченному лицу в осуществлении известной возможности, помешать нормальному ходу реализации того или иного интереса, необходимо применить не любые, произвольно избранные, а определенные средства и методы, объективно способные оказать на явление соответствующее воздействие. Это означает, что вред) ущерб охраняемому уголовным законом объекту может быть причинен не любыми, а только определенными действиями, характер которых определяется свойствами самого объекта⁴. Так, нарушение личной собственности может быть произведено не любыми действиями, а только такими, которые в той или иной форме лишают потерпевшего возможности использовать имущество по своей воле и в своем интересе.

Далее, говоря о противоправности действия в уголовно-правовом смысле слова, мы, с одной стороны, имеем в виду действие, содержащее в себе совокупность всех признаков, указанных в законодательном определении преступления; с другой — исходим из того, что противоправность действия в уголовном праве представляет собой лишь юридическое выражение его общественной опасности.

¹ Там же, стр. 161.

² В.И. Ленин, Философские тетради, 1947, стр. 162.

³ Там же, стр. 163.

⁴ См. Б.С. Волков, Понятие истребления и повреждения государственного и общественного имущества по советскому уголовному законодательству, «Ученые записки Казанского государственного университета имени Ульянова-Ленина», т. III, кн. 7, стр. 103. При этом, разумеется, не исключается, что в законе из числа таких действий могут быть описаны только некоторые, а это, в свою очередь, как мы видели, может выражать намерение законодателя только в некоторых отношениях поставить интерес под охрану уголовного закона или же означать пробел в законе.

Общественная опасность — это материальная характеристика действия. Противоправность же — его правовая характеристика, которую часто называют формальной в том смысле, что она представляет собой юридическую форму своего материального содержания — общественной опасности. Как известно, форма и содержание обуславливают друг друга, в процессе развития они взаимодействуют друг с другом. Известно также, что это взаимодействие происходит на основе определяющей роли содержания. Поэтому и с этой точки зрения вполне основательно считать, что уголовный закон запрещает совершение того или иного действия тогда и в тех пределах, когда и в каких это действие является общественно опасным.

Вместе с тем существенная опасность действия получает наиболее отчетливое и «концентрированное» выражение в том, что оно — это действие — причиняет существенный ущерб или создает опасность причинения такого ущерба охраняемому нормой уголовного закона общественному отношению, которое ввиду этого становится возможным объектом преступления. Отсюда следует и другое. Законодательное определение этого действия не может быть произвольным, действие должно быть описано в законе так, чтобы в определении полно и точно выразилась специфика его материального содержания — причинение или создание возможности причинения ущерба определенному общественному отношению, охраняемому уголовным законом. Если специфическая общественная опасность кражи личного имущества заключается в том, что преступник, завладевая чужим имуществом, помимо какого бы то ни было волеизъявления со стороны собственника или владельца, лишает тем самым потерпевшего возможности использовать имущество по своей воле и в своем интересе, — она должна быть описана в законе так, чтобы эта специфика нашла в определении полное и точное выражение. Иначе станет возможным преследование в качестве кражи действий, не посягающих на личную собственность в указанном смысле и, наоборот, воздержание от преследования действий, представляющих собой кражу.

Нельзя, наконец, не обратить внимание также на следующее обстоятельство. Статья 7 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 года, определяя преступление как общественно опасное деяние (действие или бездействие), «посягающее на советский общественный или государственный строй, социалистическую систему хозяйства, социалистическую собственность, личность и права граждан или на социалистический правопорядок, тем самым устанавливает, что в качестве преступления может рассматриваться только поведение, отвечающее определенным при-

знакам, неразрывно связанным с его отношением к объектам уголовно-правовой охраны. Законодательное определение воинских преступлений (см. ст. 1 Закона об уголовной ответственности за воинские преступления 1958 года) из общего определения преступления выделяет известные действия, которые опять-таки ввиду их отношения к определенным объектам представляют собой посягательства на установленный порядок несения воинской службы. Следовательно, посягательствами на этот порядок могут быть не любые действия, подпадающие под признаки, указанные в ст. 7 Основ уголовного законодательства, а только некоторые из них, отвечающие в рамках ст. 7 более узкому описанию воинского преступления в ст. 1 Закона об уголовной ответственности за воинские преступления. То же самое относится к любой другой группе или подгруппе преступлений, выделенных в уголовном кодексе или в научной классификации материала Особенной части. Так, под хозяйственными преступлениями понимаются определенные действия, например, спекуляция, выпуск недоброкачественной продукции и др., причиняющие ущерб социалистическому хозяйству; ввиду этого карманная кража, например, или оскорбление не могут рассматриваться в качестве хозяйственных преступлений.

Таким образом, с какой бы стороны мы ни подошли к делу, оказывается, что объект преступления именно потому, что он больше чем другие элементы состава определяет политическое содержание преступления, имеет весьма важное значение также для характеристики других элементов состава. «...Объект преступления, его содержание, — пишет Н.И. Загородников, — имеют решающее значение для конструкции состава преступления в целом, для раскрытия классового, социально-политического содержания и общественной опасности преступления»¹.

Подчеркивая, что «содержание объектов, охраняемых советским уголовным правом от преступных посягательств, показывает сущность, классовую природу советского уголовного права, стоящего на страже завоеваний Великой Октябрьской социалистической революции, прав и интересов трудящихся социалистического государства», Г.А. Кригер пишет: «Вместе с тем объект преступления имеет решающее значение для конструкции составов отдельных преступлений, для раскрытия их социально-политического содержания и выяснения общественной опасности преступления...»².

¹ Н.И. Загородников, Понятие объекта преступления в советском уголовном праве, «Труды Военно-юридической академии», вып. XIII, 1951, стр. 32–33.

² Г.А. Кригер, К вопросу о понятии объекта преступления в советском уголовном праве, «Вестник Московского университета» 1955 г. № 1, стр. 111. См. также

16. Общие соображения о значении объекта для характеристики других элементов состава преступления, изложенные ранее, прежде всего применимы к объективной стороне состава. Это достаточно отчетливо видно из самих этих соображений, ввиду чего мы можем перейти непосредственно к практическим выводам из них. Нам предстоит рассмотреть вопрос о зависимости объективной стороны преступления от его объекта — от той совокупности элементов, которая включает в себя участника общественного отношения, само это отношение и охраняемые законом условия реализации его важнейшей составной части — соответствующей возможности.

Советская теория уголовного права относит к объективной стороне преступления: действие или бездействие — в тех случаях, когда закон требует наступления определенного последствия, — это *последствие* и в этих же случаях *причинную связь* между действием или бездействием и последствием¹. С таким пониманием объективной стороны можно согласиться. Однако следует заметить, что о последствии в собственном смысле слова можно говорить по сути дела только в случае, когда явление, именуемое последствием, причинно связано с соответствующим действием. «Последствие», не связанное таким образом с действием, есть не последствие, а явление, которое если и подлежит уголовно-правовому исследованию, то в другом ряду. Таким образом, отметив, что объективную сторону преступления составляют действие и последствие, мы включаем в эту формулу и причинную связь между ними.

Последствие с точки зрения уголовного права заслуживает внимания еще и в другом отношении. Если действие в широком смысле причинения или создания опасности причинения ущерба объекту соединяет субъекта с этим последним, то сам ущерб как последствие действия представляет собой соединительное звено между действием в узком смысле (осознанным актом внешнего поведения) и объектом преступления. Лишение жизни при убийстве есть в одно и то же время и последствие действия преступника, и тот ущерб охраняемому уголовным законом объекту, который законодатель стремится предотвратить угрозой наказания. Завладение имуществом при краже представляет собой результат действия — последствие похищения этого имущества и в то же время — форму лишения потерпевшего возможности использовать имущество по своей воле и в своем инте-

В. Н. Кудрявцев, О соотношении предмета и объекта преступления, «Труды Военно-юридической академии», вып. XIII, 1951, стр. 47; Н. П. Кучерявый, Ответственность за взяточничество по советскому уголовному праву, М., 1957, стр. 55.

¹ См. «Советское уголовное право, часть Общая», М., 1952, стр. 183–185; А. Н. Трайнин, Общее учение о составе преступления, М., 1957, стр. 131 и след.

ресе. Таким образом, последствие принадлежит одновременно и действию, и объекту.

Учет диалектического характера последствия имеет весьма важное значение для правильной квалификации действий, вменяемых в вину. Если последствие представляет собой соединительное звено между действием и объектом, то это значит, что для того, чтобы определить юридическое значение последствия, дать ему уголовно-правовую квалификацию, его необходимо рассмотреть не только в связи с причинившим действием (ответить на вопрос: последствие чего), но и в связи с объектом (ответить на вопрос: ущерб или опасность ущерба чему, какому общественному отношению). Не следует забывать, что, говоря о последствиях, советский уголовный закон указывает, что речь идет не о последствиях «вообще», а об общественно опасных последствиях. Так, ст. 8 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, определяя содержание умысла, усматривает последний в действиях лица, которое, в частности, «...предвидело... общественно опасные последствия» своего действия «и желало их или сознательно допускало наступление этих последствий». Между тем очевидно, что общественно опасные последствия — это такие последствия, которые выражаются в причинении ущерба охраняемому уголовным законом объекту преступления или в создании опасности причинения ему того или иного вреда.

Из положения, что «...объект и последствие друг от друга не отрывны»¹, что между объектом преступления и его последствиями существует внутренняя, органическая связь, следует по меньшей мере два вывода в отношении влияния объекта на последствия или зависимости последствий от объекта.

Первый вывод касается значения объекта для определения материального (в отличие от правового) характера последствия. Известно, что последствиями преступления могут быть не только изменения, происходящие в сфере внешней физической природы, но также и факты, относящиеся к сфере политической, психической, моральной. Совершенно очевидно, однако, что тот или иной материальный — физический, нефизический или в этих рамках более конкретный характер последствия зависит в первую очередь от характера объекта, который определяет различия, существующие между последствиями, например, должностных преступлений и преступлений против личности. Важнее, однако, зависи-

¹ А.Н. Трайнин, *Общее учение о составе преступления*, М., 1957, стр. 140; см. также Т.В. Церетели, *Причинная связь в уголовном праве*, М., 1957, стр. 19–20.

мость более конкретного свойства. Если нарушаемым интересом, т.е. объектом преступления, является определенная деятельность, например правильная работа государственного аппарата, то последствием преступного деяния, направленного против этого объекта, может быть только нарушение указанной работы, воспрепятствование ее нормальному ходу. Эта мысль находит подтверждение и в формулировках закона. Статья 109 УК РСФСР, предусматривающая ответственность за злоупотребление служебными полномочиями, считает последствиями этого преступления различные нарушения правильной работы учреждения или предприятия. Статья 111 того же кодекса, устанавливающая ответственность за халатность, определяет это преступление как небрежное или недобросовестное отношение должностного лица к порученному делу, повлекшее за собой волокиту, медленность в производстве дел и отчетности или другие упущения по службе. Статья 78 УК РСФСР предусматривает ответственность за похищение, повреждение, сокрытие или уничтожение официальных или частных документов из государственных учреждений в целях препятствования правильному разрешению дел или, вообще, деятельности учреждений. В области преступлений против социалистической или личной собственности слова «хищение», «похищение», «завладение» и даже такие «описания» преступлений, как, например, кража, разбой, мошенничество, обозначают не только соответствующие действия, но и последствия преступлений против собственности. Если объектом преступления является обеспеченная лицу законом возможность пребывания в определенном состоянии, то последствием посягательства на этот объект является прекращение того или иного процесса (например, при убийстве — процесса жизни) или нарушение известного состояния (например, при нанесении телесных повреждений — нормального состояния человеческого организма — состояния здоровья).

Второй вывод касается правовой (в отличие от материальной) характеристики последствий. Одно и то же изменение в сфере внешней физической природы, один и тот же факт в политической, психической или моральной сфере, определяясь в своем материальном содержании характером объекта, может иметь различную правовую характеристику, вызывать различную правовую квалификацию в зависимости от того, в связи с каким именно общественным отношением данное изменение выступает в качестве вреда. Здесь особенно важно помнить о том, что если рассматривать последствие только в его соотношении с действием, то в большинстве случаев

нельзя будет определить его юридическую природу¹. Последствие может стать предметом правильной уголовно-неправовой квалификации, как правило лишь тогда, когда мы будем рассматривать его в соотношении с объектом преступления. Рассматриваемое в связи с объектом последствие приобретает юридическую определенность и может стать предметом уголовно-правовой квалификации в качестве конкретно-преступного результата. Нарушение правильной работы учреждения или предприятия может быть элементом и злоупотребления служебным положением, и вредительства (указание на это последствие законодатель включил в определения обоих названных преступлений). Выведение из строя того или иного органа человеческого тела признается советским уголовным правом преступным тогда, когда соответствующим действиям причиняется ущерб общественным отношениям, установленным и поддерживаемым в интересах всего советского народа. Рассматриваемое в связи с конкретным общественным отношением, которому причиняется ущерб, преступное действие такого рода может быть или покушением на убийство, или причинением тяжкого телесного повреждения, или террористическим актом, или разбоем, или каким-либо другим всегда конкретным преступлением в зависимости в первую очередь от того, какое общественное отношение нарушено соответствующими действиями виновного лица.

Значение этих соображений не исчерпывается приведенными примерами. Так, гибель человека или людей может иметь место при совершении ряда преступлений, таких, как террористический или диверсионный акт, бандитизм, нарушение работниками транспорта трудовой дисциплины, нарушение правил производства строительных и горных работ, убийство, нанесение тяжкого телесного повреждения, разбой, умышленное истребление личного имущества и т.д. В зависимости от характера объекта последствие в одном случае выступает как составная часть преступления против экономических основ социалистического государства, в другом — представляет собой форму нарушения установленного порядка управления или правильной работы транспорта, в третьем — составляет необходимый или квалифицирующий признак преступления против личности, в четвертом — образует квалифицирующий признак преступления против личной собственности и т.д. Уничтожение или повреждение материальных ценностей также может иметь место при диверсионном акте, бандитизме, нарушении работниками транс-

¹ Вопрос о значении объекта для определения характера последствия, также ставит и решает В. Vubiral, указанная работа, стр. 158–159.

порта трудовой дисциплины, хулиганстве, умышленном или неосторожном уничтожении или повреждении государственного или общественного имущества, нарушении правил производства строительных и горных работ, злоупотреблении служебным положением, выпуске недоброкачественной продукции и т.д. Указанный результат опять-таки в зависимости от объекта в одном случае войдет в состав государственного преступления, в другом — в состав преступления против порядка управления или общественного порядка и общественной безопасности, в третьем — посягательства на социалистическую или личную собственность, в четвертом — должностного или хозяйственного преступления и т.д. Во всех таких случаях важнейшее значение для квалификации имеет правильное решение вопроса о том, кому или чему преступлением причиняется вред и какому именно интересу того или иного участника общественных отношений этот вред причинен. Если общественно опасные последствия — это такие, которые нарушают охраняемые уголовным законом общественные отношения, то в составах отдельных преступлений указанное понятие конкретизируется. В этих случаях общественно опасное последствие выражается в причинении вреда тому или иному охраняемому уголовным законом «субъекту» путем нарушения какого-то условия реализации им определенного интереса, охраняемого конкретной нормой уголовного закона¹.

Само собой разумеется, решение вопроса о том, в отношении какого именно объекта данное последствие в конкретном случае выступает в качестве ущерба, не происходит автоматически. Это можно показать на следующем примере. По делу Ч. и М. было установлено, что шофер Ч., находясь в будке дежурного нарядчика гаража, расположенной недалеко от пешеходной дорожки, предложил шоферу М. испробовать имевшиеся у них пистолеты. Стреляя в шапку Ч., повешенную на вбитый в бревенчатую стену гвоздь, М. попал в паз стены. Пуля прошла навывлет, ранив студентку П., проходившую по пешеходной дорожке. В день рассмотрения дела в суде П. от полученного ранения скончалась.

Народный суд, в момент рассмотрения дела еще не имевший сведений о смерти П., осудил М. по ч. 1 ст. 145 УК РСФСР, т.е. за неосторожное причинение телесного повреждения. Судебная коллегия по уголовным делам областного суда отменила приговор и

¹ См. Б. С. Волков, Понятие истребления и повреждения государственного и общественного имущества по советскому уголовному законодательству, «Ученые записки Казанского государственного университета имени Ульянова-Ленина», т. III, кн. 7, стр. 107–108; Г. А. Кригер, Ответственность за хищение государственного и общественного имущества, М., 1957, стр. 20–21.

передала дело на новое рассмотрение, предложив квалифицировать действия М. как хулиганство, по ч. 2 ст. 74 УК РСФСР. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР не нашла в действиях М. состава хулиганства, исходя из того, что «для состава хулиганства необходимо установить... совершение в общественном месте действий, сопряженных с явным неуважением к обществу»¹. Коллегия признала, что «...хотя М. и не предвидел возможности причинения смерти потерпевшей в результате своих действий, но по обстоятельствам дела (стрельба из револьвера в бревенчатой будке, находящейся недалеко от пешеходной тропы) следует считать, что он должен был бы предвидеть возможность наступления таких последствий, если бы действовал с большей осмотрительностью»². Основываясь на этих соображениях, коллегия признала в действиях М. состав неосторожного убийства.

Нетрудно, таким образом, видеть, что один и тот же непосредственный физический результат (например, по делу Ч. и М. — нанесение ранения) в зависимости от того, причиняется или нет ущерб и какому именно общественному отношению, может и должен получить различную уголовно-правовую оценку. По делу Ч. и М. второй из них должен был отдавать себе отчет в том, что его действия могут причинить неопределенный вред людям, проходившим по дорожке. Если бы выпущенная М. пуля не попала в П., о привлечении М. к уголовной ответственности при установленных по делу обстоятельствах вообще не могло бы быть и речи. Однако если бы М. стрелял через стену, имея в виду, например, поугатать людей, шедших по улице, но никого не ранил, он подлежал бы ответственности за хулиганство, так как при таких условиях был бы виновен в совершении в общественном месте действий, сопряженных с явным неуважением к обществу. Если бы при этих условиях М. ранил или убил П., он, надо полагать, был бы привлечен к ответственности за квалифицированное хулиганство или, возможно, за квалифицированное убийство³. Если же отвлечься от этих предположений, то и тогда непосредственный физический результат действий М. подлежал бы квалификации либо как неосторожное причинение телесного повреждения, либо как неосторожное убийство в зависимости от того, чему в конечном счете был бы причинен ущерб — жизни или здоровью человека.

17. Вопрос о значении объекта для характеристики последствия связан с вопросами о значении объекта для уяснения материального

¹ «Судебная практика Верховного Суда СССР за 1948 г.», вып. II, М., 1948, стр. 15.

² Там же.

³ См. «Уголовное право, Особенная часть», М., 1943, стр. 144.

и правового характера самого породившего данное последствие действия. Эти два вопроса связаны друг с другом так же тесно, как последствие связано, с одной стороны, с объектом и с другой — с действием.

«Любое действие само по себе, — правильно отмечает Н.И. Загородников, — еще не может быть признано преступным. Стрельба из огнестрельного оружия с определенной целью, с сознанием всех элементов, как своих действий, так и их последствий, самовольное оставление места службы или постоянного жительства, открытое или тайное изъятие той или иной вещи при тех же условиях не представляют еще сами по себе преступлений. Эти действия могут быть преступлением только в том случае, если они посягают на охраняемый уголовным законом объект¹, нарушают его, причиняют ему вред, ущерб.

Остановившись на особом значении объекта преступного посяательства для квалификации этого последнего, Н.И. Загородников в другом месте пишет: «Такое значение объекта преступления объясняется прежде всего тем, что действия людей сами по себе, в какой бы форме они выражены ни были, приобретают общественно опасный характер только в том случае, если эти действия угрожают реальному объекту, пользующемуся охраной закона»².

Это очень хорошо видно из только что упоминавшейся ст. 8 Основ уголовного законодательства 1958 года. Если согласно ст. 8 преступление с субъективной стороны имеет место лишь тогда, когда лицо, совершившее общественно опасное действие, в частности, предвидело общественно опасные последствия своего действия, желало этих последствий или сознательно допускало их наступление, то отсюда следует и другое: со стороны объективной преступление выражается в совершении действий, причиняющих общественно опасные последствия. Иными словами, общественно опасный характер действия, как в общем виде, так и в конкретном случае определяется общественно опасным характером его последствий в такой же мере, в какой этот последний определяется характером объекта, в отношении которого последствие выступает в качестве вреда³. Как видно —

¹ Н.И. Загородников, Значение объекта преступления при определении меры наказания по советскому уголовному праву, «Труды Военно-юридической академии», вып. X, 1949, стр. 23.

² Н.И. Загородников, Значение объекта преступления при определении меры наказания по советскому уголовному праву, «Труды Военно-юридической академии», вып. X, 1949, стр. 23.

³ Конечно, действия, последствие и объект еще не составляют всего преступления, так как оно совершается лицом, обладающим индивидуальной общественно-политической характеристикой и действующим умышленно или неосторожно. Ввиду этого общественная опасность действия и общественная опасность преступле-

и это весьма показательно — анализ ст. 8 привел нас к формулировке, представляющей собой не что иное, как пересказ ст. 7 Основ уголовного законодательства, устанавливающей, что преступление есть деяние, общественно опасный характер которого определяется тем, что оно направлено против советского общественного или государственного строя или иным образом нарушает социалистический правопорядок.

Нет необходимости доказывать, например, что советский народ жизненно заинтересован в максимально быстром развитии производительных сил социалистического государства.

Полное использование наличных и создание новых производительных сил есть необходимое условие усиления обороноспособности государства и постепенного перехода к коммунизму. Поэтому причинение ущерба производительным силам социалистического государства, их уничтожение или повреждение есть по общему правилу действие общественно опасное. В тех случаях, когда этот ущерб причиняется умышленно, а в ряде случаев даже и неосторожно, такое действие влечет за собой применение наказания. Нетрудно видеть, что в подобных случаях общественная опасность действия определяется в первую очередь общественной опасностью его результата. Однако «то же самое» действие не является общественно опасным, когда оно совершено в интересах социалистического государства. Рассматриваемое в связи с характером порожденного им результата, оно оказывается совсем не тем же самым. В период Великой Отечественной войны выведение из строя неэвакуированных заводов и затопление угольных шахт в районах, которым угрожала немецкая оккупация или которые были временно оккупированы врагом, было актом патриотизма и даже обязанностью соответствующих должностных лиц. Результатом всех этих и подобных им действий должен был быть срыв всех мероприятий противника. Очевидно, что политическая природа и политическая оценка указанных действий определялись в первую очередь характером их целенаправленного результата. Не менее очевидно и другое: характер самого этого результата определялся тем, что он, в отличие от рассмотренных случаев обще-

ния — вещи, связанные друг с другом и в то же время разные. Следует, кроме того, подчеркнуть, что в тексте речь идет в первую очередь о преступлении оконченном, т.е. причиняющем охраняемому нормой объекту ущерб, который законодатель, формулируя норму, стремился предотвратить. Очевидно, однако, что определенная связь между объектом и действием существует и при предварительной преступной деятельности; как и в предыдущем случае, эта связь осуществляется через следствие, имеющее здесь вид опасности причинения вреда охраняемому нормой объекту. По этой именно причине покушение на преступление, направленное против более важного объекта, при прочих равных условиях опаснее покушения, имеющего в виду менее важный объект.

ственно опасного уничтожения объектов социалистической собственности, был общественно полезен, более того — общественно необходим.

Возвращаясь к делу Ч. и М., следует заметить, что в этом случае правовая природа совершенных М. действий определялась характером причиненных им последствий. Характер же последствий в свою очередь зависел от объекта посягательства. Как уже указывалось в различных ситуациях выстрел, произведенный М. в стену, мог рассматриваться в зависимости от характера последствия и конкретного объекта действия либо как действие, безразличное в уголовно-правовом отношении, либо как хулиганство, либо как неосторожное причинение телесного повреждения, либо как неосторожное убийство.

Это вполне понятно. Мы видели, что последствие представляет собой соединительное звено между действием и объектом, причем сама юридическая природа последствия в значительной мере определяется характером объекта, в отношении которого это последствие выступает в качестве ущерба. Поэтому, чтобы определить правовую природу действия, дать ему уголовно-правовую квалификацию, необходимо рассмотреть его не только в связи с порожденным им последствием, но прежде всего под углом зрения связи этого последствия с объектом посягательства. Установив таким путем правовую природу последствия, при наличии всех других элементов состава, в частности умысла или неосторожности, можно решить и вопрос об уголовно-правовой оценке самого действия. Иными словами, для того, чтобы юридически оценить действие, мы должны ответить не только на вопрос, какое последствие оно породило, но и на вопрос, является ли это последствие причинением ущерба какому-либо охраняемому уголовным законом общественному отношению и, эвентуально, в связи с каким именно общественным отношением это последствие выступает в качестве ущерба. Отрицательный ответ на первую часть этого вопроса устраняет самую возможность говорить о преступлении и, следовательно, в частности, определять умысел и неосторожность как психическое отношение к результату.

В случаях, когда лицо действует в состоянии необходимой обороны против посягательства на Советскую власть либо на личность и права обороняющегося или другого лица, оно совершает действие, «предусмотренное уголовным законом» (ст. 13 Основ уголовного законодательства 1958 года), например, лишает нападающего жизни. Более того, лицо, совершившее указанное действие,

как правило, предвидит и желает наступления того или иного «предусмотренного законом» последствия. Однако уголовная ответственность за совершение такого рода действий не может иметь места, так как наступление названных последствий не означает причинения ущерба какому-либо охраняемому уголовным правом общественному отношению. Напротив, поскольку оборона в этих случаях направлена против преступного или, во всяком случае, объективно общественно опасного посягательства, постольку совершение соответствующих действий представляет собой способ охраны и укрепления социалистических общественных отношений. Именно на этом материальном основании и покоится признание ненаказуемости такого рода действий. Нетрудно видеть, что эти соображения сохраняют силу также в отношении других обстоятельств, устраняющих общественную опасность деяния, например, в отношении обязательного приказа. «...Является ли достаточным наличие умысла или неосторожности, чтобы признать уголовную ответственность? — пишет Б.С. Маньковский. — Например, субъект, исполняя приказ, действует умышленно. Но значит ли, что в этих его действиях по исполнению приказа, приведших к определенному результату, имеется вина? Советский законодатель не признает эти действия противоправными, и поэтому ни о какой вине, ни о какой уголовной ответственности в данном случае не может быть и речи»¹. Это положение бесспорно, но дело здесь не только в том, что «законодатель не признает эти действия противоправными», но и в том, что причиненный такими действиями результат не создает ущерба охраняемым уголовным правом социалистическим общественным отношениям. Поэтому субъект, исполняя приказ, хотя и предвидит последствия своих действий и желает их наступления, но не действует *умышленно*. Умысел в смысле уголовного права есть понятие соотносительное, он мыслим только в единстве со своим содержанием — предвидением и желанием или сознательным допущением *общественно опасных последствий*. В примере, приводимом Б.С. Маньковским, вина и ответственность лица, исполняющего приказ, отпадают потому, что оно, осуществляя общественно полезный результат, находится вне орбиты уголовного права с его понятиями умысла, вины и т.п.²

¹ Б.С. Маньковский, Проблема ответственности в уголовном праве, М.—Л., 1949, стр. 113–114. «Субъективную виновность» усматривает в случаях необходимой обороны, крайней необходимости и т.д. Б.С. Утевский (См. Б.С. Утевский, Вина в советском уголовном праве, М.—Л., 1950, стр. 312).

² См. Т.Л. Сергеева, Вопросы виновности и вины в практике Верховного Суда СССР, М., 1950, стр. 106–107. О наличии умысла в этих случаях говорит Б.С. Утевский (См. его же, Вина в советском уголовном праве, М.—Л., 1950, стр. 63); одна-

О лице, исполнившем приказ, только в том случае можно сказать, что оно действовало умышленно, когда оно привело в исполнение заведомо преступный приказ¹.

Само собой разумеется, мы далеки от мысли в какой-либо мере преуменьшать значение действия в системе элементов состава преступления по советскому уголовному праву. К. Маркс писал: «Лишь постольку, поскольку я *проявляю* себя, поскольку я вступаю в область действительности, — я вступаю в сферу, подвластную законодателю. Помимо *своих действий* я совершенно не существую для закона, совершенно не являюсь его объектом»². Советское уголовное право решает вопрос об ответственности, основываясь именно на этих демократических принципах. Трактовка действия в качестве необходимого и весьма важного элемента преступления вытекает уже из самого определения преступления, как деяния, направленного против советского общественного или государственного строя или иным образом нарушающего социалистический правопорядок. На этой же точке зрения стоит, естественно, и наша судебная практика. «Ни мысль, ни желание в уголовном порядке не наказуемы, — читаем мы в одном из определений Уголовно-кассационной коллегии Верховного суда РСФСР, — а лишь действия, непосредственно направленные к осуществлению преступного замысла»³. Это же положение отчетливо выражено в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 12 июля 1946 г.: «Наказание может быть применено судом при наличии вины умышленной или неосторожной лишь к лицу, совершившему определенное общественно опасное действие или бездействие»⁴. О том, насколько последовательно советская судебная практика по уголовным делам проводит в жизнь принцип ответственности только за определенное действие или бездействие, описанное в уголовном законе, лучше всего можно судить по кон-

ко отсутствие здесь вины он обосновывает, в частности, общественно полезным характером деятельности субъекта. Это сочетание умысла (без оговорки о том, что речь идет лишь о формальной комбинации психологических элементов умысла — предвидения и желания) с общественно полезными последствиями представляется нам неосновательным, хотя бы по смыслу и букве ст. 8 Основ уголовного законодательства, говорящей о предвидении лицом общественно опасных последствий своих действий.

¹ Об умысле в смысле уголовного права, а не в одном только формально-психологическом смысле нельзя говорить также в том случае, когда речь идет о совершении дисциплинарного проступка. См. Б.С. Утевский, Вина в советском уголовном праве, М.—Л., 1950, стр. 12.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 1, стр. 14.

³ «Сборник постановлений УКК Верховного суда РСФСР за 1925 г.», вып. 1, стр. 154.

⁴ См. М.М. Исаев и А.А. Пионтковский, Вопросы уголовного права, военно-уголовного права и уголовного процесса в судебной практике Верховного Суда СССР, 1947, стр. 3.

кретным делам. Из многих примеров сошлемся на определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 9 марта 1949 г. по делу М. и М-ва., которых суд признал виновными в злоупотреблении служебным положением в связи с тем, что они, будучи работниками базы Мосвинводторга, допустили недостачи и излишки вверенных им материальных ценностей. Коллегия отменила приговор суда первой инстанции потому, что суд не сформулировал в нем конкретно вины каждого из осужденных, а дал в отношении обоих общую формулировку. В определении коллегии указывалось, что суд, признавая М. и М-ва виновными в злоупотреблении служебным положением, не указал, в чем конкретно выразилось это злоупотребление и какие его признаки установлены судом.

Значение, придаваемое советским уголовным правом объективной стороне преступления — действию или бездействию, — определяется всем строем советской социалистической демократии. Применение наказания именно в связи с конкретным актом поведения, предусмотренным уголовным законом, представляет собой одно из выражений принципа социалистической законности в уголовном праве. Только на этой основе может быть четко отграничен круг преступного, а деяния, посягающие на один и тот же или исходные объекты, — друг от друга. Именно поэтому советский законодатель при формулировании составов преступлений уделяет чрезвычайно большое внимание описанию объективной стороны. Это дало А.Н. Трайнину основание заметить, что «...каждая диспозиция... представляет собой главным образом совокупность элементов, характеризующих объективную сторону преступления»¹.

Положение, которое мы отстаиваем в настоящем параграфе, сводится к тому, что при всем значении действия как необходимого элемента состава каждого преступления его уголовно-правовая характеристика не может основываться на самом этом действии безотносительно к объекту преступления². «...Собирание валежника и кража леса, — писал К. Маркс, — это существенно различные вещи. Различны объекты, не менее различны и действия, направленные на

¹ А.Н. Трайнин, *Общее учение о составе преступления*, 1957, стр. 131; В.Н. Кудрявцев, *Способ совершения преступления и его уголовно-правовое значение*, «Советское государство и право» 1957 г. № 8.

² В статье «Способ совершения преступления и его уголовно-правовое значение» («Советское государство и право» 1957 г. № 8) В.Н. Кудрявцев высказал мысль, что способы причинения вреда, охраняемому уголовным правом объекту, нельзя делить на преступные и не преступные. С этим следует согласиться. Однако думается, что если рассматривать вопрос о способах в целом, то дело здесь не в том, что они делятся на преступные и не преступные, а в том, что ввиду характера объекта вред ему может быть причинен только определенными способами.

эти объекты, следовательно, различны должны быть и намерения, ибо какое же объективное мерило можем мы приложить к намерению, помимо содержания действия и его формы?»¹. Слово «следовательно», объединяющее в формуле К. Маркса «различные объекты» с «содержанием действия» и «различные действия, направленные на эти объекты» с «формой действия», не оставляет сомнения в том, что под содержанием действия К. Маркс понимал его направленность на определенный объект, а под формой действия — внешнюю характеристику этого последнего.

Попробуем теперь соотношение между содержанием и формой в указанном понимании показать на конкретных примерах.

Б. Обоснование общего решения

1. Посягательства на социалистическую и личную собственность

18. Объектом посягательств на социалистическую собственность, как уже отмечалось, является возможность для государства использовать принадлежащие всему народу материальные ценности по плану в соответствии с их народнохозяйственным назначением (когда речь идет о государственной собственности) или обеспеченная общественным организациям возможность в установленных законом пределах использовать принадлежащее организации имущество в плановом порядке в интересах входящих в организацию граждан (когда речь идет об общественной собственности). Преступник, похищая или уничтожая государственное или общественное имущество, лишает собственника указанной возможности. Поэтому для правильного решения вопроса о квалификации соответствующих действий необходимо прежде всего установить, кому именно — государству, общественной организации или отдельному гражданину — был причинен ущерб преступлением. Эта задача не всегда легка. Зачастую для того, чтобы правильно решить ее, приходится обращаться к положениям различных отраслей права, например, гражданского.

Затруднения часто возникают в случаях, когда речь идет об имуществе, которое должно быть передано из государственных или общественных фондов гражданину или гражданам в виде, например, заработной платы или иного вознаграждения за труд. Соответствующие действия следует рассматривать как преступление против социалистической, а не личной собственности. Оценивая юридическую природу такого имущества, суды иной раз ошибочно рассматривают его как личное имущество, что влечет неверные выводы в отношении квалификации.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 1, стр. 122.

Так, Б. был признан виновным в том, что он присвоил деньги, полученные им для выдачи заработной платы служащим учреждения, в котором он работал. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР в определении от 16 ноября 1949 г. признала, что Б. своими действиями «причинил ущерб государству, а не лично сотрудникам, которые не потеряли права на заработную плату от государства».

Аналогично дело Ф., который был осужден по ч. 1 ст. 169 УК РСФСР в связи с тем, что он, сфабриковав фиктивные доверенности от имени рабочих, получил по ним от государственного предприятия деньги, часть которых присвоил. Железнодорожная коллегия Верховного Суда СССР не согласилась с этой квалификацией, указав в определении от 19 марта 1952 г., что умысел Ф. был направлен не на обман рабочих, а на обман должностных лиц государственного предприятия, «которым он предъявил фиктивные доверенности, и этим способом воспользовался денежными суммами, принадлежащими государству». «...Утверждение, что Ф. не причинил вреда государству и что за незаконное получение денег он должен был нести ответственность перед рабочими, — указывалось в определении коллегии, — является неправильным и потому, что рабочие, на фамилии которых он подделал доверенность, не лишились права на получение причитающейся им заработной платы от предприятия».

Однако следует иметь в виду, что установление в составе объекта охраняемого законом участника общественных отношений — только первый шаг по пути выявления значения объекта для характеристики объективной стороны преступления. Как уже указывалось, одному и тому же охраняемому «субъекту» вред может быть причинен различными преступлениями. Это зависит от того, о каком из интересов данного субъекта идет речь. Сам по себе факт причинения материального ущерба, например государству, не может обосновать привлечение к ответственности за посягательство на государственную собственность. Необходимо, чтобы материальный ущерб был причинен государству посредством посягательства не на любой, а на определенный государственный интерес — на государственную собственность, понимаемую как возможность для государства использовать принадлежащие всему народу материальные ценности в установленном порядке согласно их народнохозяйственному назначению.

Во избежание недоразумений полезно еще раз подчеркнуть, что использование собственником имущества по своей воле и в своем интересе не тождественно с пользованием этим имуществом. Использовать имущество по своей воле и в своем интересе может толь-

ко собственник имущества. В понятие использования входит наряду с владением и пользованием также полномочие неограниченно (конечно, в указанных пределах) определять судьбу имущества, в частности, передавать его в собственность другому лицу. Отсюда следует, что только в том случае собственник лишается указанной возможности и имеет место посягательство на собственность в глубоком содержании этого понятия, когда виновный ставит или имеет в виду поставить себя на место собственника. Во всех других случаях можно говорить лишь о нарушении того или иного полномочия собственника, а не о посягательстве на собственность как таковую. Сказанное относится как к тем случаям, когда владение, пользование и распоряжение выступают в качестве составных элементов собственности, так и к тем, когда они существуют «самостоятельно», например, когда владельцем имущества является не собственник, а лицо, полномочия которого основываются, скажем, на договоре с собственником. Нарушение владения или пользования, если оно не направляется против собственности в полном объеме, рассматривается советским уголовным правом в качестве преступления только в тех случаях, когда такое нарушение является лишь средством, способом причинения ущерба другому самостоятельно охраняемому уголовным законом объекту.

Так, директор школы трудовых резервов Я., после того как школа была эвакуирована в Саратов, получил от начальника областных трудовых резервов распоряжение о расформировании школы. Отказавшись выполнить это распоряжение, Я. не сдал часть имущества школы, не выгрузив его из вагона, и принадлежавшие школе деньги в сумме 17 000 руб. Я. был осужден областным судом по закону от 7 августа 1932 г. Однако Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР пришла к выводу, что по делу не доказано намерение Я. присвоить имущество и деньги школы. Коллегия усмотрела в действиях Я. состав злоупотребления должностным положением исходя, надо полагать, из того, что он, хотя и без цели обратить государственное имущество в свою пользу, фактически завладев им, изъял его из владения тех государственных организаций, которые должны были им распоряжаться¹.

Заведующий мельницей П. выдал 10 кг муки в виде вознаграждения за ремонт мельничной детали. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР усмотрела в его действиях состав кражи, в совершении которой П. был признан виновным народным

¹ См. «Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда Союза ССР за 1942 г.», М., 1947, стр. 59.

судом, а злоупотребления служебным положением¹. Злоупотребление это выразилось, как видно, в том, что П. незаконно распорядился государственным имуществом.

Из сформулированного определения объекта преступлений против социалистической собственности также следует, что в момент совершения любого из посягательств, входящих в эту группу, имущество должно находиться в сфере использования государства или общественной организации. Если это условие имеется налицо, привлечение к ответственности за преступление против социалистической собственности при наличии других условий, требуемых законом, обосновано. В противном случае сам по себе факт причинения материального ущерба государству не может обосновать привлечение к ответственности за посягательство на социалистическую собственность. Эти положения не всегда соблюдаются на практике, что нередко приводит к разнобою и ошибкам в квалификации. Мы имеем в виду в первую очередь случаи непередачи должного или так называемой неосновательной, а на языке уголовного права — преступной экономии. Например, лицо посредством обмана уклоняется от уплаты пошлины или от выполнения обязательной поставки или от уплаты налога и таким путем сохраняет у себя имущество, которое оно должно было передать государству. Возникает вопрос, можно ли считать такое лицо виновным в хищении.

Судебная практика за ряд лет решала этот вопрос не вполне определенно и неодинаково.

Так, лаборантка пункта Заготзерно К. была признана виновной в том, что, используя свое служебное положение, она систематически изготавливала фиктивные приемные квитанции на сдачу зерна государству и продавала их хлебосдатчикам. Таким образом К. продала квитанций свыше чем на 6 тонн зерна. К. была осуждена за злоупотребление служебным положением. Отменив приговор, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР указала, что сбыт подложных приемных квитанций на сдачу сельскохозяйственных продуктов государству должен рассматриваться как хищение социалистической собственности. Поскольку же в данном случае указанные действия носили систематический характер и были совершены в крупных размерах, они подлежали квалификации по закону от 7 августа 1932 г.

¹ См. «Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда Союза ССР за 1942 г.», М., 1947, стр. 63. См. также определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР по делу М., «Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда Союза ССР (второе полугодие 1939 г.)», 1941, стр. 82, и постановление Пленума Верховного Суда СССР по делу С. от 17 мая 1946 г., «Судебная практика Верховного Суда СССР за 1946 г.», вып. IV (XXVIII), 1947, стр. 5–6.

«Это определение имеет важное значение, — подчеркивалось в журнале «Социалистическая законность», — так как указывает, что понятием хищения социалистической собственности охватываются не только незаконные изъятия тем или иным путем в свою пользу имущества, принадлежащего государственным или общественным учреждениям, организациям и предприятиям, но и такие корыстные действия, при помощи которых устраняется самая возможность поступления в распоряжение государства имущества, которое по закону должно быть ему передано»¹.

Чтобы убедиться в том, что практика в свое время смотрела на этот вопрос именно так, приведем пример, не связанный с обязательными поставками государству.

Л. при нотариальном оформлении сделки по покупке дома скрыла подлинную сумму договора и в связи с этим уплатила меньшую пошлину, чем та, которая с нее причиталась. Народный суд осудил Л. по ч. 2 ст. 169 УК РСФСР, а после отмены приговора — по ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества». После отмены второго приговора суд вновь вернулся к квалификации по ч. 2 ст. 169 УК РСФСР. В протесте на третий приговор указывалось, что, поскольку ч. 2 ст. 169 УК РСФСР поглощена Указом Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г., деяние Л., которая, как говорилось в протесте, своими мошенническими действиями при регистрации сделки купли-продажи скрыла подлинную сумму договора, чем причинила государству материальный ущерб, должно быть квалифицировано по Указу от 4 июня 1947 г. Протест был удовлетворен.

Точку зрения, высказанную в протесте, нельзя признать правильной. В противном случае трудно объяснить, по какому основанию ряд преступлений против порядка управления и некоторых других переходит в группу посягательств на государственную собственность. Одной только ссылки, какая имела в протесте по делу Л., на то, что Указ от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» наряду с кражей, присвоением и растратой предусматривает и иные формы хищения государственного имущества, для этого недостаточно. Сложность заключается в том, чтобы доказать, что непередача должного представляет собой одну из тех иных форм хищения, о которых говорит Указ от 4 июня 1947 г. Между тем, если объектом хищения является возможность использовать имущество по своему усмотрению, то очевидно, что при непере-

¹ «Социалистическая законность» 1948 г. № 2, стр. 12.

даче должного этот объект отсутствует. Имущество, пока оно не передано, например, государству, является собственностью лица, которое должно передать его. Отсюда следует, во-первых, что акт передачи лицом имущества государству есть акт собственнического распоряжения этим имуществом со стороны указанного лица. Во-вторых, до совершения такого акта имущество не является тем, которое государство через посредство определенной государственной организации использует своей властью и в своем интересе. Об этом свидетельствует то, что субъект до момента передачи им имущества государству может заменить его другим равноценным имуществом, представив вместо ранее выделенного для передачи имущества другое такое же.

Другой вывод: если в отношении имущества, предназначенного для передачи государству, но еще не переданного ему и, следовательно, находящегося в собственности лица, обязанного его передать, совершается хищение, очевидно, что речь идет о хищении не государственного, а в зависимости от обстоятельств общественного или личного имущества. Не следует при этом забывать, что в соответствии со ст. 66 ГК РСФСР «право собственности приобретателя возникает в отношении индивидуально-определенной вещи с момента совершения договора, а в отношении вещей, определенных родовыми признаками (числом, весом, мерой), — с момента их передачи». В рамках интересующего нас вопроса предметом внимания должны быть, естественно, вещи, определяемые родовыми признаками.

Неправильность трактовки непередачи должного в качестве хищения подтверждается указаниями судебной практики. По делу Б., которого суд первой инстанции признал виновным в хищении, было установлено, что обвиняемый систематически предъявлял в бухгалтерию фиктивные и поддельные оправки о том, что иа его иждивении находятся двое детей. В результате в течение 1947–1948 гг. налог за бездетность взыскивался с него в размере 0,5% заработка вместо 6%. По этому делу Пленум Верховного Суда СССР (постановление от 3 февраля 1950 г.) указал, что Б. не совершил хищения государственного имущества, а действия его, выразившиеся в подлоге документа с целью освободиться от налога, охватываются ч. 1 ст. 72 УК РСФСР.

По другому делу при нотариальном оформлении сделки по приобретению дома Б. и Р. указали в договоре заниженную сумму и в результате не доплатили 900 руб. государственной пошлины. Народный суд осудил Б. и Р. по ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества». Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР в определе-

нии от 31 октября 1951 г. указала, что осужденные не совершили хищения, «так как в данном случае никакого изъятия государственных средств Б. и Р. не произведено». Коллегия признала в действиях Б. и Р. состав преступления, предусмотренный ч. 1 ст. 62 УК РСФСР (неверное показание количества подлежащих обложению или учету предметов).

Остановимся в заключение на деле В.

Пленум Верховного Суда СССР (постановлением от 24 апреля 1953 г.) отказался признать состав хищения государственного имущества в действиях В., которая, являясь начальником железнодорожной поликлиники, незаконно выписывала своей дочери и знакомым консультационные билеты, использовавшиеся этими лицами для бесплатного проезда по железной дороге. Пленум указал, что «путем использования фиктивных консультационных билетов, освобождавших предъявителей от оплаты стоимости проезда в поезде, действительно был причинен ущерб государству, однако эти действия... не были связаны с присвоением государственного имущества как самой В., так и другими лицами, воспользовавшимися билетами». Пленум нашел в действиях В. состав злоупотребления служебным положением.

Как видно, судебная практика все более твердо придерживается того мнения, что причинение материального ущерба государству в результате непередачи должного не может рассматриваться в качестве хищения именно потому, что соответствующее имущество в момент совершения преступления не находится в сфере государственного использования в указанном смысле¹.

19. Объект преступлений против *личной собственности* — обеспеченная советским гражданам возможность в установленных законом пределах использовать имущество по своему усмотрению — также имеет большое значение для характеристики объективной стороны этих преступлений.

Как указывалось, объем правомочий субъекта права личной собственности определяется тем, что право это имеет потребительский характер. Оно охраняется законом для того, чтобы обеспечить гражданам возможность удовлетворения их личных материальных и культурных потребностей. Использование личного имущества в других целях недопустимо и представляет собой извращение целевого назначения права личной собственности. Следовательно, если действие, представляющееся посягательством на личную собственность,

¹ См. А. А. Пионтковский, В. Д. Меньшагин, Курс советского уголовного права, Особенная часть, т. 1, М., 1955, стр. 410–413.

причиняет ущерб таким интересам собственника, которые не охраняются законом, то подобное действие ни при каких условиях не является преступлением против личной собственности ввиду отсутствия самого этого объекта.

Так, в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 24 июня 1949 г. «О судебной практике по делам о взяточничестве» была подчеркнута ошибочность квалификации в качестве мошенничества действий лиц, которые, ложно обещая передать взятку должностному лицу, обращают затем переданное им для этого имущество в свою пользу. «Суды обычно квалифицируют как мошенничество, — отмечается в этом постановлении, — по ч. 1 ст. 169 УК РСФСР... действия лиц, обманно выступающих перед взяткодателями в роли посредников и затем присваивающих деньги или другие ценности, полученные ими якобы для передачи в качестве взятки должностному лицу. Суды не учитывают, что такие лица фактически подстрекают к даче взятки, а лица, передающие им деньги или другие ценности, покушаются на дачу взятки». Пленум указал, что в этих случаях деяние подстрекателя следует квалифицировать по ст. ст. 17 и 118, а действия взяткодателя — по ст. ст. 19 и 118 УК РСФСР.

Например, Т. был осужден народным судом по ч. 1 ст. 169 УК РСФСР в связи с тем, что он получил от К. 5000 руб. якобы для передачи прокурору в виде взятки за освобождение из-под стражи сына К. и присвоил их. К. по этому делу была осуждена за дачу взятки, причем суд постановил взыскать в ее пользу с Т. указанные 5000 руб. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР в определении от 29 июня 1949 г. не согласилась с такой квалификацией, указав: «Установив умысел и намерение К. вручить должностным лицам за освобождение своего сына из заключения взятку и выяснив, что К. прибегала для этой цели к содействию Т., которому и передала 5000 руб., органы предварительного следствия и суд должны были действия Т. расценивать как соучастие его с К. в преступлении, предусмотренном ст. 118 УК РСФСР», т. е. в даче взятки.

В данном случае народный суд в своем приговоре дал неправильную политическую и правовую оценку дела. Осудив Т. за мошенничество с соответствующим выводом в отношении гражданского иска, суд признал К. потерпевшей, т. е. лицом, на личную собственность которого совершено посягательство. В то же время народный суд установил, что К., передавая Т. деньги для дачи взятки, действовала в резком несоответствии с социально-хозяйственным назначением права личной собственности: фактической возможностью исполь-

зовать деньги по своему усмотрению К. воспользовалась для совершения преступления. Поэтому К. не могла считаться потерпевшей, имеющей основание претендовать на защиту со стороны закона, не могла требовать с Т. отданные ему деньги, которые подлежали передаче в доход государства (ст. ст. 30 и 147 ГК РСФСР). Т. в свою очередь также не мог быть признан виновным в мошенничестве — в преступлении против личной собственности, охраняемой советским законом.

Это правило, по нашему мнению, имеет общее значение. Оно сохраняет силу и в отношении других, аналогичных с этой точки зрения преступлений — спекуляции, контрабанды, сделок с валютными ценностями и т. д.

Значение объекта для характеристики объективной стороны преступлений против личной собственности выражается также и в том, что, отправляясь от объекта, нетрудно провести границу между преступлениями против личной собственности и такими имущественными правонарушениями, которые имеют характер гражданских деликтов. Действительно, если личная собственность по содержанию не совпадает с владением, пользованием или распоряжением, взятыми порознь, то отсюда следует, что правонарушение, направленное против любого из этих правомочий (но не к тому, чтобы лишить собственника обеспеченной ему законом возможности использовать имущество по своему усмотрению), не может рассматриваться в качестве преступления против личной собственности.

Объективная сторона преступлений против личной собственности имеет место тогда, когда несобственник вопреки воле потерпевшего ставит или пытается поставить себя на место собственника имущества. Он использует это имущество своей властью и в своем интересе, обращается с ним как с собственным (например, потребляет, продает, обменивает, дарит его), владеет или пользуется им так, как если бы оно принадлежало ему на праве личной собственности. С субъективной стороны несобственник либо отдает себе отчет в том, что он вопреки воле собственника и не в его интересе использует имущество другого лица по своему усмотрению и желает поступить таким образом (состав присвоения или растраты), либо несобственник тем или иным способом завладевает имуществом другого лица с целью использовать его по своему усмотрению. В зависимости от способа завладения имуществом¹ в этом случае различаются составы кражи, разбоя, вымогательства, мошенничества.

¹ См. об этом стр. 167

Однако если субъект в своем поведении исходит из того, что он не может использовать имущество по своему усмотрению, по своей воле и в своем интересе, то преступления против личной собственности нет даже в случае, если способ завладения имуществом отвечает признакам того или иного преступления интересующей нас группы. Обычно субъект в подобных ситуациях предполагает вернуть имущество собственнику или распорядиться им в интересах последнего, хотя бы и неверно понятых. Нетрудно видеть, что такое поведение либо безразлично в правовом отношении, либо представляет собой гражданский деликт — нарушение одного из правомочий собственника, обычно по владению или пользованию имуществом. В этих случаях имущество не только юридически, но и фактически остается собственностью потерпевшего.

Если лицо изымает имущество из владения собственника, «завладевает» имуществом без цели обращения с ним как со своим собственным, более того — без цели пользоваться или как бы то ни было распорядиться им, то оно не ставит себя на место собственника, не лишает собственника возможности использовать имущество по своему усмотрению именно потому, что соответствующими действиями нарушено только владение собственника. В ряде случаев такое нарушение не влечет ответственности даже в гражданском порядке, если указанные действия совершаются в шутку или для того, чтобы в интересах собственника, находящегося, например, в состоянии опьянения, обеспечить сохранность имущества.

Так, народный суд признал К. виновной в краже в связи с тем, что она, пользуясь отсутствием Б., похитила у последней ряд вещей, в частности несколько шелковых платьев, и спрятала это имущество под снегом на кладбище. Кассационная и надзорная инстанции не усмотрели в действиях К. состава преступления, исходя из того, что изъятие имущества было совершено с той целью, чтобы лишить Б. возможности пойти на танцы. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР в определении от 27 ноября 1948 г. признала определения кассационной и надзорной инстанций о прекращении дела необоснованными, потому что по делу были собраны и остались непровергнутыми доказательства того, что изъятие имущества было совершено К. не в шутку, а имело характер хищения.

Другой пример — дело А., осужденного за «открытое похищение» пистолета у пьяного С. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР не согласилась с такой квалификацией, указав, что А. «взял револьвер не с целью присвоения, а для того, чтобы предотвратить возможное хищение его кем-либо у пьяного С.», и что «в данном случае нет не только открытого хищения, но нет вообще

хищения, так как не установлено, что А. изъял оружие с целью присвоения»¹.

По тем же основаниям состав преступления против собственности отсутствует в случаях, когда соответствующими действиями нарушается принадлежащее собственнику право пользования имуществом.

Так, З., будучи вселенной в квартиру выехавших в заграничную командировку К-вых, пользовалась в их отсутствие отдельными носильными вещами, принадлежащими К-вой. По приезде К-вых она не вернула некоторых вещей и была признана виновной в краже. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР в определении от 12 апреля 1944 г. указала, в частности, что «пользование этими вещами еще не означает кражу их. Доказательствам кражи оно могло бы служить при том условии, если бы было установлено..., что эти именно вещи не были ею (З. — Б.Н.) возвращены»². И далее: «Можно... считать установленным незаконное пользование этими вещами, главным образом домашней работницей З. Это обстоятельство может быть лишь основанием для искового требования, которое может быть обращено к З., поскольку она должна отвечать за действия своей домашней работницы, если последняя пользовалась этими вещами с ведома и с согласия З.»³.

20. Как уже указывалось, объект имеет значение для характеристики других элементов преступления не только при определении общего понятия преступлений данной группы, но и в отношении отдельных входящих в группу преступлений. Это — те случаи, в которых уголовный закон обеспечивает охраняемому субъекту не только определенную возможность, но также и условия реализации данной возможности. Особенно отчетливо это можно видеть на примере преступлений против личной собственности⁴.

¹ «Судебная практика Верховного Суда СССР за 1947 г.», вып. IV (XXXVIII), М., 1948, стр. 30.

² «Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда Союза ССР за 1944 г.», М., 1948, стр. 108.

³ «Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда Союза ССР за 1944 г.», М., 1948, стр. 109. См. также дело П. — «Судебная практика Верховного Суда СССР за 1945 г.», вып. VII (XXIII), М., 1946, стр. 10: «Временное пользование чужим имуществом в отсутствие и без ведома владельца, лишенное цели обращения имущества в собственность пользователя, не содержит состава присвоения».

⁴ В связи с анализом преступлений против социалистической собственности мы не упоминали об этом. Различный подход к указанному вопросу в том и другом случаях объясняется, разумеется, не тем, что закон не охраняет условий реализации возможностей, которые с его помощью государство обеспечивает себе и общественным организациям. Охраняя эти возможности, закон, исходя из особого значения объекта (социалистической собственности), не дифференцирует ответственность в зависимости от того, какое из условий реализации этого общественного отношения нарушает в конкретном случае преступление. В области преступлений против личной собственности положение, как известно, совершенно иное.

Условием правомерности перехода имущества от одного лица к другому, как отмечалось ранее, является наличие соответствующего волеизъявления собственника, которое должно быть действительным, подлинным, а не вынужденным угрозой и не фальсифицированным обманом. Если в акте перехода имущества воля потерпевшего не нашла выражения или выраженное им волеизъявление не было действительным, условия правомерности перехода имущества нарушены. Поэтому получение такого имущества другим лицом, завладение им образуют правонарушение, а при соответствующих условиях — преступление против личной собственности. Понимая под личной собственностью как объектом интересующих нас преступлений обеспеченную лицу советским законом возможность использовать имущество по своему усмотрению (т.е. по своей воле и в своем интересе), можно попытаться оценить общественную опасность отдельных преступлений против личной собственности. В некоторых случаях это поможет решить вопрос о квалификации, основываясь не только на способе завладения имуществом, но также и на способе нарушения объекта, на «механизме» воспрепятствования собственнику в реализации указанной возможности. Этот «механизм» наиболее отчетливо обнаруживается в том, каким способом преступник нарушает волю собственника.

Воля потерпевшего при *краже* не играет никакой роли в акте перехода имущества к виновному. Преступник попросту игнорирует ее, так как потерпевший либо не сознает, что происходит похищение (тайная кража¹), либо в силу внезапности действий преступника не успевает предпринять необходимые меры, что и дает последнему возможность обойтись при этом без насилия или угрозы применения насилия (открытая кража).

При *разбое* преступник пытается *завладеть* имуществом потерпевшего либо путем лишения его физической возможности оказать сопротивление, либо посредством преодоления оказываемого потерпевшим сопротивления, либо путем принятия других мер к тому, чтобы отбить у потерпевшего желание сопротивляться немедленному переходу имущества к виновному, либо, наконец, путем создания или использования соответствующей обстановки для достижения только что указанной цели. Любой из этих результатов может быть достигнут только в случае, если посягательство на личную собственность сочетается с посягательством на личность потерпевшего, выражающимся либо в применении к нему физического насилия, либо

¹ См., например, постановление президиума Верховного Суда Литовской ССР от 27 сентября 1957 г. по делу З. и С., «Бюллетень Верховного Суда СССР» 1957 г. № 6, стр. 38.

в использовании такого психического насилия, которое по своему характеру направлено к подавлению воли потерпевшего.

Поэтому если кражу закон и теория уголовного права определяют как ненасильственное похищение чужого имущества, то под разбоем, напротив, понимают попытку завладеть тем же имуществом посредством нападения, соединенного с насилием.

В соответствии с этим можно более точно решить, в частности, вопрос о разграничении открытой кражи и разбоя. Открытая кража обычно совершается без какого-либо физического воздействия виновного на потерпевшего. Например, вор в железнодорожном вагоне в присутствии владельца снимает с вешалки пальто или с полки чемодан и скрывается с ним или выбрасывает указанные предметы в окно, имея в виду подобрать их затем на насыпи. Открытая кража может быть, однако, совершена и в условиях соприкосновения преступника с потерпевшим, например в отношении имущества, находящегося на потерпевшем (надетой на голову шапки и т.д.). Вор при этом рассчитывает на внезапность своих действий, на то, что ему удастся беспрепятственно скрыться с похищенным. Вопрос о квалификации содеянного становится более сложным, когда открытое похищение имущества совершается в форме «отнятия» его у потерпевшего (имущество вырывается из рук потерпевшего, причем последний успевает сообразить, что происходит, пытается удержать вещь в руках, и вору приходится преодолеть сопротивление потерпевшего). В подобных случаях в действиях виновного имеется, как правило, состав разбоя. Разбой налицо, когда преступник, преодолевая сопротивление потерпевшего, ударяет его или хотя бы замахивается на него кулаком.

Так, Р. был признан виновным в разбое (постановление Пленума Верховного Суда СССР от 21 октября 1949 г.). Р., обещав Н. оказать содействие при посадке на поезд, повел ее в товарный парк, вырвал у нее из рук 100 руб. и бросился бежать. Если бы дело ограничилось этим (Р., когда он вырывал деньги, не пришлось преодолевать сопротивления Н.), то Р. был бы виновен в открытой краже. Но когда потерпевшая догнала его, он ударил ее по лицу и с похищенными деньгами скрылся.

Однако и тогда, когда указанного «осложнения» не происходит, когда преодоление сопротивления потерпевшего осуществляется без применения к нему насилия и без прямо выраженной угрозы применить насилие, в подавляющем большинстве случаев подобная угроза заведомо для виновного создается всей обстановкой преступления. Если потерпевший в конечном счете выпускает вещь из рук, это

происходит обычно потому, что он не решается оказывать дальнейшее сопротивление, опасаясь насилия. Если же преступник в конце концов вырывает имущество у потерпевшего, ему обычно удается сделать это ввиду того, что способность и готовность потерпевшего оказать эффективное сопротивление в той или иной мере ослаблены испугом.

Так, Р. был признан виновным в насильственном завладении имуществом в связи с тем, что он в поезде вырвал у С. мешок с вещами и на ходу спрыгнул с поезда¹.

В отличие от других посягательств на личную собственность разбой, таким образом, характеризуется стремлением виновного достигнуть своей цели (завладение чужим имуществом) путем парализования воли потерпевшего к сопротивлению. «Характер этого преступления, — пишет Я.М. Брайнин о разбое, — сопровождающегося действиями, рассчитанными на ошеломление потерпевшего с тем, чтобы парализовать всякую возможность сопротивления с его стороны (нападение), составляет наиболее характерную особенность разбоя...»². Характер разбоя как посягательства не только на личную собственность, но и на личность потерпевшего связан именно с этим обстоятельством. Оно может выступать не очень отчетливо, когда, например, ночью на безлюдной улице, прямо не угрожая потерпевшему насилеи, преступник требует передачи ему денег или другого имущества. Потерпевший тогда из самой обстановки преступления делает вывод, что, если он не отдаст требуемое, к нему может быть применено насилие. В других случаях момент посягательства на личность выступает более отчетливо, например, потерпевший отдает свое имущество виновному под влиянием прямо выраженной угрозы насилеи. Бывает, наконец, и так, что средством завладения имуществом при разбое является лишение потерпевшего жизни или причинение ему тяжких телесных повреждений. В этих случаях момент посягательства на личность выступает на первый план, в значительной мере заслоняя характер разбоя как преступления против личной собственности. Как бы то ни было, насилие в той или иной форме и степени является необходимой составной частью разбоя. Если этого нет, отпадает и самая возможность говорить о разбое. Напротив, наличие насилия над потерпевшим, хотя бы весьма завуалированного, делает постановку вопроса о разбое обоснованной. При этом следует иметь в виду, что, например, психическое насилие

¹ См. «Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда Союза ССР за 1943 г.», М., 1948, стр. 135.

² Я.М. Брайнин, Советское уголовное право, часть Особенная, вып. II, Киев, 1952, стр. 65.

при разбое может выражаться не только в демонстрации оружия или заменяющих его предметов или в «обещании» использовать оружие в случае отказа потерпевшего передать имущество виновному.

Для наличия психического насилия в смысле разбоя достаточно, если преступник создает или использует такую обстановку совершения преступления, которая заведомо для виновного дает потерпевшему основание опасаться, что в случае сопротивления с его стороны к нему будет применено насилие.

О том, что дело обстоит таким образом, свидетельствуют материалы судебной практики. Б. и В. вечером в городском саду напали на студента и студентку сельскохозяйственного института. «Грабители потребовали у студентов денег, но так как денег не оказалось, то В. и Б. сорвали у студента ручные часы и скрылись»¹. Если даже предположить, что требование денег не было подкреплено какой-либо хотя бы словесной угрозой, то и тогда деяние В. и Б. является разбоем с психическим насилием, ибо, когда потерпевшему при указанных обстоятельствах предъявляется требование о немедленной передаче находящегося при нем имущества, он всегда имеет основание опасаться, что в случае невыполнения этого требования к нему немедленно будет применено насилие.

Иногда состав разбоя с психическим насилием имеется в действиях даже таких лиц, которые не адресуют потерпевшему каких бы то ни было угроз или требований. В подобных случаях преступник действует таким образом, что потерпевший заведомо для виновного имеет основания думать, что при сопротивлении с его стороны к нему будет применено насилие.

Например, Т., Д. и К., подойдя к О., стоявшему около винного киоска, принялись бесцеремонно шарить в его карманах. Вытащив портсигар, они заставили продавщицу налить им 150 г водки и расплатились за нее портсигаром О. После этого они, остановив проходившую мимо киоска женщину, вырвали у нее из рук столовую ложку и тут же пропили ее. Виновные были осуждены за разбой².

Если же преступник для лишения потерпевшего возможности сопротивляться прибегает к какой-либо хитрости или уловке и завладевает имуществом, не парализуя воли потерпевшего к сопротивлению, то в его действиях отсутствует состав разбоя. Квалификация похищения имущества при подобных условиях зависит от того, причинен ли при этом личности потерпевшего какой-либо вред или нет. При отсутствии такого вреда содеянное следует квалифицировать

¹ «Звезда» 18 июня 1953 г.

² См. «Горьковская правда» 12 июля 1953 г.

как приготовление к тайной или открытой краже (например, виновный спаивает потерпевшего с целью завладения его имуществом). Нападение отсутствует также в том случае, когда проникший в квартиру преступник запирает на ключ дверь комнаты, в которой находится потерпевший, и таким путем лишает его возможности выйти и оказать сопротивление. Похищение имущества в этом случае является тайной или открытой кражей в зависимости от того, сознавал или не сознавал потерпевший, что происходит изъятие имущества.

Учитывая изложенное, можно сделать вывод, что различие между кражей и разбоем в конечном счете сводится к тому, что эти преступления нарушают различные условия реализации обеспеченной законом возможности собственнику использовать имущество по своему усмотрению. При краже переход имущества происходит без какого бы то ни было волеизъявления собственника или владельца, тогда как при разбое завладение имуществом осуществляется путем подавления воли потерпевшего к сопротивлению.

С разбоем сходно *вымогательство*, при котором также имеет место насилие над волей потерпевшего. Однако при вымогательстве оно направлено не к тому, чтобы парализовать ее, а к тому, чтобы понудить потерпевшего к волеизъявлению, нужному для преступника. С этой особенностью связаны и две другие черты вымогательства, отличающие его от разбоя. С одной стороны угроза при вымогательстве может иметь целью не только получение имущества, передачу его виновному, но также и совершение потерпевшим в пользу виновного иных действий имущественного характера (например, отказ от имущественного требования). С другой стороны, угроза при вымогательстве отличается меньшей интенсивностью, чем направленная к подавлению воли потерпевшего угроза при разбое. Меньшая интенсивность угрозы может проявиться со стороны либо «степени», либо содержания угрозы. Первое имеет место тогда, когда вымогатель угрожает насилием. В отличие от угрозы насилием при разбое угроза насилием при вымогательстве подлежит реализации только в случае невыполнения потерпевшим предъявленного ему требования и не тотчас же, а в более или менее отдаленном будущем. Второе происходит в тех случаях, когда вымогатель угрожает истреблением имущества или оглашением позорящих сведений. Такого рода угроза по общему правилу не может рассматриваться как направленная к парализованию воли потерпевшего даже тогда, когда она подлежит немедленной реализации, поэтому она остается в рамках состава вымогательства. Указанные обстоятельства получают, естественно, отражение в законодательном определении вымогательства как тре-

бования передачи имущественных выгод или права на имущество или совершения действий имущественного свойства под страхом насилия над личностью потерпевшего, оглашения о нем позорящих сведений или истребления его имущества.

Сказанное объясняет и другие особенности угрозы при вымогательстве. Вымогательская угроза представляет собой устное или письменное, переданное лично или через другое лицо, выраженное прямо или в косвенной форме, в форме намека, просьбы или посредством конклюдентных действий сообщение виновным потерпевшему о том, что если потерпевший не передаст виновному имущество или не совершит в его пользу иное действие имущественного свойства, то виновный лично или через посредство других лиц осуществит насилие над личностью потерпевшего либо истребит или повредит его имущество, либо огласит о нем позорящие его сведения. Угроза, адресованная потерпевшему, может относиться также к личности, имуществу или репутации близких ему лиц, например родственников. Не имеет значения, идет ли речь о репутации живущих или умерших людей. Зло, которым вымогатель угрожает потерпевшему, должно быть объективно, а также по замыслу виновного и с точки зрения потерпевшего большим, чем то лишение, на которое идет потерпевший, чтобы избежать грозящего ему зла. В противном случае отсутствовало бы характерное для вымогательства понуждение потерпевшего к соответствующему волеизъявлению в пользу виновного.

2. Должностные преступления

21. Чтобы уяснить значение объекта для характеристики объективной стороны *должностных преступлений*, следует учесть ряд обстоятельств, о которых отчасти уже говорилось. Объектом должностных преступлений является обеспеченная государственному аппарату возможность функционировать в интересах социалистического государства, возможность работать хорошо, правильно, эффективно. Реализацию указанной возможности могут, конечно, затруднить и действия недолжностных, частных лиц. Однако важнейшее значение в этой области имеют действия тех работников аппарата, в деятельности которых получает выражение его организационная функция. Призванные осуществлять указанную функцию, облеченные для этого соответствующими правами и располагая необходимыми возможностями, должностные лица своими неправильными, незаконными, преступными действиями более чем кто-либо иной могут исказить названную функцию и таким путем нанести особенно чув-

ствительный вред работе государственного аппарата. Поэтому-то важнейшими условиями реализации аппаратом указанной возможности является использование должностными лицами предоставленных им прав только по соображениям служебной целесообразности, недопущение ими выхода за пределы предоставленных по службе полномочий и т.д.

Отсюда следует, что со стороны объекта специфическими для должностных преступлений являются не охраняемое советским уголовным правом государственное установление — советский государственный аппарат и не обеспеченная ему возможность нормального функционирования, а указанные условия реализации этой возможности. Такие условия можно обобщенно обозначить как правильное осуществление работниками аппарата возложенной на них государством организационной функции или, другими словами, надлежащее отправление ими их служебной деятельности¹. Исходя из изложенного, следует прийти к выводу, что должностные преступления — это такие действия или бездействие должностного лица, которые при наличии всех других указанных в законе условий уголовной ответственности нарушают названную функцию государственного аппарата. Действия же или бездействие должностного лица, не нарушающие этой функции, не выражают специфики должностного преступления и не являются таковыми. Представляется, что в ст. 109 УК РСФСР в той части, в которой она содержит общее определение должностного преступления, имеется в виду именно это: «...такие действия должностного лица, которые оно могло совершить единственно благодаря своему служебному положению и которые, не вызываясь соображениями служебной необходимости, имели своим последствием явное нарушение правильной работы...».

В ст. 109 УК РСФСР прежде всего говорится о таких действиях должностного лица, которые оно может совершить единственно благодаря своему служебному положению.

В советской юридической литературе по этому вопросу были высказаны в основном две точки зрения. По мнению А.Н. Трайнина, «...злоупотребление властью должно непременно выражаться в служебном действии»². Б.Р. Левин считает, что «злоупотребление властью означает такое использование должностным лицом своих служебных полномочий, при котором оно вместо положительных результатов,

¹ Само собой разумеется, должностное преступление нарушает не только эти условия, но и нормальное функционирование государственного аппарата, которому причиняет ущерб.

² А. Трайнин, Должностные преступления, «Вестник государственного контроля» 1948 г. № 4, стр. 9.

соответствующих целям, ради достижения которых они ему были вверены, принесло отрицательные результаты...»¹. Аналогичная точка зрения высказывается во всех изданиях учебника Особенной части советского уголовного права для юридических высших учебных заведений².

Другие авторы, основываясь на некоторых материалах судебной практики, приходят к иным выводам. Так, Г.Р. Смолицкий, соглашаясь, что ст. 109 УК РСФСР может применяться только в связи с такими действиями должностного лица, которые совершены им в сфере его служебной деятельности и связаны с выполняемыми им по службе обязанностями, вместе с тем подчеркивает: «...Указание ст. 109 УК на действия, которые должностное лицо могло совершить единственно благодаря своему служебному положению, относится и к тем случаям, когда лицо, совершая те или иные преступные действия, руководствуется целью, необходимость которой могла возникнуть в сознании лица только в связи с выполняемыми им служебными обязанностями»³. Автор ссылается на дело Ц., который, будучи агентом предприятия, похитил для его нужд из полевого стана колхоза значительное количество семечек подсолнечника. «Ц., — пишет Г.Р. Смолицкий, — мог совершить эти действия единственно благодаря занимаемому им служебному положению, так как любой другой, не являющийся работником предприятия, не стал бы для последнего приобретать незаконным путем имущество»⁴.

В литературе могут быть отмечены высказывания в пользу еще более широкого понимания интересующей нас формулы закона. Авторы этих высказываний, в частности, Б.С. Утевский⁵ и М.А. Гельфер⁶, ссылаются в подтверждение своих соображений на ряд примеров из судебной практики, в первую очередь на дело Д., дело М. и дело С. и Я.

¹ Б.Р. Левин, Общие должностные преступления в свете учения об административных актах, «Ученые записки Свердловского юридического института», т. 2, 1947, стр. 167–168.

² См. А.Н. Трайнин, Должностные и хозяйственные преступления, М., 1938, стр. 26. См. также «Уголовное право, Особенная часть», М., 1939, стр. 312–313; «Уголовное право, Особенная часть», М., 1943, стр. 274; «Советское уголовное право, часть Особенная», 1951, стр. 335.

³ Г.Р. Смолицкий, Практика Верховного Суда СССР по делам о служебных злоупотреблениях, «Социалистическая законность» 1946 г. № 6, стр. 20. См. также его же, Должностные преступления, М., 1947, стр. 9.

⁴ Г.Р. Смолицкий, Практика Верховного Суда СССР по делам о служебных злоупотреблениях, «Социалистическая законность» 1946 г. № 6, стр. 20.

⁵ См. Б.С. Утевский, Общее учение о должностных преступлениях, М., 1948, стр. 325–326.

⁶ См. М.А. Гельфер, Вопросы Особенной части уголовного права в практике Верховного Суда СССР, М., 1948, стр. 16–19.

По делу Д. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР в определении от 29 апреля 1944 г. указала, что было бы неправильно под действием, которое должностное лицо могло совершить в силу своего служебного положения, понимать только действие, являющееся «...одной из функций данного должностного лица, т.е. действие, входящее в круг его прав и обязанностей. Таким действием может быть также действие, хотя и не являющееся функцией данного должностного лица, но которое именно благодаря служебному положению последнего может привести к тому результату, которого добивается лицо, дающее взятку. Это имеет место в тех случаях, когда должностное лицо содействует достижению желательного заинтересованному лицу результата, используя свой авторитет как должностного лица или иную возможность благодаря своему служебному положению оказать влияние на других должностных лиц, от которых зависит этот результат»¹. Заметим кстати, что эта точка зрения разделяется некоторыми советскими теоретиками. Так, Н.Д. Дурманов пишет: «Мы не можем согласиться с положением, что действие, совершением или несвершением которого обуславливается взятка, обязательно должно быть связано с кругом служебной деятельности берущего взятку»².

Следующее дело — дело М., заведывавшего райздравотделом. Суд признал М. виновным в том, что он, не имея высшего медицинского образования, занимался частной врачебной практикой. Хотя такого рода преступление предусмотрено специальной статьей уголовного кодекса, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР в определении от 7 октября 1944 г. признала, что в действиях осужденного содержатся признаки злоупотребления служебным положением. Коллегия мотивировала определение тем, что М. по своему служебному положению является не врачом, состоящим на государственной службе, а должностным лицом, возглавляющим районный орган здравоохранения. В определении указывалось: «Поскольку... М. сам совершил такие действия, которые он в силу своего служебного положения должен был бы преследовать, если бы их совершал медработник в подведомственном ему учреждении, в

¹ «Судебная практика Верховного Суда СССР», 1944, вып. VI. (XII), стр. 22.

² Н. Дурманов, А. Трайнин, Должностные и хозяйственные преступления, «Советское государство и право» 1940 г. № 1, стр. 135. Следует подчеркнуть, что судебная практика распространительно толкует понятие «служебного действия» не только в связи с получением взятки. Так, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР в определении от 8 июля 1950 г. усмотрела состав злоупотребления служебным положением в действиях К., который, будучи бухгалтером райсоюза, брал в долг мясные продукты из ларька.

его действиях содержатся признаки должностного преступления, предусмотренного ст. 109 УК РСФСР»¹.

По третьему делу заместитель председателя сельсовета С. и уполномоченный того же сельсовета Я. были осуждены за мошенничество в связи с тем, что они ложно сообщили местным жителям о грозящем им административном выселении и конфискации имущества и за вознаграждение предлагали избавить жителей от этого. В определении от 22 сентября 1945 г. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР указала, что «поскольку осужденные были работниками сельсовета, следовательно должностными лицами, указанные в приговоре действия их, хотя и включают обман в корыстных целях, тем не менее не могут рассматриваться как мошенничество, составляющее имущественное преступление. Сообщая гражданам о предстоящем будто бы административном выселении их и предлагая свою помощь для избавления их от этого, они выступали перед ними как лица, облеченные властью, так как в противном случае их обращение к этим гражданам не было бы воспринято как реальная угроза и не достигло бы цели. Таким образом, осужденные совершили эти обманные действия путем использования своего служебного положения. Ввиду этого эти действия составляют должностное преступление — злоупотребление властью»².

Б.С. Утевский, соглашаясь с доводами Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР по всем трем делам, пишет о деле Д.: «Несомненно, что совершение этих действий стало возможным лишь вследствие использования должностным лицом своего служебного положения»³. В связи с делом М., он, цитируя упоминавшуюся статью Г.Р. Смолицкого, отмечает: «Общеуголовное преступление в силу совершения его должностным лицом в сфере его служебных обязанностей приобретает новые специфические черты, дающие основание рассматривать его как действие, которое могло быть совершено единственно благодаря служебному положению исполнителя, и квалифицировать его поэтому как злоупотребление служебным положением»⁴. И, наконец, по третьему делу Б.С. Утевский делает вывод, что «своеобразный вид использования служебного положения имеется в тех случаях, когда должностное лицо преступно использует имеющееся у потерпевшего доверие к нему как

¹ «Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда Союза ССР», М., 1944, стр. 92.

² «Судебная практика Верховного Суда СССР», 1945, вып. VIII (XXIV), стр. 14.

³ Б.С. Утевский, *Общее учение о должностных преступлениях*, 1948, стр. 328.

⁴ Там же, стр. 331.

к должностному лицу...»¹. Иными словами, применительно к злоупотреблению властью, ее превышению и взяточничеству (но не к халатности и некоторым другим должностным преступлениям) Б.С. Утевский усматривает состав соответствующего преступления не только в случаях, когда «...должностное лицо благодаря присвоенной ему власти или своему служебному положению непосредственно по своей службе совершает незаконные должностные действия...», но и в тех, когда «...то же лицо использует свое влияние, связи и т.д., которые дает ему его служебное положение...»².

22. С этими соображениями согласиться нельзя.

Прежде всего обращает на себя внимание их чисто эмпирический характер. Они представляют собой не выводы из некоторого общего положения, а комментарии к отдельным казусам, содержащимся в опубликованных материалах судебной практики. При таком подходе к делу появление новых казусов «расширительного» свойства должно иметь своим результатом все новые и новые расширения понятия «служебного действия» в новых направлениях. Характерно, что и Б.С. Утевский, и М.А. Гельфер не сделали попыток обобщить излагаемые ими соображения о случаях, когда «служебное действие» может быть совершено должностным лицом вне рамок «присвоенной ему власти». Нам представляется, что причиной этого является отсутствие серьезного теоретического основания под указанными выводами судебной практики.

Основанием для решения поставленного вопроса являются, по нашему мнению, соображения о правильном осуществлении работниками государственного аппарата организационной функции, возложенной на него в социалистическом государстве. Правильная деятельность должностных лиц представляет собой не что иное, как надлежащее отправление ими должности, использование ими своего служебного или должностного положения³ по соображениям служебной целесообразности, «для пользы службы». Определяя работника на ту или иную должность, социалистическое государство ожидает и требует от него в первую очередь именно этого. Учреждая ту или иную должность, определяя ее компетенцию, государственная власть неизменно исходит из задач, стоящих перед той отраслью государственного управления, в рамках которой учреждается должность, или перед той сферой государственного управления, функции

¹ Там же.

² Там же, стр. 325.

³ Представляется, что эти два термина взаимозаменяемы, во всяком случае применительно к должностным преступлениям, которые в уголовных кодексах названы должностными или служебными.

которой должно будет проводить в жизнь занимающее должность лицо¹. Однако должность и служебное положение занимающего должность лица — это не что иное, как совокупность определенных обязанностей, возложенных на данное лицо и соответствующих этим обязанностям предоставленных такому лицу прав и возможностей². При сравнении должностей, существующих в различных отраслях или сферах государственного управления, и при сопоставлении подчиненных друг другу должностей одной и той же отрасли или сферы можно видеть, что различные должности отличаются одна от другой общим характером, конкретным содержанием и объемом обязанностей и прав. До тех пор, пока должностное лицо действует в интересах службы, по соображениям служебной пользы, в этом ни у кого не возникает сомнений. Между тем, отсюда необходимо следует важный вывод: правомерные «служебные действия» должностного лица — это действия, совершаемые им во исполнение своих обязанностей или в осуществление предоставленных ему прав.

Однако точная обрисовка понятия должности имеет важнейшее значение и для суждения о неправомерных действиях должностного лица, в частности, о совершаемых им преступлениях по должности. Специфическая общественная опасность должностных преступлений, характер и степень этой общественной опасности определяются в первую очередь тем, что должностное лицо, на которое возложены обязанности по осуществлению столь важной для дела социализма организационной функции советского государственного аппарата, не выполняет этих обязанностей или выполняет их ненадлежащим образом. Их общественная опасность определяется также и тем, что должностное лицо, которому для выполнения указанных обязанностей закон предоставляет особые права и обеспечивает возможности осуществления этих прав, использует эти права и возможности для нарушения правильной работы аппарата. Так, Положение о главных (старших) бухгалтерах³ предусматривает ответственность, в том числе и уголовную, указанных лиц за такие неправомерные действия, в результате которых учреждениям, организациям или предприятиям причинен материальный ущерб или которые привели к обману государства, расстройству нормальной деятельности учреждения, организации или предприятия, хищению государственного или обще-

¹ См. «Советское государственное право», 1948, стр. 401. См. также Н.П. Кучерявый, Ответственность за взяточничество по советскому уголовному праву, М., 1957, стр. 50–51.

² См. М.П. Карева, С.Ф. Кечекьян, О социалистических правоотношениях, М., 1956, стр. 23.

³ См. «Бухгалтерский учет», М., 1946, стр. 19 и след.

ственного имущества, разбазариванию товарно-материальных ценностей и т.п. Положение относит к числу таких действий неправильное или небрежное составление документов, неправильное ведение учета и отчетности, неправильное составление балансов и отчетов, сообщение неверных данных в целях искусственного завышения выполнения плана, нарушение бюджетной дисциплины, неправильное начисление и взнос государственных налогов и других платежей в государственный бюджет, неправильное ведение и запутанность учета материальных ценностей, неправильное расходование заработной платы и т.д., т.е. всякого рода действия, связанные именно с неисправным отпращиванием должности.

Всякий выход за пределы указанного понимания неправомερных действий по службе есть отвлечение, отход от специфики должностных правонарушений как нарушений должностными лицами необходимого условия правильной работы аппарата — нормального отпращивания ими их служебной деятельности. Такой выход есть в то же время и отказ от того, чтобы ответственность должностных лиц за преступления по должности покоилась на твердых и четких основаниях их служебной компетенции — их обязанностях и прав. При подобном положении становится возможным преследование по обвинению в должностных преступлениях работников государственного аппарата в связи с весьма широким и совершенно неопределенно очерченным кругом действий.

Об этом свидетельствуют и приведенные примеры из судебной практики. Однако если обратиться к более широкому изучению материалов практики, то можно прийти к заключению, что в *принципе* она стоит на позициях трактовки служебного положения именно как совокупности обязанностей и прав должностного лица¹.

В случаях преступного бездействия, например, халатности, привлечение к ответственности может иметь место только при условии, что совершение данного действия входило в круг служебных обязанностей виновного. Это бесспорно². Однако судебная практика проводит аналогичную линию также и в отношении превышения власти или служебных полномочий. Так, И. был признан виновным в превышении власти в связи с тем, что он, будучи заведующим животно-

¹ См Н.П. Кучерявый, Ответственность за взяточничество по советскому уголовному праву, М., 1957, стр. 51.

² См. определения Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 13 февраля 1952 г. по делу П. и от 8 апреля 1944 г. по делу Е. («Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда Союза ССР», 1944, стр. 83). См. также определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 6 июня 1957 г. по делу Б. и других («Бюллетень Верховного Суда СССР» 1957 г. № 4, стр. 36).

водческой фермой колхоза, оскорбил и избил колхозницу Д. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР в определении от 8 октября 1952 г. не признала в действиях осужденного состава превышения служебных полномочий, поскольку по делу было «доказано, что потерпевшая Д. не находилась в подчинении И., который и не был наделен по службе какими-либо правами или полномочиями по отношению к потерпевшей. Не обладая по службе никакими полномочиями по отношению к Д., осужденный И. не мог совершить по отношению к ней и акта превышения служебных полномочий»¹.

Позиция судебной практики по вопросу о превышении власти имеет для нас особое значение. Ответственность за халатность — это, по общему правилу, частный случай ответственности за преступное бездействие. Поэтому к халатности применимо общее положение советского уголовного права о том, что ответственность за бездействие может иметь место только при наличии юридической обязанности действовать. Применительно к халатности это ограничительное условие означает, что ответственность за названное преступление наступает только тогда, когда совершение действия входило в круг служебных обязанностей лица. В отличие от халатности превышение власти и злоупотребление служебным положением есть нарушение не требовательной, а запретительной нормы закона. Поэтому подход практики к этому составу есть в большей мере, чем в отношении халатности, частный случай подхода к должностному преступлению, которое в общем виде определено в ст. 109 УК РСФСР. Отсюда вытекает важность толкования практикой понятия «служебного действия» в составе превышения власти, так как это толкование имеет общее значение.

Если же обратиться к материалам судебной практики по применению ст. 109 УК РСФСР, в связи с которой и возникает вопрос о границах понятия действия по службе, то и здесь обращает на себя внимание стремление судов четко определить указанные границы. Так, Х. и Л. были признаны виновными в злоупотреблении служебным положением в связи с тем, что они, будучи работниками магазина Трансгорпита, вели переговоры с гражданкой, зашедшей в ларек, о приобретении мануфактуры. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР в определении от 20 мая 1944 г. подчеркнула, что для ведения переговоров осужденные не использовали своего служебного положения, а действовали как частные лица, и

¹ См. постановление Пленума Верховного Суда СССР от 16 июня 1959 г. по делу С. («Бюллетень Верховного Суда СССР» 1959 г. № 5, стр. 8).

дело производством прекратила. В материалах судебной практики это дело помещено под тезисом «Действия должностного лица, не связанные с использованием им своих служебных полномочий (разрядка наша. — Б.Н.), не могут рассматриваться как злоупотребление служебным положением»¹.

23. Понятие «служебного действия» должно получить определенную обрисовку, которая отразила бы его специфику составной части определения должностного преступления, понимаемого как общественно опасное нарушение должностным лицом нормального порядка отправления им своей служебной деятельности. Нельзя не заметить, что действующее законодательство дает для этого весьма прочное основание. Ст. 109 УК РСФСР, содержащая общее определение должностного преступления, трактует злоупотребление по должности как действия, которые должностное лицо могло совершить *единственно благодаря своему служебному положению*. Это относится и к превышению *служебных полномочий* (ст. 110 УК РСФСР) и в косвенной форме воспроизводится в ст. 117 УК РСФСР, предусматривающей ответственность за получение должностным лицом взятки за выполнение или невыполнение действия, которое оно могло или должно было совершить *исключительно вследствие своего служебного положения*. Как известно, в этой формуле «могло» означает «незаконмерное действие»², в частности, злоупотребление служебным положением. Из общего правила о том, что должностное преступление должно быть действием по службе, в законодательстве делается только одно исключение — для дискредитирования власти, которое определяется ст. 113 УК РСФСР как совершение должностным лицом действий, хотя бы и не связанных с его служебными обязанностями, но явно подрывающих достоинство и авторитет власти. Отправляясь от этой формулировки, следует признать, что для всех остальных должностных преступлений законодатель считает связь со служебными обязанностями необходимой.

Итак, «служебное действие»³ — это такое, которое должностное лицо может совершить единственно благодаря своему служебному положению. Служебное положение не просто *облегчает* должностному лицу совершение служебного действия в силу того, что должностное лицо обладает «весом», влиянием, авторитетом, связями и т.п. Наличие служебного положения *только и делает совершение этого действия возможным*; в противном случае лицо попросту не

¹ «Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда Союза ССР», 1944, стр. 84.

² См. «Уголовное право, Особенная часть», 1939, стр. 328.

³ О вопросах «служебного бездействия» в составе халатности уже упоминалось.

могло бы совершить действия, не имело бы возможности совершить его.

В данном случае речь идет о действиях двух видов.

К одному из них относятся такие, которые должностное лицо имело бы право совершить, если бы оно руководствовалось соображениями служебной целесообразности. Для суждения о характере действий этого вида весьма важное значение имеет указание ст. 109 УК РСФСР на то, что при злоупотреблении властью должностное лицо совершает действия, не вызываемые соображениями служебной необходимости. Не будь этого указания, характеристика должностного преступления как нарушения виновным нормального отправления своей служебной деятельности была бы явно неполной. Здесь, следовательно, имеются в виду те случаи, когда должностное лицо злоупотребляет предоставленными ему по должности правами, используя их или не по назначению, или с нарушением установленного порядка, или при наличии обоих указанных признаков одновременно.

Так, председатель колхоза, например, обязан заботиться о развитии колхозного хозяйства и имеет право принимать в этом направлении отвечающие интересам дела меры. Соответствующие действия, если они целесообразны и совершаются в установленном порядке, являются общественно полезными. Иначе обстоит дело у председателя колхоза К., который, стремясь «поднять материальное благосостояние колхоза и колхозников», допускал нарушения Устава сельскохозяйственной артели. Он допускал обмен скота, принадлежащего колхозникам, на лучший общественный скот, в целях успешного проведения сельскохозяйственных работ, выдавал для массового премирования колхозников и трактористов общественные средства и т.д. В постановлении от 25 марта 1955 г. Пленум Верховного Суда СССР признал, что в действиях К. имеется состав злоупотребления служебным положением.

Ко второму виду относятся случаи, когда должностное лицо совершает действия, которые ни при каких условиях не могут оправдываться соображениями служебной целесообразности. Такие действия представляют собой не злоупотребление правами, предоставленными по должности, а использование открывающихся ввиду служебного положения фактических возможностей. Некоторые случаи этой группы, всегда и бесспорно обладающие только что указанными признаками, законодатель выделяет в особые составы, например, получение взятки и служебный подлог¹.

¹ Злоупотребление служебным положением может иметь место и по ложно понятым соображениям служебной необходимости, получение же взятки — никогда.

Никакими ссылками на «пользу службы» нельзя оправдывать обман государства. Так, по делу начальника вокзала Г. и техника-строителя К. было установлено, что данные лица, произведя ремонт вокзала, стоивший около 5000 руб., в соответствующих актах фиктивно показали сумму около 50 000 руб., а деньги, излишне полученные по этим актам, израсходовали не по назначению — на заработную плату, командировочные, хозяйственные и другие расходы. В постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 12 августа 1949 г. подчеркивалось, что действия указанных лиц представляют собой грубое нарушение финансовой дисциплины и обман государства, ввиду чего дело подлежит рассмотрению по признакам ст. 109 УК РСФСР. Соображениями о «пользе дела» нельзя, конечно, обосновывать какое бы то ни было позаимствование государственных средств на собственные нужды.

За этими пределами деяние не может рассматриваться как нарушение должностным лицом надлежащего отправления своей службы и поэтому его следует считать не обладающим существенными признаками должностного преступления. Какими бы одиозными ни представлялись отдельные казусы, не следует ради того, чтобы строже наказать совершителей тех или иных поступков, отступать от ясно очерченного круга обязанностей, прав и исключительных возможностей должностного лица, подменяя эти правовые критерии неопределенными соображениями об авторитете и т.п.

Таким образом, общее положение о том, что преступление с объективной стороны есть общественно опасное деяние, нарушающее охраняемые уголовным законом общественные отношения социализма, применительно к должностным преступлениям получает более конкретный вид. Должностное преступление, рассматриваемое с объективной стороны, представляет собой общественно опасное нарушение должностным лицом надлежащего отправления службы, являющегося необходимым условием нормальной работы государственного аппарата. Очевидно, однако, что применительно к отдельным преступлениям этой группы интересующее нас положение должно претерпеть дальнейшую конкретизацию. В результате, более конкретным станет и значение объекта для характеристики объективной стороны и других элементов преступления.

Как уже отмечалось, надлежащее отправление службы означает прежде всего использование предоставленных по должности прав и обеспечиваемых этими правами возможностей исключительно для исполнения служебных обязанностей. Нарушение данного условия, непосредственно связанного с объектом должностных преступлений

(злоупотребление указанными правами, использование в личных интересах связанных со служебным положением возможностей и т.п.), образует злоупотребление должностным положением со всеми объективными и субъективными признаками этого состава.

Разновидностью указанного условия является принцип получения должностными лицами вознаграждения за свою служебную деятельность только в установленном законом порядке, и ни в коем случае не от отдельных лиц, заинтересованных в том или ином направлении деятельности должностного лица. Законодатель придает этому принципу столь важное значение, что выделяет его нарушения из общего состава злоупотребления в особый состав получения взятки. Характер самого этого принципа таков, что его нарушение может с объективной стороны выразиться именно и только в получении должностным лицом вознаграждения «за выполнение или невыполнение в интересах дающего какого-либо действия, которое должностное лицо могло или должно было совершить исключительно вследствие своего служебного положения» (ст. 117 УК РСФСР). В соответствии с указаниями закона руководящие судебные органы наблюдают за тем, чтобы суды в результате ошибочной квалификации не растворяли этот особо опасный вид злоупотребления в общем понятии злоупотребления служебным положением.

Важным условием надлежащего отправления службы является ревностное отношение должностных лиц к исполнению своих обязанностей, нетерпимость к распушенности, разгильдяйству, безалаберности всякого рода в себе и других, к небрежному или недобросовестному отношению к делу и т. п. Нарушение этого условия составляет халатность, а в соответствующих случаях — бесхозяйственность, характеризующиеся в законе как небрежное или недобросовестное отношение к возложенным по службе обязанностям, повлекшее указанные в законе серьезные последствия. Очевидно, что нарушение рассматриваемого условия может выразиться только в таком и ни в каком ином поведении должностного лица.

Так, М. был осужден (определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 21 июня 1952 г.), за то, что, работая заведующим продовольственной базой торга и преступно-халатно относясь к исполнению возложенных на него обязанностей, не вписывал в накладные отпускаемые с базы продукты и товары, в результате чего у него за полгода образовалось недостач и излишков на сумму около 30 000 руб. М. систематически пьянствовал, терял ключи от складов базы, оставлял складские помещения незакрытыми и т.д. Он был привлечен к ответственности за халатность.

Несмотря на то, что оба эти условия — использование должностными лицами служебных полномочий только для пользы службы и рачительное отношение этих лиц к своим обязанностям — составляют важные предпосылки нормальной работы государственного аппарата, закон и судебная практика оценивают их неодинаково и считают первое из этих условий более важным. Поэтому руководящие судебные органы не допускают квалификации служебных злоупотреблений по статье, предусматривающей ответственность за халатность, и наоборот. При решении вопросов квалификации хотя бы на основе признаков, относящихся к объективной и субъективной сторонам деяния, важное значение имеет также правильный ответ на вопрос о том, какое из условий нормальной работы государственного аппарата нарушило своими действиями привлекаемое к ответственности лицо.

Таким образом, в группе должностных преступлений, как и в группе преступлений против личной собственности, очень хорошо видна структура объекта. Нормы советского уголовного законодательства, предусматривающие ответственность за должностные преступления, берут под охрану правильную работу советского государственного аппарата. Всякое должностное преступление направлено против нее, нарушает ее, затрудняет аппарату возможность функционировать хорошо, эффективно. Эта возможность составляет групповой объект должностных «преступлений». Как и во многих других случаях закон берет под охрану не только саму эту возможность, но и конкретные условия ее реализации. В обобщенном виде совокупность этих условий можно определить как надлежащее отправление должностными лицами их служебной деятельности. Однако интересы социалистической законности и индивидуализации ответственности требуют конкретизации этого общего положения, ввиду чего действующее законодательство особо предусматривает ответственность за злоупотребление служебным положением, превышение служебных полномочий, небрежное или недобросовестное отношение к служебным обязанностям и т.д. Каждое должностное преступление представляет собой нарушение одного из конкретных условий правильной работы государственного аппарата и в своих объективных и субъективных элементах определяется особенностями нарушаемого им условия. Так, условие использования должностным лицом предоставленных ему по службе полномочий только в интересах службы и не в каких-либо иных может быть нарушено лишь путем злоупотребления этими полномочиями — злоупотребления служебным положением. Конкретные условия правильной работы государствен-

ного аппарата образуют непосредственные объекты соответствующих должностных преступлений.

§ 2. Объект и субъективная сторона преступления

А. Постановка вопроса и общее решение

24. Известно, что человеческое сознание при всем его значении для определения процесса и результата взаимодействия человека с окружающей действительностью не имеет и не может иметь содержания, независимого от этой действительности. Действительность, окружающая лицо, совершающее преступление, включает в себя, в частности, носителя охраняемого уголовным законом интереса, которому причиняется вред деянием, и сам интерес, нарушаемый деянием, и условия реализации интереса. Сюда относятся и многие другие обстоятельства (последствия деяния, само причиняющее эти последствия действие, время и место совершения деяния и другие обстоятельства, входящие и не входящие в состав преступления). Как уже отмечалось, объект имеет важнейшее значение для характеристики объективной стороны преступления, в первую очередь действия и последствия. Отсюда логически и по существу следует вывод, что объект преступления имеет весьма важное значение и для уяснения содержания субъективной стороны преступления. Этот вывод представляет собой конкретизацию применительно к интересующему нас вопросу более широкого положения о том, что «вина¹ есть отношение к внешним свойствам поступка и к общественно опасному последствию, на причинение которого направлено деяние»².

Умысел³, характеризуемый действующим законодательством, как, в частности, предвидение общественно опасных последствий своего действия, соединенное с желанием или сознательным допущением их наступления, есть, бесспорно, явление, относящееся к области сознания, к области психических переживаний человека. Поэтому к умыслу полностью применимы общие методологические положения, на основе которых советская психология решает вопрос о соотношении сознания и внешней действительности. Важнейшее из них — это положение о том, что «сознание, — как пишет В.И. Ленин, — вообще *отражает* бытие, — это общее положение *всего* материализма»⁴.

¹ Под виной автор понимает здесь субъективную сторону преступления.

² В.Г. Макашвили, Уголовная ответственность за неосторожность, М., 1957, стр. 7–8.

³ Умысел мы берем здесь в качестве примера; излагаемые далее соображения с соответствующими изменениями в формулировках применимы и к неосторожности.

⁴ В.И. Ленин, Соч., т. 14, стр. 309.

Основываясь на приведенном высказывании В.И. Ленина, советский психолог П. И. Иванов определяет психику как «особое свойство высокоорганизованной материи, выражающееся в способности особым образом отражать объективную действительность»¹. Этот свой характер сознание сохраняет как в тех случаях, когда человек только созерцает действительность или абстрактно осмысливает ее, так и в тех, когда он действует, вступает в область практики. При переходе в эту область правильность или неправильность представлений человека о действительности становится особенно актуальной, так как здесь это может порождать и, как правило, порождает практические последствия — дает возможность, затрудняет или исключает возможность достижения определенных *практических* результатов. Исходя из того, что преступление есть волеунаправленное действие или бездействие, понимаемое как конкретный акт внешнего поведения, соотношение сознания и внешней действительности удобнее всего показать на примере основных моментов волевого действия, рассматриваемого с его субъективной стороны — со стороны *элементов волевого процесса*.

Момент отражения играет определенную роль уже при возникновении начального элемента волевого процесса — *стремления*². Даже в наименее осознанном виде — в виде влечения стремление предполагает объективную направленность на определенный объект. По мере развития стремления от влечения к желанию, когда осознается цель стремления, а также средства, ведущие к достижению цели, момент отражения получает все большее значение. Немалое значение он имеет и при выборе из нескольких целей какой-либо одной, а после этого — при выборе из нескольких средств достижения избранной цели какого-либо одного средства. К числу мотивов волевой деятельности человека относятся не только потребности, из которых вытекают стремления и желания, но также представление о результатах волевого действия, поскольку они могут иметь то или иное общественное или личное значение. Когда принимается решение, когда человек останавливается на определенной цели и на определенных средствах ее достижения, большое значение приобретают соображения о достижимости этой цели в данных условиях, об объективной способности избранных средств привести к достижению

¹ П.И. Иванов, Психология, М., 1954, стр. 4; см. также Б.М. Теплов, Психология, М., 1953, стр. 3–4.

² С.Л. Рубинштейн небезосновательно усматривает момент зависимости от внешнего уже в потребности, «поскольку в ней выражается зависимость человека от того, в чем он испытывает нужду» (С.Л. Рубинштейн, Основы общей психологии, 1946, стр. 506–507).

цели и т.д. Особенно это проявляется в следующей за принятием решения стадии — в стадии планирования, когда происходит отыскание наиболее рациональных способов и средств, ведущих к достижению цели. Наконец, волевое усилие, в результате которого принятое решение переходит в волевое действие, выражается в преодолении препятствий, к числу которых относятся не только внутренние препятствия, например, нерешительность, рассеянность лица, но и внешние препятствия всякого рода.

Волевой процесс, происходящий в сознании лица, совершающего умышленное преступление, по своей структуре аналогичен только что описанному. Лицо в ряде случаев ставит перед собой определенную цель, которую оно желает достигнуть. Учитывая возможные результаты своих действий, оно избирает и подготавливает средства, способные привести к цели, планирует свои действия, и, наконец, обычно преодолевая ряд предвиденных и непредвиденных препятствий, совершает определенный практический акт (действие или бездействие). Это действие (бездействие), по мысли лица, должно привести его к цели или, по крайней мере, способно породить результат, желательный лицу или сознательно допускаемый им. Как и при совершении любого другого волевого действия, в данном случае отдельные элементы волевого процесса со стороны своего содержания в весьма значительной степени определяются обстоятельствами, внешними по отношению к лицу. Образ действий лица, совершающего преступление, определяется в результате мотивации, которая в свою очередь происходит на почве осознания лицом *объективного общественного характера и значения его действий и их последствий*. Планирование таких действий и проведение намеченного плана в жизнь предполагает оценку *объективных возможностей различных средств* достижения поставленной цели, выбор и подготовку этих средств в соответствии с ее характером и с учетом всякого рода препятствий, которые предстоит преодолеть на пути к цели.

Использованное нами понятие обстоятельств, внешних по отношению к лицу, является несколько условным. В число указанных обстоятельств входят, например, действия человека, которые, конечно, по отношению к нему не являются внешними. Строго говоря, они не являются внешними даже по отношению к его сознанию, потому что действие в подлинном смысле этого слова, в отличие от, например, рефлекторного движения необходимо включает в себя элемент сознания¹. Тем не менее действие и само по себе сознание, — бесспорно, разные вещи. Мы говорим, например, об отношении

¹ См. А. Н. Трайнин, *Общее учение о составе преступления*, 1957, стр. 135,

человека к своему действию. Встречаются случаи, когда действие оказывается иным, чем его представлял себе действующий субъект, имеет иной характер. Поэтому, включая действие лица в число внешних по отношению к нему обстоятельств, мы исходим из того, что оно не есть сознание и в этом смысле однородно со своим последствием и с объектом преступления.

Б. Обоснование общего решения

1. Умысел

25. Возвращаемся к вопросу о значении объекта для характеристики умысла со стороны его содержания. Если от соображений о структуре волевого процесса перейти к существу дела — к характеристике специфического содержания умысла — это значение видно еще яснее.

Из определения умысла, даваемого действующим законодательством, следует, что умысел, как уже указывалось, — это предвидение и желание или сознательное допущение лицом не «вообще» последствий своего действия, а именно *общественно опасных его последствий*, т.е. осознание лицом социального качества последствий — их общественной опасности. Вывозя, например, за границу аннулированные ценные бумаги, лицо отдает себе отчет в «фактическом составе» своих действий, иными словами, знает, что оно делает. В то же время оно может не сознавать общественного значения своих действий, не знать, что они являются общественно опасными и поэтому наказуемыми в качестве контрабанды.

В советской уголовно-правовой литературе имеются соображения и в пользу иной трактовки вопроса о содержании умысла. Так, авторы изданного в 1943 году учебника *Общей части* писали: «Не является элементом умысла сознание общественной опасности совершенного деяния (сознание противоправности)»¹. И далее: «Советское право придерживается положения, что нельзя отговариваться незнанием общественно опасного характера совершенного деяния... Внесение в содержание умысла в качестве обязательного элемента сознания противоправности создавало бы лишь вредные привилегии для лиц, не желающих ознакомиться с законами социалистического государства, в котором они живут»².

Нельзя не заметить, что такое отождествление сознания общественной опасности и сознания противоправности не основательно. Сколь бы тесно ни были связаны эти явления, образуя составные

¹ «Уголовное право, Общая часть», 1943, стр. 149.

² Там же.

части понятия преступления, понимаемого как единство общественной опасности и противоправности, все же это — единство, а отнюдь не тождество. Общественная опасность есть материальная характеристика деяния, которое может не быть противоправным, тогда как противоправность есть его правовая или юридическая характеристика¹.

В дальнейшем учебник вполне основательно отказался от отождествления общественной опасности и противоправности. Его авторы пришли к правильному выводу, что «наличие вины умышленной предполагает не только сознание лица о фактических обстоятельствах, образующих соответствующий состав преступления, но и сознание общественной опасности совершенного деяния»². При этом указывается, что «когда мы говорим о сознании общественной опасности совершенного деяния, то имеем в виду не сознание виновным самой юридической квалификации совершенного деяния, а лишь общее сознание его общественной опасности для советского строя или правопорядка, установленного рабоче-крестьянской властью на переходный к коммунистическому строю период времени»³. С этим нельзя не согласиться. Однако некоторые другие соображения, излагаемые в данном учебнике, не вполне отвечают только что приведенным положениям. В нем сказано: «При установлении вины умышленной мы исходим из предположения, что такое сознание об общественной опасности совершенного деяния, по общему правилу, имеется у каждого вменяемого лица, совершающего умышленное преступление (разрядка наша. — *Б.Н.*)»⁴. И далее: «В силу сказанного при установлении умышленной виновности лица мы можем исходить из того, что сознание общественной опасности совершенного деяния, по общему правилу (разрядка наша. — *Б.Н.*), всегда имеется у виновного»⁵. Аналогичные соображения, формулирующие своеобразную презумпцию знания лицами, совершившими умышленное преступление, общественно опасного характера последствий своих действий, излагаются в учебнике 1952 года. Из правильной мысли о том, что «советские уголовные законы, признающие то или иное поведение лица пре-

¹ См. А.А. Пионтковский, В.Д. Меньшагин, Курс советского уголовного права, Особенная часть, т. I, М., 1955, стр. 27; «Советское уголовное право, Общая часть», М., 1959, стр. 123—125. См. также В.Н. Кудрявцев, Ответственность за причинение вредных последствий по советскому уголовному праву, М., 1953, стр. 59 и его же, О противоправности преступления, «Правоведение» 1959 г. № 1.

² «Уголовное право, Общая часть», М., 1948, стр. 341.

³ «Уголовное право, Общая часть», М., 1948, стр. 341.

⁴ «Уголовное право, Общая часть», М., 1948, стр. 341.

⁵ Там же.

ступлением, выражают моральные воззрения советского народа», авторы учебника делают следующий вывод: «Поэтому у нас имеются материальные предпосылки для того, чтобы считать, что лицо, совершавшее умышленное преступление, как правило, знает об его общественно опасном характере. Поэтому в практической судебной работе можно исходить, по общему правилу, из признания, что обвиняемый знает об общественно опасном характере умышленно совершенного им преступления»¹. Нетрудно, таким образом, видеть, что авторы учебника оставляют открытым вопрос о квалификации действий лица, которое в порядке исключения из «общего правила» не отдавало себе отчета в общественной опасности совершенного им деяния. Между тем именно это имеет значение для определенного решения общего вопроса о роли сознания общественной опасности деяния как одного из элементов умысла.

В вышедшем в 1959 году учебнике по Общей части советского уголовного права повторяются те же самые соображения по вопросу о сознании общественной опасности, а затем говорится: «В тех случаях, когда лицо не знало и не имело возможности знать о запрещенности, а поэтому и об общественно опасном характере сознательно совершаемого действия, нельзя говорить о его вине» (стр. 168). Если, как правильно считают авторы учебника, противоправность есть юридическая форма общественной опасности (стр. 124), то почему незнание вторичного обязательно означает и незнание первичного? Не правильнее ли обратное?

Нам думается, что неполнота и неясность соображений авторов учебника по этому общему вопросу объясняется известной недооценкой неразрывной связи, существующей между действием, последствием и объектом преступления, недооценкой того обстоятельства, что все указанные элементы состава образуют единство, в котором объекту принадлежит весьма важное место. Это видно, в частности, из того, что, по мнению авторов учебника 1948 года, «для наличия умысла достаточно установить предвидение определенных фактических обстоятельств, принадлежащих к объективной стороне (разрядка наша. — *Б.Н.*) состава данного преступления»².

¹ «Советское уголовное право, часть Общая», 1952, стр. 23.

² «Уголовное право, Общая часть», 1948, стр. 341–342. Аналогично в учебнике «Советское уголовное право для юридических школ», 1940, стр. 53–54. Иначе (и правильнее) в учебнике Общей части 1959 года: «Для наличия умысла необходимо (разрядка наша. — *Б.Н.*) предвидеть (создать) все те фактические обстоятельства, которые образуют объективные признаки состава данного конкретного преступления» (стр. 167). Однако на следующей странице вновь воспроизводится формулировка учебника 1948 года с новой аргументацией и добавлением слов по «общему правилу».

Определение умысла как предвидения фактических обстоятельств, относящихся к объективной стороне состава, представляется неточным.

Не говоря уже о том, что оно, как мы видели, отличается от формулы закона, в пользу трактовки умысла как предвидения и желания или предвидения и сознательного допущения не фактических обстоятельств объективной стороны, а общественно опасных последствий своего действия, можно выдвинуть следующие соображения.

В социалистическом государстве право не противостоит морали. Любое преступление есть в то же время и безнравственный поступок, и в каждом акте применения наказания обязательно содержится элемент морального осуждения лица, совершившего преступление, и его деяния. Советский уголовный закон представляет собой выражение социалистического правосознания. В нашем государстве не может быть такого положения, чтобы общественное мнение одобриительно отнеслось к деянию, признаваемому законом преступлением. Это невозможно, в частности, потому, что советский закон объявляет преступными действия, сурово осуждаемые правосознанием народа. В то же время очевидно и другое. Безнравственным и подлежащим моральному осуждению может быть признан только поступок, аморальный характер которого сознает совершающий его. Такое лицо должно отдавать себе отчет в том, что оно поступает плохо, что за этот поступок осудят¹. Подобное положение возможно только в том случае, если лицо, совершая то или иное действие, предвидело не просто фактические его последствия, которые суд в дальнейшем расценит как общественно опасные, а отдавало себе отчет в том, что это действие повлечет отрицательные, порицаемые коллективом вредные для общества, общественно опасные последствия.

Понимание этого имеет своим результатом страх преступника перед наказанием и отсюда его попытки скрыть факт совершения преступления или свое участие в нем. Поэтому отсутствие такого рода попыток обычно рассматривается судом как доказательство того, что у лица не было умысла совершить преступление. Так, по делу Ч. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР доказательствами отсутствия у Ч. умысла на кражу сочла, в частности, «... тот факт, что в 3 часа дня у всех на виду (он. — Б.Н.) вынес эти вещи и не пытался скрыться, когда его остановили...».

Представляется, что применение наказания к лицу, которое, сознательно причиняя общественно опасные последствия, не отдавало

¹ Характерно, что слова «осуждение», «осудить» употребляются для обозначения как соответствующих судебных актов, так и моральной оценки поведения лица и его самого.

или не должно было и не могло отдавать себе отчета в их характере¹, не может привести ни к какому практически полезному результату ни в области карательно-воспитательного воздействия на лицо, причинившее эти последствия, ни в отношении неустойчивых членов общества, ни в плане общих задач нашего суда.

Непоколебимым положением советского уголовного права является и остается правило о том, что умысел действующего лица должен охватывать все объективные свойства совершаемого преступления². Данное правило как нельзя лучше отвечает мысли К. Маркса о том, что объективным мерилom намерения (*Gesinnung*; в первом издании сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса это слово было переведено как «умысел»)³ является содержание действия и его форма — направленность действия на определенный объект и способ, коим воля человека реализуется в отношении объекта. Вполне основательно не упоминая о «фактической» стороне дела, В.Д. Меньшагин пишет: «Правильное решение вопроса о форме виновности или, как говорят, о субъективных свойствах того или иного преступления возможно лишь на основе самого тщательного анализа деяния (объективных свойств), образующего состав преступления. Неправильное решение вопроса о форме виновности объясняется именно недостаточной увязкой субъективных свойств состава преступления с его объективными свойствами»⁴.

Подходя к вопросу с несколько иной стороны, А.Н. Трайнин подчеркивал, что «...лишь те фактические признаки происшедшего события должны охватываться умыслом, которые образуют элементы состава соответственного преступления»⁵. Отсюда следует, с одной стороны, что во всяком случае эти признаки обязательно должны охватываться умыслом. С другой, — поскольку А.Н. Трайнин не ставит под сомнение определение умысла в ст. 10 УК РСФСР⁶, постольку у него получается, что к числу фактических признаков или свойств события относится и общественно опасный характер последствия. С этим нельзя не согласиться. Было бы совершенно произвольным исключать из указанного правила о содержании умысла такое важнейшее обстоятельство, как общественно опасный характер результата. Если в разговорном языке умысел — это «обдуманное

¹ Пояснения к этой формуле будут даны далее.

² Это, разумеется, не то же самое, что и фактические признаки, относящиеся к объективной стороне преступления.

³ См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 1, стр. 210.

⁴ В. Меньшагин, Формы виновности в воинских преступлениях, «Социалистическая законность» 1944 г. № 5–6, стр. 14.

⁵ А.Н. Трайнин, Общее учение о составе преступления. М., 1957, стр. 212.

⁶ См. А.Н. Трайнин, Общее учение о составе преступления, М., 1957, стр. 218.

заранее намерение совершить что-нибудь — преимущественно дурное, предосудительное»¹, то в уголовном праве содержание умысла, его отрицательная политическая, а не только общесмысловая характеристика должны быть еще более определенными. Между содержанием умысла и характером последствий, предвидимых и желаемых умышленно действующим и причиняющим эти последствия субъектом, имеется неразрывная связь. «Психическое отношение лица к совершенному им деянию, — пишет Т.Л. Сергеева, — может рассматриваться в качестве умысла или неосторожности, т.е. субъективного основания уголовной ответственности, только если оно наполнено определенным содержанием, а именно является отношением к общественному и противоправному внешнему поведению лица»². «Так как общественно опасные последствия, — подчеркивает Б.С. Утевский, — это последствия, опасные для социалистического государства и охраняемых им интересов, то умысел по советскому уголовному праву — это сознательное направление виновным своей воли на совершение действий и на наступление последствий, вредных для социалистического государства и для охраняемых им интересов»³.

Определенность отрицательной политической и правовой характеристики умысла по советскому уголовному праву дается пониманием умысла как предвидения и желания или предвидения и сознательного допущения субъектом того, что результатом совершенных им действий будет или может быть наступление общественно опасных последствий, в характере которых субъект отдает или должен и может отдавать себе отчет⁴.

Когда лицо, совершая действия, предусмотренные уголовным законом, сознает, какие действия оно совершает, и желает их совершить, оно обычно действует умышленно в смысле уголовного права, т.е. отдает себе отчет в общественно опасном характере их последствий. Поэтому очень часто (например, при совершении убийства, разбойного нападения, кражи, растраты) такого рода вопрос вообще не встает перед судом. Однако он может возникнуть в связи с относительно маловажными преступлениями, в частности, такими, которые связаны с нарушением подзаконных, особенно администра-

¹ Толковый словарь русского языка, под ред. проф. Ушакова, стереотипное переиздание, 1947.

² Т.Л. Сергеева, Вопросы виновности и вины в практике Верховного Суда СССР по уголовным делам, М.—Л., 1950, стр. 51, 53.

³ Б.С. Утевский, Вина в советском уголовном праве, М, 1950, стр. 184.

⁴ См. Б.С. Маньковский, Проблема ответственности в уголовном праве, 1949, стр. 106, 110; см. также В.Ф. Кириченко, Значение ошибки по советскому уголовному праву, М., 1952, стр. 32 и сл.; В.Г. Макашвили, Уголовная ответственность за неосторожность, М., 1957, стр. 175 и сл.

тивных правил. В подобных случаях нередко имеет место добросовестная ссылка привлекаемого к ответственности лица на то, что оно не знало о существовании или о конкретном содержании нарушенных правил. Такая ссылка обычно не может быть принята во внимание¹ не столько на основе презумпции знания закона, сколько по тому основанию, что государство не может допустить существования наряду с государственно-правовой оценкой того или иного действия в качестве противоправного еще какой-то другой, отличной от этой оценки того же действия. Однако оценка действия в качестве противоправного является выводом, вытекающим из факта причинения им общественно опасных последствий. Поэтому обязанность оценить действие указанным образом может быть возложена на гражданина лишь при условии, что он сознает характер причиняемых его действием последствий. Ни закон, ни суд не могут обязать лицо сделать вывод, если оно не располагает фактическими основаниями для соответствующего умозаключения.

Если субъект при совершении действий, предусмотренных уголовным законом, сознает их фактический характер и желает совершить их, то уголовная ответственность за учинение умышленного преступления возможна лишь в случаях, когда обвиняемый сознавал общественно опасный характер причиняемых его действиями последствий. Иначе уголовная ответственность либо вовсе исключается, либо наступает за неосторожное причинение того же вреда, если, разумеется, закон предусматривает такую ответственность в особой норме или допускает ее в рамках данного состава преступления. В последнем случае учет указанных особенностей может иметь значение при определении наказания. Ответственность за неосторожное причинение вреда возможна тогда, когда обвиняемый, совершая определенные действия, должен был и мог сознавать общественно опасный характер их последствий. Представляется уместной аналогия между этими случаями и некоторыми случаями так называемой мнимой обороны. Как известно, лицо, причинившее вред при обороне от действий, которые оно ошибочно расценивало как нападение на него, если оно по обстоятельствам дела должно было и могло осознать свою ошибку, отвечает за неосторожное причинение вреда, несмотря на то, что оно действовало «умышленно» — сознавало фактический характер своих действий и желало их совершить. Очевидно, что в основе такой квалификации лежит то, что

¹ Практика допускает отдельные исключения для тех случаев, когда обвиняемый добросовестно ссылается на то, что лица, которые были обязаны ознакомить его, например, с соответствующими правилами техники безопасности или караульной службы, не сделали этого.

субъект, не сознавая общественно опасного характера последствий своих действий, по обстоятельствам дела должен был и мог осознать его.

Но что значит сознавать общественно опасный характер последствий своих действий?

Мы видели, что последствие в смысле уголовного права есть категория соотносительная, это — всегда нарушение охраняемого уголовным правом объекта, причинение ущерба общественному отношению, находящемуся под охраной уголовного закона. Только этим и определяется объективная общественная опасность последствия, его общественно опасный характер. «Определенные деяния потому и включаются в перечень преступных и наказуемых в уголовном порядке, — пишет В.Н. Кудрявцев, — что они причиняют значительный вред общественным отношениям социалистического общества, правам и законным интересам граждан»¹. Поэтому предвидеть (в существенном для уголовного права смысле) общественно опасный характер последствий своих действий — означает по существу отдавать себе отчет в том, в отношении какого именно объекта данное «фактическое» последствие выступает как вред, ущерб. Добросовестное, извинительное заблуждение лица, полагающего, что своими действиями оно не причиняет никакого вреда, исключает уголовную ответственность. Ошибочное представление лица о характере повреждаемого его действиями объекта должно влечь за собой квалификацию его действий как покушения на задуманное им преступление.

Примером первого рода может служить дело С., осужденного за кражу в связи с тем, что он привез с луга к себе во двор два воза сена, накошенного Х. и принадлежащего последнему. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР отменила приговор народного суда и признала необходимым проверить объяснения С., указавшего в жалобе на приговор, что он увез чужое сено по ошибке. С. утверждал, что его жена косила сено рядом с участком Х., но где именно, С. точно не знал. Когда он поехал за сеном, то по ошибке попал на участок Х.²

Примеры второго рода имеются в материалах судебной практики по делам о противоправном изъятии чужого имущества. Противоправное завладение чужим имуществом является хищением только тогда, когда это завладение представляет собой посягательство не на

¹ В.Н. Кудрявцев, Ответственность за причинение вредных последствий по советскому уголовному праву, М., 1953, стр. 21.

² См. «Судебная практика Верховного Суда СССР» 1949 г. № 2, стр. 28.

отдельные элементы права собственности, а на самое это право. В подобных случаях в соответствии с характером объекта посягательства целью субъекта является распоряжение чужим имуществом как своим собственным. Но и тогда, когда субъект завладевает чужим имуществом с целью обращения его в свою собственность, квалификация совершенного им деяния зависит от ряда обстоятельств: отдавал ли он себе отчет в том, что он посягает на право собственности другого лица, и в том, на какую именно собственность — государственную, общественную или личную — он совершает посягательство. Если суд установил, что субъект отдавал себе отчет в том, что он завладевает чужим имуществом без права на это, и желал поступить таким образом, то установления в его действиях прямого умысла в этом смысле еще недостаточно для правильной уголовно-правовой квалификации совершенных действий. Для правильной квалификации суд должен установить, что субъект либо безразлично относился к тому, на какую именно собственность (государственную, общественную или личную) он посягает, либо сознавал или полагал, что он совершает посягательство на определенную форму собственности. Вопрос о конкретном содержании умысла субъекта, о квалификации его действий и осуществленного им результата решается в зависимости от того, как он представлял себе объект совершенного преступления. В этом единстве, с одной стороны, умысла с точки зрения его содержания и, с другой — объекта преступления находит живое выражение то огромное значение, которое советское уголовное право придает способности человека определять свое поведение, и та роль, которую играет объект при решении вопроса о квалификации.

Так, М. был осужден по ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» от 4 июня 1947 г. за то, что он обратил в свою собственность приبلудшую к его табуну лошадь, которая, как потом оказалось, принадлежала государственному учреждению. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР в определении от 13 апреля 1949 г. признала, что «М. правильно осужден за хищение государственного имущества потому, что при хищении лошади он сознавал возможность и того, что она принадлежит местным государственным учреждениям»¹.

В другом случае Ч. был привлечен к ответственности за хищение государственного имущества в связи с тем, что он, работая весовщиком на железнодорожной станции, во время работы похитил 20 штук бревен и продал их частному лицу. В определении от 18 ян-

¹ «Судебная практика Верховного Суда СССР» 1949 г. № 8, стр. 19.

варя 1949 г. Железнодорожная коллегия Верховного Суда СССР признала, что виновность Ч. по делу доказана. «Имея, однако, в виду, что похищенный Ч. лес, хотя и находился на территории станции, но являлся собственностью колхоза и им охранялся», коллегия определила, что преступление Ч. предусмотрено ст. 3 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г., устанавливающей наказание за хищение общественного имущества. Коллегия не стала входить в обсуждение вопроса о том, сознавал или не сознавал Ч., кто именно — государство или общественная организация — является собственником имущества. В этом, впрочем, и не было необходимости, так как из обстоятельств дела усматривалось, что Ч. отдавал себе отчет в том, что он посягает на социалистическую собственность. Поэтому квалификация совершенного им хищения должна была определяться тем, какое имущество он фактически похитил¹.

Иначе был решен вопрос по делу К., который был признан виновным в том, что он в нетрезвом состоянии ночью похитил с повозки, стоявшей на дороге, одну флягу с молоком, принадлежавшую колхозу. Народный суд не признал в действиях К. состава хищения общественного имущества, поскольку по делу не было доказано, что он, похищая флягу, знал о принадлежности молока колхозу. Областной суд, не согласившись с этими соображениями, отменил приговор и направил дело на новое рассмотрение. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР указала, что определение областного суда исходит из объективного вменения вины и противоречит основным принципам советского уголовного права, согласно которым лицо может быть подвергнуто уголовному наказанию только за такие действия, которые совершены им умышленно или неосторожно. «Учитывая, — подчеркнула коллегия, — что хищение предполагает действия, совершенные по умыслу, принадлежность похищенного имущества к социалистической собственности могла бы быть вменена К. как квалифицирующее его действия обстоятельство лишь в том случае, если бы он, совершая кражу фляги с молоком, сознавал, что это молоко принадлежит государственному или общественному учреждению или предприятию». Поэтому коллегия признала, что народный суд правильно квалифицировал действия К., поскольку не было установлено, что, совершая кражу молока, он знал, что крадет колхозное имущество, «...тем более, что ни количество молока на повозке, ... ни характер тары, ни иные какие-либо признаки не могли свидетельствовать о том, что это молоко не чья-либо личная собственность, а общественная

¹ См. «Судебная практика Верховного Суда СССР» 1949 г. № 3, стр. 18.

собственность»¹. Нам представляется, однако, что народный суд поступил бы более правильно, если бы осудил К. за покушение на кражу личного имущества.

В соответствии с изложенным, не совсем точными следует признать некоторые формулировки определения коллегии Верховного Суда СССР по делу М., который был осужден за кражу личного имущества в связи с похищением кухонного стола из будки ремонта вагонов на станции. Этот стол был изготовлен по разрешению администрации мастеру вагонного депо. Отменяя приговор, коллегия, в частности, указала, что по делу не исследован вопрос о принадлежности стола — принадлежал ли он лично мастеру депо или же вагонному депо станции, которое передало стол мастеру во временное

¹ «Судебная практика Верховного Суда СССР за 1947 г.», вып. IV (XXXVIII), М., 1948, стр. 19–20. Указание коллегии на то, что «...принадлежность похищенного имущества к социалистической собственности могла бы быть вменена К. как квалифицирующее его действия обстоятельство...» является неточным. Неправильно поступают также и авторы учебников уголовного права для юридических институтов и факультетов (например, «Советское уголовное право, часть Общая», 1952, стр. 248), рассматривающие в разделе, посвященном фактической ошибке, вопрос о хищении государственного имущества, совершаемом в ошибочном предположении, что оно принадлежит отдельному гражданину, а также вопрос о хищении личного имущества в ошибочном предположении, что оно принадлежит государству или общественной организации. Дело в том, что то или иное обстоятельство может рассматриваться в качестве квалифицирующего только в случае, когда речь идет о двух видах одного и того же преступления — простом при отсутствии квалифицирующего обстоятельства и квалифицированном при наличии этого последнего. Поэтому утверждение, что социалистический характер имущества есть обстоятельство, квалифицирующее хищение этого имущества, равносильно утверждению, что хищение социалистического и хищение личного имущества суть однородные преступления. Тем самым смазывается особое политическое значение социалистической собственности и борьбы за ее охрану и искажается политическая характеристика как социалистической, так и личной собственности в СССР. В действительности в рассматриваемых случаях речь идет об ошибке в объекте, причем не в том неверном значении, которое присвоено этому понятию в указанном учебнике, а в подлинном смысле этого слова. Поскольку объект представляет собой один из элементов преступления, ошибка в объекте есть ошибка относительно одного из элементов состава со всеми вытекающими отсюда последствиями в отношении квалификации. Об ошибке в квалифицирующих обстоятельствах можно говорить, например, тогда, когда субъект совершает убийство лица, находящегося в беспомощном положении (п. «е» ст. 136 УК РСФСР), полагая, что потерпевший не обладает этими свойствами.

Что касается ошибки в объекте, как ее понимают авторы учебников 1952 года (стр. 248) и 1959 года (стр. 182—183), то неясной является в них уже постановка вопроса: объект представляет собой один из элементов преступления, а между тем по правилу об «ошибке в объекте» таковая не имеет значения для квалификации совершенного. В действительности, в случаях так называемой ошибки в объекте никакой ошибки в объекте, понимаемом как общественное отношение, не происходит. Ошибка имеет здесь место в отношении свойств вещи (например, субъект похищает портсигар вместо часов). Именно потому, что в этих случаях никакой ошибки в объекте не происходит, субъект отвечает за совершенное им так, как если бы никакой ошибки не было. Допущенная им ошибка относится к обстоятельствам, лежащим за пределами состава преступления (См. В. Ф. Кириченко, Значение ошибки по советскому уголовному праву, М., 1952, стр. 39 и след.). См. также М. И. Федоров, Понятие объекта преступления по советскому уголовному праву, «Ученые записки Пермского государственного университета имени Горького», т. XI, вып. 4, кн. 2, 1957, стр. 191–192.

пользование. «Между тем, — подчеркивалось в определении коллегии, — от установления этого обстоятельства зависит квалификация действий лиц, виновных в хищении этого стола». Последнее положение правильно только частично: квалификация в данном случае зависела и от принадлежности стола, и от того, как его принадлежность представлял себе похититель¹.

Приведенные примеры являются не более как иллюстрацией сформулированного общего положения о значении объекта для характеристики последствия со стороны его общественной опасности и отсюда в соответствии с изложенным — о значении объекта для характеристики умысла со стороны его содержания.

Разумеется, это не означает, что умысел или неосторожность не имеют самостоятельного уголовно-правового значения, что психика субъекта всего лишь пассивно отражает фатально совершаемое им действие и тот ущерб, который причиняется этим действием охраняемому уголовным правом общественному отношению. Встав на эту антимарксистскую, механистическую позицию, мы не сумели бы объяснить тот бесспорный факт, что умышленное и неосторожное причинение количественно одного и того же вреда влечет за собой применение различного по виду и мере наказания. Человек в весьма широких пределах способен определять свое действие. Это положение приобретает особую силу в социалистическом государстве, в котором человек полностью освобожден от отрицательного влияния внешних условий, таких, как эксплуатация, голод и безработица. Именно поэтому характер выражения воли субъекта, хотя бы проявившейся в одинаковых действиях, по формуле К. Маркса, по своему содержанию и по своей форме, имеет важнейшее значение для определения характера, вида и меры подлежащего применению наказания.

2. Цель

26. Особого рассмотрения требует вопрос о значении объекта для установления содержания цели в тех случаях, когда законодатель, определяя то или иное преступление, включает указание на цель или когда известная цель действия, описанного в законе, предполагается по характеру преступления.

К первой группе случаев можно отнести составы тех преступлений, в определении которых законодателем было включено указание,

¹ Нельзя согласиться с постановлением Пленума Верховного Суда СССР от 12 апреля 1957 г. по делу Б. и других, согласно которому в действиях лиц, похитивших личное имущество, в предположении, что оно принадлежит государству, имеется состав окончательного хищения государственного имущества (См. «Бюллетень Верховного Суда СССР» 1957 г. № 3, стр. 1).

например, на контрреволюционную цель: экономическая контрреволюция (ст. 58⁷ УК РСФСР), диверсионный акт (ст. 58⁹ УК РСФСР) и контрреволюционный саботаж (ст. 58⁹ УК РСФСР).

Бесспорно, критерий наличия или отсутствия контрреволюционного умысла или контрреволюционной цели имел в свое время важное значение для разграничения контрреволюционных и других, например, должностных преступлений. Вопрос заключался в том, являлся ли этот критерий исходным и основным или же цель представляла собой в таких случаях субъективное выражение объективной направленности соответствующих действий. Мы полагаем, что указанный вопрос должен быть решен во втором смысле. Это никоим образом не означает преуменьшения значения цели при решении вопроса о квалификации названных деяний. Если бы наличие или отсутствие контрреволюционного умысла законодатель считал единственным или хотя бы основным критерием для отграничения контрреволюционных преступлений от всех других, то было бы допущено серьезное отступление от принципа, в соответствии с которым преступления, предусматриваемые в Особенной части уголовных кодексов союзных республик, делятся на группы в зависимости от того, на что, на какие интересы они посягают.

Преступную цель, как и умысел в целом, не следует рассматривать в отрыве от объекта преступного посягательства. Преступная цель имеет своим содержанием достижение преступного результата, а этот последний, как мы видели, неразрывно связан с объектом преступления. В.И. Ленин указывал на то, что человеку только кажется, что его цели взяты вне мира и независимы от мира. На самом же деле, указывал В.И. Ленин, они находят объективный мир как данное, наличное¹.

Для того чтобы в действиях субъекта можно было констатировать контрреволюционный умысел или контрреволюционную цель, эти действия должны были быть направлены «...против основ советского строя, установленного в Союзе ССР властью рабочих и крестьян...» (ст. 46 УК РСФСР). Для того чтобы действие можно было считать субъективно направленным против основ Советского строя, оно по общему правилу должно быть одновременно и объективно направлено против них. Именно эта двуединая направленность контрреволюционных преступлений и определяла их особую, специфическую опасность. Правильное решение вопроса в таких случаях иногда затруднялось тем, что при недостаточно тщательном анализе и неточном определении объекта могло показаться, что «одни и те же»

¹ См. В.И. Ленин, *Философские тетради*, 1947, стр. 162–163,

действия, посягающие на один и тот же по видимости объект, рассматривались как контрреволюционное или неконтрреволюционное преступление исключительно в зависимости от наличия или отсутствия в действиях субъекта контрреволюционной цели.

Так, принято говорить, что общеуголовное убийство отличается от террористического акта «...в зависимости от мотивов, руководивших совершившим преступление лицом, от его субъективного отношения к своим действиям и их последствиям...»¹. Следует признать типичным имевшее место до принятия Основ уголовного законодательства 1958 года разграничение по признаку наличия или отсутствия контрреволюционного умысла или контрреволюционной цели таких преступлений, как злоупотребление должностным положением или выпуск недоброкачественной продукции и вредительство; разрушение железнодорожных путей с целью вызвать крушение поезда (ст. 59³⁶ УК РСФСР) и диверсионный акт; халатное отношение к служебным обязанностям и контрреволюционной саботаж. Для того чтобы констатировать в действиях субъекта состав злоупотребления служебным положением, необходимо установить, что он, учиняя действия, которые мог он совершить единственно благодаря своему служебному положению и которые заведомо для него не вызывались соображениями служебной необходимости, предвидел или должен был предвидеть явное нарушение в результате этих действий правильной работы учреждения или предприятия, либо причинение ему имущественного ущерба, либо нарушение общественного порядка или охраняемых законами прав и интересов отдельных граждан. При этом, если субъект предвидел наступление указанных последствий, то он мог желать, чтобы они наступили, сознательно допускать, что они наступят, или легкомысленно надеяться, что их наступление будет предотвращено. Однако даже если лицо и желало наступления указанных последствий, оно все же не исходило при этом из того, что своими действиями оно в какой-то мере причиняет ущерб советскому государству, Советской власти и основным завоеваниям социалистической революции. Ведь правильная работа каждого учреждения или предприятия представляет собой не только необходимую предпосылку успешного разрешения им стоящих перед ним задач, от правильной работы каждого государственного или общественного учреждения или предприятия определенным образом зависит и процветание всего государства, темпы нашего постепенного продвижения к коммунизму. Поэтому наличие или отсутствие

¹ М.С. Строгович, Учение о материальной истине в уголовном процессе, М., 1947, стр. 13.

контрреволюционного умысла у субъекта, который своими действиями причинил ущерб правильной работе государственного аппарата, определялось тем, причинялся ли этот ущерб работе аппарата, рассматриваемой виновным со стороны ее решающего значения для социализма, или же объект преступного посягательства отражался в сознании субъекта другой своей стороной — как известный, установленный законом порядок осуществления должностным лицом своих полномочий и выполнения им возложенных на него обязанностей. Нарушение правильной работы государственного аппарата, совершенное с прямым умыслом, могло рассматриваться как контрреволюционное преступление лишь в случае, когда этот прямой умысел имел контрреволюционный характер. Должностное или хозяйственное преступление могло стать контрреволюционным или может стать особо опасным государственным преступлением лишь тогда, когда ущерб причиняется государственному аппарату или социалистическому хозяйству как одному из орудий построения коммунистического общества. В противном случае преступление нельзя считать направленным против основ советского строя ни объективно, ввиду отсутствия соответствующего объекта, ни субъективно, ввиду отсутствия умысла или цели подрыва или ослабления Советской власти. Так, Г. был осужден за экономическую контрреволюцию в связи с тем, что он, будучи котельщиком депо, допускал брак в работе. Однако выяснилось, что Г. допускал брак в работе в погоне за большими заработками и ради них за счет качества работы увеличивал ее количество. Пленум Верховного Суда СССР усмотрел в действиях Г. состав нарушения работником транспорта трудовой дисциплины¹.

Нельзя признать правильным определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 28 октября 1942 г. по делу Ч., который был осужден областным судом по ст. 58¹⁴ УК РСФСР. Ч., работая на угольной шахте электрослесарем, в марте — мае 1942 года не только сам в течение длительного времени не выходил на работу на основании подложной справки о болезни, но и снабжал такого рода справками других рабочих шахты. Верховный суд РСФСР переквалифицировал действия Ч. на ч. 1 ст. 72 УК РСФСР, ссылаясь на то, что Ч. изготовлял фиктивные справки не с целью подрыва производства, а «использовал написанные им фиктивные документы для временного освобождения его от работы».

«Эти мотивы, — указала Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР, — положенные Верховным судом РСФСР в

¹ См. «Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда Союза ССР (1938 г. и первое полугодие 1939 г.)», М., 1940, стр. 35.

основу своего определения, представляют грубую политическую ошибку. Из материалов дела видно, что Ч. не только сам длительно и систематически уклонялся от работы, используя для этого преступные способы, но и толкал на этот путь других рабочих, изготовляя для них фиктивные справки. Из показаний самого Ч. видно, что он хорошо сознавал преступность своих действий и ущерб, причиняемый им производству. С другой стороны, при оценке действий Ч. следовало учесть, что он совершил преступление на одном из предприятий угольной промышленности, имеющем особо важное значение в условиях военного времени, где вопросы укрепления трудовой дисциплины и поднятия производительности труда играют первостепенную роль, а всякий причиненный ущерб является особенно ощутительным. На фоне трудового энтузиазма, вызванного широким патриотическим подъемом основной массы рабочих, действия Ч., влекущие дезорганизацию производства и оказывающие отрицательное моральное влияние на неустойчивые элементы, не могут быть расценены иначе, как подрыв производства, тем более что, как указано выше, Ч. хорошо сознавал всю вредность своих действий¹.

Какими бы правильными ни были эти соображения сами по себе, они не могли обосновать осуждение Ч. за подрыв государственной промышленности, «совершенный в контрреволюционных целях путем... противодействия... нормальной деятельности» (ст. 58⁷ УК РСФСР) того или иного государственного предприятия. Сознвая вредность своих действий в том смысле, что они влекли за собой дезорганизацию производства и оказывали отрицательное влияние на неустойчивых рабочих, Ч. в то же время не задавался целью осуществить какой-либо из этих результатов. Прогуливая сам, он по сути дела и не мог ставить себе такую цель, потому что ущерб, причиняемый действиями такого рода, ни при каких условиях не мог рассматриваться как подрыв государственной промышленности. Что касается организации Ч. массовых прогулов других рабочих на шахте, то такая деятельность может рассматриваться как объективно направленная к подрыву государственной промышленности. Однако в определении Коллегии нет указаний на то, что цель, преследовавшаяся при этом Ч., в какой-либо мере отражала так понимаемую объективную направленность его действий и соответствовала ей. Ссылка на то, что Ч. «сознавал всю вредность своих действий», не меняет того решающего в данном случае обстоятельства, что Ч. имел в виду ограниченную цель «личного» характера и что дезорганизация производ-

¹ См. «Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда Союза ССР за 1942 год», М., 1947, стр. 83.

ства на шахте не была нужна ему ни сама по себе, ни в качестве средства достижения какой-либо другой цели. При этих условиях о наличии у Ч. контрреволюционной цели не приходилось говорить.

27. Значение объекта преступления для решения вопроса о содержании преступной цели особенно ясно видно в случаях, когда определенная цель, не указанная в законе, предполагается входящей в состав ввиду характера преступления и с учетом его места среди других преступных посягательств. В качестве примера можно сослаться на составы преступлений против собственности, в частности, на составы хищения социалистического имущества и кражи личного имущества.

В ст. 180 УК РСФСР 1922 года в качестве квалифицированного вида кражи предусматривалось хищение, определения которого не давалась. Сама кража в этой статье определялась только с объективной стороны как тайное похищение имущества, находящегося в обладании, пользовании или ведении другого лица или учреждения. В определении грабежа и разбоя, применительно к которым употреблялся термин «похищение», также отсутствовало упоминание о цели, причем в определении грабежа указывалось, что речь идет о чужом имуществе. Мошенничество определялось как получение с корыстной целью имущества, а вымогательство — как требование передачи имущественных выгод. В Уголовном кодексе РСФСР 1926 года кража определялась как тайное похищение чужого имущества, термин «похищение» фигурировал также в определении грабежа, применительно к разбою говорилось о завладении чужим имуществом, к мошенничеству — о получении имущества и к вымогательству — о требовании передачи имущественных выгод. В Указе Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об усилении охраны личной собственности граждан» кража определяется как тайное или открытое похищение личного имущества граждан, а применительно к разбою говорится о завладении чужим имуществом. Что касается хищения, то в законе от 7 августа 1932 г. содержание этого понятия пояснялось тем, что в скобках после этого слова законодатель поместил слово «воровство». В Указе же от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» определения термина «хищение» не дается.

Термины «похищение», «хищение», «завладение» и т. п., бесспорно, по своему значению кое-что говорят о цели, преследуемой лицом при совершении соответствующих действий. Так, под хищением понимается «воровство, преступное присвоение чужого...

имущества»¹. Аналогично, завладеть — значит «взять себе» что-нибудь². Однако этого совершенно недостаточно для правильного понимания и применения соответствующих определений закона, особенно если учесть, что в области преступлений против собственности судебная практика трактует цель в качестве «основного элемента состава преступления хищения»³.

В то же время закон, как мы видели, не дает никаких или почти никаких указаний о цели в составах преступлений против собственности или о содержании этой цели. Задача определения цели в составах преступлений этой группы ложится, таким образом, на теорию и на судебную практику.

Писавшие по этим вопросам теоретики, как правило, не снабжают свои выводы аргументами или основывают их на недостаточной аргументации. Это относится как к старой, так и к новой литературе. Например, по мнению С.В. Познышева, «умысел при похищении предполагает намерение приобрести себе такое господство над вещью, которое может принадлежать, по закону, только собственнику, а также намерение безвозмездно лишить собственника навсегда данного имущества»⁴.

В комментарии к Уголовному кодексу РСФСР, составленном А.Н. Трайниным и другими авторами, указывается, что «лицо, совершающее кражу, преследует корыстную цель — извлечение имущественной выгоды»⁵. В.Д. Меньшагин пишет, что похититель имущества преследует цель приобрести чужое имущество в свою собственность⁶. Я.М. Брайнин, указывая, что умысел при краже направлен на завладение чужим имуществом, считает, что «тем самым решается и вопрос о цели кражи». Целью кражи, по мнению Я.М. Брайнина, является «обращение чужого имущества в свою собственность»⁷.

На этой же точке зрения стоит и М.А. Гельфер⁸, приведший, однако, в ее поддержку ряд аргументов, на которых следует остановиться.

¹ «Толковый словарь русского языка», под ред. Д.Н. Ушакова, т. IV, 1940, стр. 1148.

² Там же, т. I, стр. 903.

³ «Судебная практика Верховного Суда СССР» 1951 г. № 1, стр. 20.

⁴ С.В. Познышев, Очерк основных начал науки уголовного права, Особенная часть, 1923, стр. 88.

⁵ А.Н. Трайнин и др., Уголовный кодекс РСФСР, Комментарий, 1946, стр. 208.

⁶ См. В.Д. Меньшагин, Усиление охраны личной собственности граждан, М., 1948, стр. 23.

⁷ Я.М. Брайнин, Советское уголовное право, часть Особенная, 1952, стр. 46–47.

⁸ См. М.А. Гельфер, Преступные посягательства против личной собственности граждан, М., 1954, стр. 17, 27.

М.А. Гельфер считает, что в составе, например, кражи цель обращения похищенного в свою собственность предполагается самим понятием кражи. «Кража без цели присвоения не существует», — подчеркивает он. «Определение кражи как... изъятия чужого имущества... с целью его обращения в свою собственность, — отмечает этот автор, — является единственно правильным определением». Такое утверждение М.А. Гельфер аргументирует следующим образом. «Все иные определения кражи, как и других корыстных имущественных преступлений, когда цель обращения похищенного в собственность преступника подменяется иной специальной целью...», в частности, «...обращения с похищенным имуществом как со своим собственным... приводят к необоснованному расширению понятия корыстного имущественного преступления»¹. Необоснованное расширение указанного понятия М.А. Гельфер усматривает в том, что «такое определение специальной цели исключает даже корыстный характер содеянного, распространяет понятие похищения на истребление и повреждение имущества, на самоуправное распоряжение чужим имуществом и т.д.»². Довод сторонников критикуемой точки зрения в том смысле, что похититель юридически не может обратить похищенное в свою собственность, М.А. Гельфер считает несостоятельным и основанным на недоразумении. «Ведь при краже, — пишет он, — ...речь идет о противозаконном, преступном обращении чужого имущества в свою собственность. До изобличения преступника он фактически осуществляет все полномочия собственника»³.

По поводу последнего аргумента М.А. Гельфера нельзя не заметить, что ввиду близости понятий «полномочие», «правомочие», «право» и т.п. у него получилось то самое смешение фактического и юридического аспектов, которого он стремился избежать. Правильнее было бы сказать, что преступник фактически осуществляет в отношении похищенного имущества все действия, которые входят в круг полномочий собственника. Если, однако, отвлечься от этого, то следует признать, что с теоретической стороны попытка различать собственность и право собственности оправдана. Собственность — это фактическая возможность использовать имущество по своему усмотрению, право же собственности, как юридическое выражение собственности, есть обеспеченная законом возможность в установленных законом пределах использовать имущество по своему усмотрению. В практическом значении этого различия мы убедились на

¹ Там же, стр. 29.

² Там же, стр. 30.

³ Там же, стр. 31.

примере действий, представляющих собой акты фактического распоряжения имуществом, выходящие за пределы, установленные законом (например, дача взятки должностному лицу). Мы не думаем, однако, чтобы стоило идти дальше и применительно к условиям социалистического государства подчеркивать различие между собственностью как общественным отношением, не охраняемым законом, и собственностью как охраняемым законом общественно-правовым отношением. За только что указанными пределами это различие едва ли что-либо дает, а в смысле наглядности гораздо проще и понятнее говорить, что похититель фактически обращается с имуществом так, как если бы он был его собственником как со своим собственным.

М.А. Гельфер приводит три примера необоснованного расширения понятия «корыстного имущественного преступления» на почве критикуемого им определения. В действительности утверждение о том, что это определение «исключает даже корыстный характер содеянного, не соответствует действительности, потому что обращение с имуществом как со своим собственным обычно предполагает корысть и всегда — личную заинтересованность. Та мысль М.А. Гельфера, что обращение с чужим имуществом, как со своим, охватывает и самоуправное распоряжение этим имуществом, неверна. Во многих случаях, например, самоуправства виновный при обращении с чужим имуществом исходит из того, что оно не есть его собственное. В то же время в составе хотя бы кражи цель обращения с чужим имуществом как со своим предполагает наличие у виновного сознания того, что он не имеет какого бы то ни было права поступать таким образом, чего нет при самоуправстве. Наконец, если считать, что цель обращения с имуществом как со своим включает в себя также его истребление и повреждение, то это в такой же мере относится и к цели обращения в собственность.

Важнее, однако, другое. Что значит «необоснованное расширение понятия...» и т.д.? Очевидно, это такое расширение, которое не имеет под собой основания. Если этим основанием является судебная практика, то ее необходимо обобщить и теоретически осмыслить. Если это — сопоставление с другими составами, то различие между смежными преступлениями также должно покоиться на определенной основе.

Такой основой мы считаем объект преступлений интересующей нас группы — социалистическую или личную собственность.

В самом деле, социалистическая собственность есть общественное отношение, имеющее своим содержанием возможность для государ-

ства или для общественных организаций использовать материальные ценности по их хозяйственному назначению в соответствии с планом. Личная собственность имеет своим содержанием обеспеченную гражданину возможность в установленных законом пределах использовать имущество по своему усмотрению. Отсюда необходимо следует и другое. Подобно тому как преступление против жизни имеет место лишь в случаях, когда причинена смерть или совершены действия с целью лишить другого человека жизни, преступление против собственности налицо тогда, когда потерпевший лишился указанной возможности или учинены действия с целью лишить его такой возможности. Это в свою очередь может произойти только при условии, что субъект либо совершает в отношении имущества, не имея на это ни действительного, ни даже предполагаемого юридического права, собственническое действие (как при растрате), либо похищает или получает имущество, или завладевает имуществом с целью совершить в отношении этого имущества собственническое действие. Конкретный характер такого действия для квалификации не имеет значения. Оно может быть и обычно бывает, когда направлено к обогащению преступника, корыстным в собственном смысле слова. Действие может быть продиктовано и каким-либо другим личным интересом, когда оно заключается в передаче лицом чужого имущества какому-либо другому лицу, хотя бы и совершенно постороннему. Собственническое действие может выражаться даже в передаче похищенного, полученного и т.д. имущества государственным или общественным организациям, в сохранении этого имущества у себя без каких-либо конкретных планов его использования в дальнейшем и т.д.

Так, Л., приняв от лесокombината партию леса, выдал комбинату квитанцию по установленной форме, а в дорожной ведомости назвал этот лес дровами и направил его в адрес начальника пассажирской платформы С. Пленум Верховного Суда СССР в своем постановлении признал, что Л., злоупотребляя служебным положением, незаконно обратил в свою собственность лес, принадлежащий государственной организации, и направил его своей знакомой. Пленум пришел к выводу, что действия Л. образуют состав хищения по признакам ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества», и указал, что действия Л. должны рассматриваться как хищение и в том случае, если он передал лес С. безвозмездно.

Аналогичным образом был признан виновным в хищении шкипер баржи Л., отпустивший с баржи своему знакомому Ч. 7 кг ржи. Учи-

тывая незначительный размер хищения и «отсутствие личной корыстной заинтересованности» у Л., Пленум Верховного Суда СССР счел возможным применить к нему ст. 51 УК РСФСР.

Наличие «собственнического действия» Пленум Верховного Суда СССР признал и по делу С, который разрешил рабочим по окончании работы взять водку из бочки, стоявшей в помещении, в котором рабочие производили ремонт. Суд признал С, «незаконно разрешившего изъятие водки», виновным в хищении.

Весьма показательным примером является также дело артиста Новосибирской городской филармонии Н., который на почве враждебных отношений со своим коллегой К. в отсутствие последнего сломал замок в его квартире и похитил из квартиры уникальную скрипку, золотые часы и весьма ценный хрустальный сервиз.

Скрипку он на следующий день подарил оркестру военного госпиталя, а часы и сервиз передал в фонд помощи детям погибших на войне фронтовиков. Народный суд Дзержинского района г. Новосибирска вполне обоснованно осудил Н. за кражу.

Если действие не носит характера собственнического обращения с имуществом или не преследует цели распорядиться имуществом как своим собственным, то оно не является посягательством на собственность, каким бы одиозным это действие ни представлялось. К приведенным выше, в другой связи, примерам имущественных правонарушений, не являющихся преступлениями против собственности, следует добавить, что во многих таких случаях субъект преследует корыстную цель, стремится получить выгоду, материальную пользу, в других — действует по соображениям личной заинтересованности. Однако ввиду отсутствия здесь объекта кражи — собственности такая цель *не образует цели в составе посягательства на собственность* и не может сама по себе «преобразовать» действие, безразличное для уголовного права, в преступление против собственности.

Данные соображения требуют одного добавления. Мы имеем в виду уже упоминавшееся положение о том, что цель обращения с имуществом как со своим, а также цель обращения имущества в собственность охватывает случаи истребления и повреждения чужого имущества, не являющиеся хищением. Возражение такого рода бьет мимо цели. Из него следует только то, что, с одной стороны, и хищение, и истребление суть преступления против собственности, а с другой, — что для характеристики хищения следует указать признаки, которые характеризовали бы его в отличие от истребления.

Эти признаки находятся также в области объекта. Многие преступления, хищение в том числе, наряду со своими соответствующими объектами нарушают также социалистический порядок распределения материальных благ по труду, характеризуясь с этой стороны как проявление пережитков паразитической психологии прошлого, повышенной общественной опасностью. Поэтому, например, кража в отличие от истребления имущества представляет собой такое посягательство, скажем, на личную собственность и одновременно социалистический порядок распределения, которое выражается в похищении чужого имущества с целью распорядиться им как своим собственным.

Убедительным доказательством значения объекта для характеристики содержания умысла и цели в составах преступлений против собственности является положение о том, что в указанных составах имущество должно быть для виновного чужим. Оно должно принадлежать на праве личной собственности не виновному, а другому лицу (гражданину, колхозному двору и т.д.), которому закон обеспечивает возможность использовать данное имущество по своему усмотрению.

Если собственность есть возможность использовать имущество по своему усмотрению и если собственник, как мы видели, юридически не лишается этой возможности до тех пор, пока с его имуществом никто другой не обращается как со своим собственным, то необходимо признать и другое. Даже в случаях, когда при судебном аресте имущество не только изымается из владения и пользования собственника, но ему запрещается также и распоряжаться арестованным имуществом, собственник все же сохраняет право собственности на имущество, оно не является для него чужим. Поэтому отчуждение или тайное похищение такого имущества собственником или получение им этого имущества посредством обмана не составляют сами по себе преступления против собственности — присвоения, кражи или мошенничества. «Поскольку похищаемое имущество должно быть для виновного чужим, — читаем мы в учебнике уголовного права, — не может быть объектом кражи собственное имущество, находящееся в чужом владении; самовольное изъятие такого имущества у владельца, как правило, дает состав самоуправства...»¹.

Проф. Жижиленко, обосновывая противоположную точку зрения, указывал на то, что собственник подобными действиями нарушает права третьих лиц². Однако это не меняет дела, потому что права

¹ «Уголовное право, часть Особенная», М., 1943, стр. 220. См. также М.М. Исаев, Преступления против личной собственности, М., 1939, стр. 9.

² См. А.А. Жижиленко, Имущественные преступления, Л., 1925, стр. 151; его же, Преступления против имущества и исключительных прав., Л., 1928, стр. 135. Анало-

третьих лиц не составляют права собственности на имущество и их нарушение не может рассматриваться как преступление против собственности.

Так, С. была признана виновной в присвоении имущества в связи с тем, что она продала часть вещей своего сына, описанных в обеспечении гражданского иска по уголовному делу и сданных С. под сохранную расписку. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР в определении от 29 марта 1952 г. указала, что осуждение С. за присвоение является неправильным, так как приговор по делу ее сына «не содержал постановления ни о конфискации имущества, ни о возмещении материального ущерба, поэтому С. после приговора по делу о ее сыне имела право распорядиться вещами».

В ряде случаев соответствующие действия квалифицируются как самоуправство или рассматриваются в качестве гражданского деликта или дисциплинарного проступка. Так, И. был осужден по ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» в связи с тем, что он похитил со строительства толь и другие материалы и продал их. Определением от 21 февраля 1951 г. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР прекратила дело И. в уголовном порядке, указав, что в действительности И. получил указанные материалы для личных нужд в счет заработной платы, а затем продал их. За это начальник строительства объявил ему в приказе строгий выговор, и было предложено бухгалтерии строительства удержать с И. стоимость отпущенного материала по рыночной цене. В материалах судебной практики дело И. изложено под тезисом: «Использование законно полученного за плату в личную собственность государственного или общественного имущества не на те цели, которые были обусловлены при получении, не может рассматриваться как хищение этого имущества». Такого рода действия, как уже отмечалось, вообще не могут считаться преступлением против собственности и иногда вообще не рассматриваются в качестве правонарушения.

Так, в не совсем ясно изложенном определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 19 июня 1949 г. указывается, что З. был осужден за кражу в связи с тем, что похитил ценности из квартиры своей тетки — П., которая, узнав о совершенной в ее квартире краже, заявила об этом в милицию. Когда же ока-

гичную точку зрения высказывает и М.Д. Шаргородский в работе «Мошенничество в СССР и на Западе», Харьков, 1927, стр. 48.

залось, что вещи изъял З. и был за это осужден, П. подала жалобу в надзорном порядке, в которой написала, что указанные ценности З. получил в наследство от своей матери и поэтому является их собственником. Коллегия направила дело З. на новое рассмотрение, указав, что все эти обстоятельства требуют тщательной проверки, так как имеют существенное значение «для установления виновности или невиновности осужденного».

Разумеется, все изложенное имеет значение только для случаев, когда речь идет о похищении, получении посредством обмана и другими подобными способами имущества, принадлежащего самому похищающему его лицу или обманщику на праве личной собственности. Когда же подобные действия преследуют цель получить в дальнейшем чужое имущество, наличие приготовления к совершению одного из преступлений против собственности, обычно мошенничества, не вызывает сомнений. Поэтому, если субъект, сдавший имущество на хранение другому лицу, затем тайно похищает это имущество или получает его посредством обмана, чтобы предъявить к хранителю претензию о возмещении причиненного собственнику «ущерба», он должен быть привлечен к уголовной ответственности за приготовление к мошенничеству. Нетрудно, однако, видеть, что в этом случае посягательство имеет своим предметом не имущество, принадлежащее виновному, а имущество, принадлежащее бывшему хранителю. Иными словами, речь здесь идет опять-таки о чужом имуществе.

Однако не всякое посягательство на чужое (в указанном смысле) имущество образует преступление против личной собственности, даже если налицо все остальные признаки имущественного преступления.

Иногда виновный похищает или получает посредством обмана чужое имущество с целью обращаться с ним как со своим собственным исходя из того, что он имеет право поступить таким образом. Действия виновного образуют тогда состав самоуправства, которое определяется в законе как «самовольное, помимо установленной власти, осуществление кем-либо своего действительного или предполагаемого права, оспариваемого другим лицом». Из ст. 90 следует, что при самоуправстве речь идет об осуществлении субъектом не морального, а действительного или предполагаемого юридического права, такого права, которое субъект в случае необходимости мог бы, по его мнению, защищать перед судом. Моральное же право вообще не может быть осуществлено путем обращения к «установленной власти». Если, например, субъект похищает чужое имущество, пола-

гая, что он вправе таким образом отомстить собственнику имущества за причиненную субъекту неприятность, налицо преступление против личной собственности. Общая черта всех случаев, в которых имеются признаки самоуправства, самоуправное возмещение виновным причиненного ему другим лицом материального ущерба, осуществляемое путем завладения имуществом, принадлежащим другому лицу на праве личной собственности. Отсюда важное значение денежной оценки причиненного материального ущерба и того возмещения, которое самоуправно осуществлено субъектом. Этот момент особенно существен тогда, когда в порядке самоуправного возмещения изымается иное по характеру имущество, чем то, которое было ранее передано виновным другому лицу. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР рассмотрела 23 февраля 1949 г. дело Е., осужденной судом первой инстанции за кражу. Е., пользуясь отсутствием в комнате потерпевшей А., взяла из ее сумки 1000 руб. Коллегия не согласилась с такой квалификацией, поскольку Е. взяла 1000 руб., принадлежавшие А., в возмещение за невозвращенные последней вещи, взятые ею у Е. на хранение. «Е. допустила самоуправство, — указала Коллегия, — взяв у А. деньги за невозвращенные вещи (разрядка наша. — *Б.Н.*), и ее действия надлежит квалифицировать по ст. 90 УК РСФСР»¹. Аналогично Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР признала виновным в самоуправстве (в совокупности с нанесением побоев) Л., которого народный суд осудил за грабеж в связи с тем, что Л. днем на улице отобрал у К. три пуда муки, которую он считал своей, нанеся при этом К. побои².

Само собой разумеется, что если субъект обращает в свою пользу личное имущество заведомо без права на то, он совершает не самоуправство, а преступление против личной собственности. В этом отношении характерно дело М., который был осужден за кражу в связи с тем, что вместо 5—10 мешков картофеля, которые потерпевший П. разрешил ему взять из бурта, взял 40 мешков. Кассационная инстанция переквалифицировала действия М. на ст. 90 УК РСФСР исходя из того, что он, воспользовавшись разрешением П., самовольно взял 40 мешков, и его умысел не был направлен на хищение картофеля. Пленум Верховного Суда СССР (постановление от 17 ноября 1950 г.) не согласился с этими соображениями, указав: «Если признать, что П. разрешил взять М. всего 5—10 мешков, то действия

¹ «Судебная практика Верховного Суда СССР» 1951 г. № 11, стр. 23.

² См. «Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда Союза ССР за 1942 г.», М., 1947, стр. 61.

М., взявшего, вопреки разрешению П., 40 мешков, не могут рассматриваться как самовольное осуществление им действительного или предполагаемого права, предусмотренное ст. 90 УК РСФСР». Пленум усмотрел в действиях М. состав кражи личного имущества.

Чужое имущество в интересующем нас смысле — это имущество, принадлежащее на праве собственности не виновному, а другому гражданину или другим гражданам. Виновный при этом заведомо не имеет ни действительного, ни предполагаемого юридического права на обращение с данным имуществом как со своим собственным. При таких условиях виновный отдает себе отчет в том, что он нарушает обеспеченную потерпевшему законом возможность использовать имущество по своему усмотрению и посягает на собственность потерпевшего. Виновный не может считаться совершившим умышленное преступление против социалистической или личной собственности, если он представлял себе дело иначе: он не предвидел общественно опасного характера именно тех последствий своих действий, которые специфичны для преступлений этого вида.

Таким образом, между объектом преступления и содержанием его субъективной стороны имеется определенная связь в направлении от объекта к умыслу или неосторожности. Говоря элементарно, она выражается в том, что лицо, совершающее умышленное или неосторожное преступление, сознает или должно сознавать, кому и какому интересу оно причиняет вред своим деянием, желает причинить этот вред, сознательно допускает его наступление или легкомысленно рассчитывает его предотвратить. Эта связь лучше всего видна в таком соединительном звене, каким является последствие действия или бездействия: субъективная сторона отсутствует, если у субъекта нет сознания или по обстоятельствам дела от него нельзя требовать сознания конкретного общественно опасного характера последствия его действий. В то же время общественно опасный характер таких последствий — это не что иное, как характер ущерба, причиненного охраняемому уголовным правом объекту. В отдельных случаях значение объекта для выявления содержания субъективной стороны удастся установить не сразу. Тем не менее установление связи между этими двумя явлениями весьма часто может оказать существенную помощь при разрешении сложных вопросов квалификации. При решении вопроса о соотношении объекта и субъективной стороны преступления нельзя в какой-либо мере преуменьшать значение умысла и неосторожности в системе элементов состава преступления. Известно, что наличие умысла или неосторожности является по советскому уголовному праву необходимым для уголовной ответ-

ственности. Без умысла или неосторожности не может быть и состава преступления. Таково категорическое требование советского закона и задача теории — помочь уяснению оснований, на которых покоится это требование.

Особенностью социалистического общества, определяющей отсутствием в этом обществе антагонистических противоречий, является то, что в нем право не противостоит морали. «Социалистическое право, — писал А.Я. Вышинский, — служит тем же великим целям, что и социалистическая нравственность. Социалистическое право не имеет иных задач, кроме задачи служить делу разрушения капиталистического общества и создания нового, коммунистического общества. Нормы нравственности и нормы права в социалистическом обществе по своей природе совпадают»¹. Это, разумеется, не означает, что в социалистическом обществе всякий аморальный поступок является одновременно и преступлением. Но каждое преступление (убийство, кража, спекуляция, хулиганство) есть в то же время поступок, нарушающий нормы социалистической морали. В соответствии с этим в социалистическом государстве всякое уголовное наказание необходимо содержит в себе и элемент морального порицания. Очевидно, что наказание, необходимым элементом которого является моральное порицание, может применяться только в случаях, когда лицо, совершая инкриминируемое ему действие, сознавало или могло сознавать характер этого действия и его последствий. Применение наказания к лицу, которое по обстоятельствам конкретного случая не предвидело, не должно было и не могло предвидеть последствия совершаемого им действия и, следовательно, не сознавало, не должно было и не могло сознавать его характер, представляло бы собой причинение бессмысленного страдания, потому что при таких условиях не могли бы быть достигнуты цели наказания в социалистическом обществе.

Объективное вменение, вменение независимо от наличия умысла или неосторожности «...в корне противоречит одному из основных начал советского уголовного законодательства, устанавливающему, что уголовное наказание может влечь лишь действие, совершенное с умыслом или по неосторожности...»².

Положение, которое мы отстаиваем в настоящем разделе, заключается отнюдь не в том, чтобы выдвинуть на первый план значение объекта и причиненного ему вреда — «за счет» умысла и неосторож-

¹ А. Вышинский, XVIII съезд ВКП(б) и задачи науки социалистического права, «Социалистическая законность» 1939 г. № 6, стр. 9.

² «Судебная практика Верховного Суда СССР», 1946, вып. VIII (XXXII), стр. 15.

ности, ценой умаления их самостоятельного значения. При всем значении умысла и неосторожности как необходимого элемента состава каждого преступления они, как и любое другое психическое переживание, получают свое содержание извне, и в подавляющем большинстве случаев их содержание не может быть уяснено безотносительно к объекту преступления. Как уже отмечалось, содержание и форму действия К. Маркс считал единственным объективным мерилom, которое можно приложить к умыслу. Под содержанием и формой действия К. Маркс понимал, соответственно, направленность действия на определенный объект и его внешнюю характеристику. Отсюда необходимо следует вывод о важнейшем значении объекта преступления как «объективного мерилa» умысла лица, совершившего это преступление.

СУБЪЕКТИВНАЯ СТОРОНА В «ФОРМАЛЬНЫХ» ПРЕСТУПЛЕНИЯХ

(Советское государство и право. 1971. № 3)

Многие вопросы, возникающие при применении уголовного закона на практике и при теоретическом анализе норм Особенной части, относятся к субъективной стороне преступления. Применяется ли, например, законодательное определение умысла, включающее в себя, наряду с сознанием общественно опасного характера действия, также предвидение, желание или сознательное допущение последствий, в полном объеме как к «материальным», так и к «формальным», «беспоследственным» преступлениям?¹ Подлежит ли умысел привычному делению на прямой и косвенный, когда речь идет о «формальных» преступлениях или же о том, что можно назвать «формальными» обстоятельствами, квалифицирующими преступления (особая жестокость при убийстве, несовершеннолетие потерпевшей при изнасиловании и т.д.)? Могут ли «формальные» преступления совершаться по неосторожности, учитывая, что законодательное определение неосторожности раскрывает это понятие исключительно в терминах отношения субъекта к последствию? Такого рода вопросы в теории и на практике либо не получают общего решения, либо решаются, на наш взгляд, противоречиво или неправильно.

Нет необходимости доказывать, что «формальные» преступления могут совершаться умышленно. Для подтверждения этого достаточно сослаться на такие примеры, как хулиганство, оскорбление или клевета. Очевидно и то, что особая жестокость способа при убийстве, или его опасность для жизни многих людей, или несовершеннолетие потерпевшей при изнасиловании могут охватываться умыслом ви-

¹ Не новый вопрос о том, являются ли «беспоследственные» преступления безрезультатными социально, выходит за рамки настоящей статьи. Под «формальными» преступлениями мы понимаем такие, при исследовании которых для квалификации нет надобности устанавливать наступление результата.

нового. Каковы, однако, содержание и формы умысла во всех этих случаях?

Теория и практика. Хулиганство характеризуется в законе как умышленные действия, грубо нарушающие общественный порядок и выражающие явное неуважение к обществу. Что означает в этом случае умышленность? «Совершая хулиганские действия, — пишут авторы «Комментария» в УК БССР, — виновный действует умышленно, по мотивам пренебрежительного отношения к обществу (хулиганские побуждения). При отсутствии этих мотивов действия, нарушающие общественный порядок, не могут рассматриваться как хулиганство»¹. В этой формулировке авторов «Комментария»: 1) подчеркивается, что для хулиганства требуется не только нарушение общественного порядка, но и выражение явного неуважения к обществу, о чем, впрочем, ясно сказано в законе; 2) «выражение явного неуважения к обществу» рассматривается только как содержание побуждения, хотя закон этими словами характеризует в первую очередь действие; 3) хулиганские действия определены как действия, совершаемые по хулиганским побуждениям. Такое определение ничего не говорит о содержании умысла при хулиганстве.

По вопросу о содержании умысла при хулиганстве одни считают, что субъект в этих случаях действует с прямым умыслом: сознавая, что совершаемые действия грубо нарушают общественный порядок и выражают явное неуважение к обществу, он «все-таки желает совершить эти действия»². Другие допускают, что при хулиганстве может и не быть желания совершить такие действия, т.е. может отсутствовать цель проявить явное неуважение к обществу. Для состава этого преступления достаточно, если субъект сознательно допускает, что «совершаемые им действия будут проявлением явного неуважения к обществу»³. Здесь желание отождествлено с целью, проявление явного неуважения к обществу рассматривается только как характеристика действия, а «грубое нарушение общественного порядка» полностью выпадает из сознательного допущения. Согласно третьей точке зрения при хулиганстве виновный «может и не ставить перед собой прямой цели нарушить общественный порядок». Однако, «если его поведение заведомо для него и неизбежно оказывается сопряженным с грубым нарушением общественного порядка...», на-

¹ И.И. Горелик и др., Комментарий к Уголовному кодексу Белорусской ССР, Минск, 1966, с. 360.

² «Советское уголовное право. Часть Особенная», под ред. М.Д. Шаргородского и Н.А. Беляева, М., 1962, с. 366.

³ Н.И. Загородников и др., Советское уголовное право. Общая и Особенная части, М., 1962, с. 428.

лицо будет прямой умысел («...желает этого...») в отношении нарушения общественного порядка»¹. Здесь, напротив, желание и цель не совпадают (желание имеется при отсутствии «прямой цели») и из содержания умысла полностью выпадает «выражение явного неуважения к обществу». Добавим к этому, что хотя такие обстоятельства, квалифицирующие хулиганство, как исключительный цинизм или особая дерзость, ничуть не уступают аналогичным, относящимся к способу совершения преступления обстоятельствам, квалифицирующим, например, умышленное убийство, теоретики вопросу о психическом отношении виновного к обстоятельствам, квалифицирующим хулиганство, не уделяют никакого внимания.

Из практики Пленума Верховного суда СССР мы возьмем положения, относящиеся к способу при убийстве и к несовершеннолетию потерпевшей при изнасиловании. В структуре соответствующих составов эти обстоятельства играют однородную роль: они квалифицируют умышленное преступление и не относятся к категории последствий. Вопреки ожиданию, касающиеся их указания Пленума устанавливают для них существенно различный «субъективный режим». Так, согласно одному из этих указаний умышленное убийство может квалифицироваться как совершенное способом, опасным для жизни многих людей, лишь в случае, когда примененный способ «заведомо для виновного был опасен для жизни многих людей»². Ограничив применение п. «д» ст. 102 УК РСФСР случаями заведомости (заметим, что сам этот пункт указания на заведомость не содержит), Пленум, надо полагать, должен был бы затем распространить это правило и на другие случаи умышленного убийства, квалифицированного по способу. Однако этого не произошло. В том же самом постановлении в отношении особой жестокости Пленум указал, что таковая может быть усмотрена во всех случаях, когда «виновный действовал с умыслом, направленным на совершение преступления с особой жестокостью». Пленум не пояснил, что следует понимать под «направленностью умысла». Это тем более досадно, что в действующем уголовном законодательстве о «направленности» упоминается только применительно к действию (ч. 2 ст. 15, ст. 69 УК РСФСР). Можно предположить, что под направленностью умысла на совершение преступления с особой жестокостью Пленум понимал нечто вроде прямого умысла на жестокость — желание или цель проявить ее. Для нас же важнее, однако, другое. Именно то, что

¹ «Советское уголовное право. Часть Особенная». М., 1964, с. 352.

² См. п. 5 постановления Пленума Верховного суда СССР «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике по делам об умышленном убийстве» от 3 июля 1963 г. («Бюллетень Верховного суда СССР», 1963, № 4).

«умысел, направленный...», по-видимому, обрисовывает субъективную сторону шире, чем заведомость в отношении опасности способа для жизни многих. Кроме того, похоже, что в двух этих однородных случаях Пленум выдвинул на первый план существенно различные аспекты субъективной стороны: эмоционально-волевой — в первом и интеллектуальный («заведомость») — во втором.

Вопрос о психическом отношении виновного к несовершеннолетию потерпевшей при изнасиловании Пленум решил опять таки иначе. В п. 9 постановления «О судебной практике по делам об изнасиловании» от 25 марта 1965 г. он разъяснил, что ответственности по ч. 3 ст. 117 УК РСФСР «подлежит лицо, которое знало или допускало, что совершает насильственный половой акт с несовершеннолетней, либо могло и должно было это предвидеть»¹. В связи с этой формулировкой возникает ряд вопросов.

Сопоставление знания и допущения похоже на сопоставление прямого и косвенного умысла. Но если это так, то почему в первом случае говорится о знании, а не о сознании, предвидении и желании, а во втором — не говорится о сознательности допущения? Если же Пленум решил из прямого умысла «взять» только интеллектуальный элемент «знание» (по сути дела та же «заведомость»), а под «допущением» понимал косвенный умысел, тогда он противопоставил формы умысла не по волевому элементу («не желал, но сознательно допускал»), как это принято делать, а по интеллектуальному. Следует, однако, иметь в виду, что по-русски «допущение» может выражать не только волевое (как в законодательном определении умысла), но и интеллектуальное отношение («допускал» — считал возможным). Если Пленум имел в виду именно это, было бы лучше, если бы он употребил вместо «допущения» какое-либо другое слово, чтобы не создавать почву для некоторых из указанных выше вопросов.

Что касается «могло и должно было предвидеть», то и здесь не все ясно. Предвидеть можно последствие (так и в законодательных определениях умысла и неосторожности); между тем несовершеннолетие потерпевшей к категории последствий не относится. Далее, по каким критериям предполагается делать вывод, что виновный мог и должен был (или не мог и не должен был) «предвидеть» несовершеннолетие потерпевшей? Наконец, указание на «мог» и «должен был» придает изнасилованию характер умышленно-неосторожного или же частично неосторожного преступления т.е. имеет в виду категорию, кажется, не знакомую советскому уголовному праву.

¹ См. «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1964. № 3.

Об универсальности законодательного определения умысла. Различное содержание, вкладываемое в понятие умысла, имеет своим источником стремление придавать законодательному определению умысла универсальный характер и на этой основе полностью применять его как к «формальным» преступлениям, так и к «формальным» элементам преступлений других видов. Подобные попытки не имеют оснований в законе и не оправдываются существом дела. На наш взгляд, во всех случаях такого рода необходимо и достаточно говорить: в общем виде — о сознании виновным общественно опасного характера своего действия или бездействия (ст. 8 УК РСФСР); в конкретных случаях — о сознании им характера того или иного элемента наличной преступной ситуации»: жестокости или опасности способа убийства для жизни многих, несовершеннолетия потерпевшей при изнасиловании и т.д.

Неполнота определения умысла в ранее действовавшем законодательстве выражалась, как известно, в том, что оно раскрывало понятие умысла (как это сегодня, к сожалению, происходит с определением неосторожности) исключительно в терминах отношения субъекта к последствиям своих действий. В результате как бы за пределами умысла (во всяком случае за пределами его определения в законе) оказывались все «формальные» преступления и все квалифицирующие обстоятельства, не относящиеся к категории последствий.

Указание на сознание виновным общественно опасного характера своего действия или бездействия законодатель ввел в определение умысла именно и только для того, чтобы восполнить неполноту прежнего определения. Нет никаких оснований утверждать, как постоянно делается в литературе, что действующее определение умысла внесло нечто новое в наши представления о субъективной стороне материальных преступлений. Независимо от того, каково определение умысла в законе, мы как раньше, так и теперь вывод о предвидении лицом общественно опасных последствий своего действия можем делать лишь в случае, если оно сознавало общественно опасный характер этого действия: предвидеть возможность вреда от действия, которое не является (или не представляется мне) вредным, немисливо ни по логике, ни по природе вещей. Бесспорно, об опасности действия свидетельствует факт причинения им вреда; однако вред от опасного действия по тем или иным причинам может и не наступить. Но когда действие причиняет вред, этот последний всегда представляет собой материальное выражение опасности действия, и лицо не может ни предвидеть, ни быть обязано предвидеть

наступление вреда, если оно не сознает или не должно и не может сознавать этого качества.

Переходя от этих отчасти исторических аргументов к существу дела, напомним, что особенностью «формальных» преступлений является, как известно, социальное качество самого по себе действия независимо от последствий — опасность действия для правопорядка (при преступлениях поставления в опасность), его несоответствие строю социалистических общественных отношений (при хулиганстве, спекуляции, коммерческом посредничестве), его незаконность (при незаконной охоте, занятии запрещенным промыслом). Во всех случаях такого рода само действие или бездействие является общественно опасным. Этой характеристике отвечают в известном смысле и квалифицирующие обстоятельства, не принадлежащие к категории последствий, — они усиливают все то же качество общественной опасности действия, зачастую не оказывая при этом влияния на свойство или размеры вреда. Это дает нам основание говорить о них как о формальных элементах преступления, даже когда само преступление принадлежит к числу деяний с материальным составом.

Правомерна ли, если иметь все это в виду, сама постановка вопроса об отношении субъекта к социальному качеству действия (его общественной опасности) в форме прямого или косвенного умысла (в форме желания или сознательного допущения этого качества: «желал, чтобы его действия носили хулиганский характер» или «сознательно допускал несовершеннолетие потерпевшей при изнасиловании»)? Мы отвечаем на этот вопрос отрицательно¹.

Социальное качество действия так же неразрывно связано с этим последним, как теплота нагретого тела связана с этим последним. Если кто-либо совершает определенное действие, сознавая его характер, это значит, что он желает совершить это действие. Если кто-либо не желает, чтобы его действие имело известный сознаваемый им характер, он не совершает этого действия. Возможность совершения человеком действия, характер которого он сознает, но не «желает» (например, «сознательно допускает»), исключается как по логике вещей, так и психологически. Поэтому встречающиеся в литературе и в материалах судебной практики формулировки, вроде «сознает, что пускает в обращение поддельные денежные знаки, производит незаконный обыск, незаконно лишает другое лицо свободы» и т.п. «и желает этого» или «сознательно допускает это», не

¹ В нашей статье «Об умысле по действующему уголовному законодательству» («Советское государство и право», 1965, № 6) вопрос о субъективной стороне «формальных» преступлений решался иначе, чем в настоящей статье, и мы теперь думаем, неточно.

основаны на законе и либо тавтологичны («и желает»), либо бессмысленны («и сознательно допускает»).

Мы получим те же результаты, поставив интересующий нас вопрос в процессуальную плоскость. Если субъект совершает действия, грубо нарушающие общественный порядок и выражающие явное неуважение к обществу, или в неприличной форме унижает честь и достоинство другого человека, или производит незаконный обыск, или совершает изнасилование несовершеннолетней, и если при этом доказано, что он сознавал общественно опасный характер своих действий, то для квалификации их в качестве хулиганства, оскорбления, изнасилования несовершеннолетней и т.д. нет необходимости доказывать что-либо еще. Состав соответствующего преступления налицо.

Именно эту «природу вещей» — аргумент не последний по значению — законодатель отразил в определении умысла, разделив умысел на формы в зависимости от характера психического отношения субъекта к последствию. Поэтому сказать, что преступление совершено умышленно, это значит: сказать не все, когда речь идет о материальном преступлении (необходимо пояснить, был ли умысел прямым или косвенным), и сказать все, когда речь идет о преступлении формальном. В последнем случае это означает, что субъект выполнил объективную сторону преступления, сознавая его социальное качество — общественно опасный характер своих действий.

Сознание общественно опасного характера действия. Невнимание к этой стороне дела, по-видимому, явилось одной из причин почти полной неразработанности в советской юридической литературе понятия сознания общественно опасного характера действия. Что означает это слово? Каковы содержание, формы, степень, оттенки этого сознания в общем виде и применительно к конкретным составам? Работы философско-психологического направления не отвечают на эти вопросы; их авторы рассматривают сознание под углом зрения понимания его как свойства высшей нервной деятельности человека — способности мыслить, рассуждать и определять свое отношение к действительности. Наши попытки получить у специалистов-психологов консультацию по вопросу о том, что, с их точки зрения, могло бы означать «сознание общественно опасного характера деяния», окончились неудачей: стороны не могли понять друг друга! Поэтому излагаемые ниже соображения имеют характер всего лишь рабочей схемы, не претендующей ни на строгую научность, ни на полноту.

По словарю, сознавать — значит воспринимать сознанием¹. Сознать — значит знать, действовать заведомо, но не только это.

¹ См. С. И. Ожегов, Словарь русского языка, М., 1964, с. 734.

«Сознавать» — понятие более широкое и, по-видимому, менее определенное, чем знать. «Сознавать» можно смутно, «знать смутно» нельзя. Таким образом, сознает прежде всего тот, кто знает. Если лицо хранит с целью сбыта вещество, ядовитые свойства которого оно имело возможность проверить, оно знает, сознает, что хранит ядовитые вещества; следовательно, оно действует умышленно. Однако закон (ч. 2 ст. 224 УК РСФСР) не требует заведомости в отношении ядовитых свойств хранимого вещества. Мы полагаем поэтому что субъект действует умышленно и в том случае, если он, не будучи уверен в том, что вещество ядовито, тем не менее считает это вероятным, возможным или хотя бы не исключенным. По нашему мнению, во всех этих случаях он сознает, что вещество ядовито. Сознание в этом случае можно сравнить с предвидением последствия, если считать, что предвидение — это по существу то же сознание, включающее в себя представление об опасности действия и его причинной связи с наступившим вредом.

При предлагаемом подходе к решению вопроса о содержании и обозначении умысла в рассмотренных выше случаях мы получаем возможность установить однородный «субъективный режим» для однопорядковых явлений — фактических элементов умышленных преступлений, не относящихся к категории последствий. Преимущества этого подхода можно показать на тех же примерах из литературы и судебной практики которые, как мы видели выше, при ином подходе порождают множество вопросов. При хулиганстве субъект совершает действия (естественно, желая их совершать), грубо нарушающие общественный порядок и выражающие явное неуважение к обществу, и при этом сознает этот их характер: знает, что они имеют такой характер, или считает это вероятным. Эти оттенки сознания нет никакой надобности, как это делается в литературе, именовать: первый — прямым, а остальные — косвенным умыслом.

Неосторожность в «формальных» преступлениях. Действующее законодательство, как было отмечено выше, раскрывает понятие неосторожности только в терминах отношения субъекта к последствиям своего действия. Теоретики иной раз делают из этого вывод, что за «неосторожные действия», которые не вызвали общественно опасных последствий, нельзя привлекать к уголовной ответственности¹. Однако это не мешает теории рассматривать в качестве неосторожного преступления разглашение государственной тайны, в состав которого последствия не входят². Поскольку в подобных случаях, с

¹ См. «Советское уголовное право. Часть Особенная», М., 1965, с. 53–55.

² См. «Уголовное право. Часть Общая», М., 1966, с. 221–222.

одной стороны, привлечение к уголовной ответственности необходимо, а с другой — это решение не соответствует определению неосторожности в законе, следует прийти к выводу, что данное определение не отвечает потребностям борьбы с общественно опасными проявлениями. Выход из этого несоответствия следует искать на путях перестройки общего определения неосторожности. До тех же пор мы считаем возможным для характеристики неосторожного отношения к «формальным» элементам пользоваться, *mutatis mutandis*, терминами, употребленными законодателем в нынешних определениях умысла и неосторожности, т.е., в частности говорить в этих случаях о том, что лицо не сознавало, но должно было и могло сознавать общественно опасный характер своего действия.

Следует заметить, что мы можем юридически обязать человека сознавать нечто лишь в том случае, если для такой обязанности имеется основание. Когда речь идет об обязанности и возможности сознавать (предвидеть) возможность наступления общественно опасных последствий опасного, или антиобщественного, действия, вопрос решается сравнительно просто. Сознвая или будучи обязанным и имея возможность сознавать подобный характер своего действия и, несмотря на это, совершая его, человек создает для себя по меньшей мере обязанность сознавать, или предвидеть, возможность наступления естественных непосредственных последствий этого действия. Если Б., сознавая или будучи обязанным и имея возможность сознавать, что в комнате за дверью находится Я., стреляет в дверь так, что пуля проходит через всю комнату на уровне человеческого тела, он создает для себя по меньшей мере обязанность сознавать возможность смерти Я. Если же он стреляет в дверь при отсутствии такого сознания, он не создает для себя обязанности и не получает возможности построить и только что обозначенное умозаключение.

Вопрос об обязанности и возможности сознавать социальный характер самого действия представляется более сложным. Контуры и границы обязанности и возможности умозаключать установить значительно легче, чем контуры и границы обязанности и возможности знать. Упрек: «Ты не знал, но должен был и мог знать» может быть, конечно, адресован должностному лицу, действующему в пределах своей должностной компетенции. Однако он, по-видимому, не может быть сделан гражданину, не знавшему о том, что деньги, которыми он расплачивается, поддельные. Граница между наличием и отсутствием обязанности и возможности знать проходит где-то между этими двумя крайними примерами. Вопрос в том, где именно она проходит.

Подходя к решению этого вопроса, необходимо заметить, что обязанность знать не может возлагаться и не возлагается на граждан уголовным законом. Веления и запреты уголовного закона чрезвычайно разнообразны и относятся к самым различным сферам общественных отношений. Обязанность знать и помнить их с необходимой конкретностью не может быть возложена на граждан уже по одному тому, что ее невозможно выполнить: подобная обязанность может быть возложена лишь на специалиста в области уголовного права, которому, впрочем, и самому для освежения памяти полезно иногда заглядывать в кодекс. Но если гражданин не обладает знанием уголовного закона, он не может восполнить это незнание никакими умозаключениями: не будучи ни произвольными, ни субъективными, правовые нормы в то же время не являются суждениями, они не отражают реальности, а лишь говорят о том, какой она должна быть, и поэтому не истинны и не ложны¹. Отсюда — принадлежность лица к числу граждан или нахождение иностранца или лица без гражданства на советской территории не создает ни презумпции знания ими велений и запретов уголовного закона, ни обязанности для них строить умозаключения к факту их существования или к их содержанию.

Вменяемый человек, достигший возраста уголовной ответственности, сознает «незаконность» большинства преступлений: сознавая общественную опасность убийства или кражи, он умозаключает, что эти действия запрещены законом. Что касается других преступлений, то можно быть прекрасным гражданином и хорошим работником в своей области, не имея ни малейшего представления о том, что перемещение через границу оружия влечет уголовную ответственность, что хулиганство включает в себя не только грубое нарушение общественного порядка, но и явное неуважение к обществу, и что уголовную ответственность влечет недонесение не о любом изнасиловании, а только о таком, которое сопряжено с отягчающими обстоятельствами, указанными в законе.

Напротив, нормы неуголовного закона, регулирующие более или менее специализированную деятельность людей, можно знать. Они всегда более или менее однопредметны и поэтому более или менее однородны. Лица, занятые деятельностью такого рода, как правило, специально изучают эти нормы, без знания которых они в ряде

¹ См. Г. Клаус, *Сила слова*, М., 1967, с. 181, 184. Это, само собой разумеется, относится только к характеристике нормы в качестве запрета или веления. Ее несубъективность обусловлена тем, что ее существование вызвано объективно существующими интересами, и она должна быть пригодной для того, чтобы воздействовать на избирательное поведение людей. Что касается содержащихся в норме определений (преступления, умысла, кражи), они так или иначе отражают реальные явления.

случаев не только не вправе, но и фактически не могут заниматься ею. Если врач, бухгалтер или шофер, не знающие правил своей профессии, попытаются работать в своей области, такая «работа» будет представлять опасность для общества и быстро приведет их к конфликту с уголовным законом. Кстати сказать, они обычно имеют представление и о том разделе уголовного законодательства, с которым в случае ненадлежащего выполнения ими своих обязанностей они могут войти в «соприкосновение». Более того. Если исключить нередкие случаи, когда лицо, занимаясь нормативно урегулированной деятельностью, не сознает этого или не сознает такого ее характера, например пересекает государственную границу без разрешения в результате потери ориентировки (но не потому, что оно не знало, что для этого требуется разрешение) или занимается тем или иным промыслом, не зная, что для производства промыслов установлены определенные правила (в отличие от незнания самих этих правил)¹, то факт нахождения лица в той или иной должности или его занятия той или иной профессией или тем или иным промыслом и т.п. создает для него одновременно и возможность, и обязанность строить умозаключения от этого факта к существованию и содержанию правил, регулирующих отправление должности или профессии. Если оно не использует эту возможность и совершает правонарушение, оно должно пенять на себя. Поэтому, в отличие от того, что обычно говорится об этом в литературе², мы считаем, что неосторожность возможна при незаконной порубке леса, незаконной охоте и вообще при совершении всех преступлений, предусмотренных статьями с бланкетной диспозицией, если конечно, в них тем или иным способом не выражено желание законодателя ограничить ответственность лишь случаями, когда субъект действует умышленно. Поэтому выпуск недоброкачественной продукции промышленными предприятиями (ст. 152 УК РСФСР) может влечь ответственность также при наличии неосторожности, в то время как выпуск в продажу заведомо недоброкачественных товаров (ст. 157) — только при наличии умысла.

Если же, напротив, лицо осуществляет ту или иную деятельность в сфере, нормативно не регулируемой в только что указанном случае, мы не видим оснований обязывать его сознавать (знать или считать вероятным, возможным или не исключенным) нечто, чего оно не сознает. В соответствии с этим лицо, расплачивающееся поддельны-

¹ В подобных ситуациях ответственность за незаконные действия должна быть исключена.

² См., например, «Уголовное право. Часть Особенная», М., 1966, с. 233–234, 245, 320.

ми деньгами, не сознавая того, что деньги поддельные, какую бы степень небрежности оно при этом ни проявило, не подлежит уголовной ответственности за сбыт поддельных денег. Этот вывод распространяется и на другие аналогичные элементы преступлений.

Если позволительно делить принципы советского уголовного права на главные и неглавные и считать, что чем больше практическое значение принципа, тем он «главнее», то принцип субъективного вменения следует считать одним из важнейших. Особенность субъективной стороны преступления, в отличие от других его сторон, состоит в том, что малейшие нюансы в ее трактовке приводят к резкому изменению границ вменяемого и наказуемого. Поэтому неустанное внимание к этим многозначительным нюансам принципиально необходимо и практически оправдано.

НАКАЗАНИЕ И ЕГО ЦЕЛИ

(Советское государство и право. 1971. № 9)

О наказании вообще. Юридическое определение наказания, будучи юридической формой социального содержания, не является произвольным. Представляя собой «не что иное, как средство самозащиты общества против нарушений условий его существования, каковы бы ни были условия» [1], наказание меняет свое содержание и вслед за тем должно менять свою правовую форму и свое юридическое описание в зависимости от того, каковы эти условия. Между тем очевидно, например, что эти условия различны в странах капитализма и социализма. В первом случае наказание защищает классовое неравенство людей и поддерживает тенденцию его усиления, во втором — охраняет социальную однородность общества и поддерживает тенденцию усиления такой однородности.

По закону (ст. 1, 37 УК РСФСР) и в соответствии с социалистическим правосознанием наказание следует за преступлением. Это происходит не только во времени, но и в том смысле, что наказание соответствует преступлению: чем тяжелее преступление, тем суровее наказание. Такую зависимость можно видеть при сопоставлении объектов однородных преступлений (против социалистической и личной собственности), их объективной стороны (кража, грабеж, разбой), их субъективной стороны (умышленное и неосторожное убийство) и их субъекта (получение взятки «рядовым» или занимающим ответственное положение должностным лицом). Казалось бы, объяснение данного явления не должно вызывать затруднений: указанная зависимость отражает общественное представление о справедливости, выражающееся в таких популярных и очевидных максимах, как «каждому — по его делам», «каждому — свое» и т.п. Однако это представление о справедливости нуждается в объяснении, призванном выявить его практическое социальное содержание. Ука-

занные же максимы и определения такого объяснения не дают: в них выражается главным образом идея возмездия, воздаяния.

Наказание и общественные отношения. Существенной стороной проблемы соответствия наказания преступлению и следования наказания за преступлением является, на наш взгляд, то, что если преступление есть общественно опасная деятельность отдельных лиц, то наказание за него есть общественно полезная деятельность государства, выражающая его ответ на преступление. Чтобы этот ответ был «существенным», он должен иметь своим содержанием возмещение причиненного преступлением вреда. Поскольку преступление есть нарушение общественных отношений, причиненный им вред следует искать именно в этой сфере и здесь же следует искать возможность его возмещения. Если считать, например, что причиненный преступлением вред выражается в дезорганизации общественных отношений, то наказание призвано восстановить их.

Юридическое определение наказания должно отражать то, что государство поручает выполнение такой деятельности суду, который осуществляет ее на основе уголовного закона, определяющего полномочия суда в области отнесения действий к числу преступлений и назначения наказаний за них. Эти соображения построены на мысли, что общественные отношения представляют собой систему, которая, как и всякая другая система, находится в состоянии упорядоченности или стремится вернуться в такое состояние, если она нарушена. По словам Маркса, «урегулированность и порядок являются именно формой общественного упрочения данного способа производства» [2]. Это и понятно, поскольку общественные отношения каждой данной общественно-экономической формации состоят из множества элементов, находящихся в отношениях и связях друг с другом и образующих определенную целостность, единство. Эти элементы «необходимо оказываются зависимыми друг от друга, поскольку каждый может существовать лишь как отдельная функция всего общественного организма» и вне такой связи утрачивает свою специфическую самостоятельность» [3]. Отсюда — и такие характерные особенности общественных отношений, как принципиальная несводимость свойств их системы к сумме свойств составляющих ее элементов, невыводимость из этих последних свойств системы, а также зависимость каждого элемента от его места внутри нее. Разумеется, и в сфере общественных отношений возвращение нарушенной системы в состояние упоря-

доченности может происходить и «само по себе», под действием объективных факторов, без вмешательства со стороны, в частности права. Так, нарушенная общественно опасным деянием система общественных отношений может вновь упорядочиться в результате истечения после совершения преступления более или менее длительного времени. И здесь регулирующая, упорядочивающая роль права заключается «всего лишь» в формализации института давности и в установлении условий его действия. Однако в ряде случаев именно право с его свойствами устойчивости правовой нормы, определенности и, поэтому предвидимости последствий нарушения нормы представляет собой средство наиболее активного «надстроечного» вторжения в процесс упорядочения системы, в частности, в интересах контролируемого ускорения процесса и усиления его целенаправленности. Это в полной мере относится и к уголовному праву, где методом, средством такого вторжения является применение наказания.

В связи с этим возникает вопрос о социально-психологическом механизме действия угрозы наказанием в законе. Некоторые детали механизма достаточно очевидны. Так, устанавливая наказания, подлежащие применению к совершившим преступления лицам, закон вооружает суд возможностью применить наказание, когда преступление совершено. Каждый акт применения наказания судом, помимо определенного воздействия на преступника, подтверждает реальность угрозы наказанием и таким путем оказывает общепредупредительное воздействие. Иными словами, каждый такой акт не только восстанавливает нарушенные, но и организует иные общественные отношения, приближаясь в этом аспекте к угрозе наказанием, которая содержится в самом законе. Но в то же время очевидно, что в механизме действия этой угрозы, как и при применении наказания судом в части общепредупредительного значения такого акта, общественно полезной деятельности государства не противостоит какая бы то ни было общественно опасная деятельность: ввиду отсутствия преступления и преступника, угроза наказанием, содержащаяся в законе, не является в строгом смысле слова карой; она никого не исправляет и не перевоспитывает, а только предупреждает совершение преступлений лицами, чье поведение регулируется угрозой.

«Карательная деятельность» государства как метод борьбы с преступностью может быть теперь определена как: 1) организация общественных отношений, когда речь идет об угрозе наказанием, ад-

ресованной лицам, способным без такой угрозы совершить общественно опасное деяние, или о применении наказания как акта подтверждения реальности этой угрозы; 2) восстановление общественных отношений, когда речь идет о применении наказания к их нарушителям. На этой основе может быть построено более полное юридическое определение наказания, включающее наряду с механизмом действия самого наказания и более сложный и, мы полагаем, более важный механизм действия его угрозы; этот механизм почти не отражен в действующем законодательстве.

Социальное содержание и социальное назначение кары. Мы далеки от мысли «физиологизировать» преступление и видеть в готовности совершить его проявление физиопсихических процессов, подобных тем, которые характерны, например, для алкоголизма и никотинизма. И все же заслуживает внимания то обстоятельство, что эти явления, имеющие, кстати говоря, социальную первооснову, невозможно преодолеть посредством одного только или главным образом интеллектуального давления: плакат о том, что введение человеку нескольких капель никотина может вызвать смерть, люди читают, нередко держа в зубах сигарету. В системе мер борьбы с такими явлениями важное место занимают всякого рода средства, внушающие чувство отвращения к никотину. Психологи также знают, что опыт, приобретенный в результате получения травмы, значительно более прочен и в большей мере определяет дальнейшее поведение человека, чем опыт, приобретенный им в результате испуга по поводу травмы, которой он избежал, или, тем более, информации о возможной травме.

Общественное сознание, возможно, раньше, чем наука психология, пришло к выводу, что стремлению людей к удовлетворению своих потребностей неэтичными средствами нельзя противопоставлять одни только словесные призывы к приличному, законопослушному поведению. В ряде случаев и здесь надо «власть употребить», а в области уголовного права — не просто объяснять вору или насильнику, что так поступать нехорошо, а заставить его посредством страдания ощутить, пережить, «прочувствовать» неправильность своего поведения. Само существование преступности есть доказательство того, что как бы мы ни представляли себе психологию людей будущего, когда роль сознания при разрешении проблем, не допускающих автоматического и бессознательного решения, неизмеримо возрастет, сегодня во многих людях голос сознания звучит слабо. У людей такого типа интеллект зачастую играет роль

средства не столько познания социальной действительности, сколько ее приспособления к своим «интересам». Спекулируя на правильном, в общем, положении, что поведение людей есть результат главным образом внешних воздействий, на положении, которое находит отражение в уголовном законе в виде признания существования смягчающих обстоятельств и в виде их перечня, изобретательный интеллект выдвигает подчас широкую «психологическую защиту», «нейтрализуя» или «рационализируя» скверные поступки ссылками на всякого рода обстоятельства, оправдывающие или по крайней мере объясняющие их.

Несмотря на то, что закон вот уже в течение десяти с лишним лет признает опьянение отягчающим обстоятельством, многие лица до сих пор, рассуждая по формуле «да, но...», ссылаются на это обстоятельство как на долженствующее смягчить их ответственность. Именно в «эффекте нейтрализации» следует искать одну из причин того, что многие осужденные (по данным В.А. Елеонского — до 70%) считают несправедливыми меру наказания или даже само осуждение [4]. Предполагаемое карой страдание есть важное и ничем не заменимое средство усиления «голоса сознания» путем воздействия на ту самую эмоциональную сферу, которая до этого приглушала его. Именно этим объясняется, в частности, «универсальность» лишения свободы, предусматриваемого и назначаемого за самые различные преступления: будучи само по себе тяжким наказанием, лишение свободы может заставить виновного ощутить неправильность своего поведения и при краже, и при хулиганстве, и при спекуляции.

Элементы общественной полезности наказания. Выше было подчеркнуто, что наказание есть ответ государства на преступление, который, чтобы быть существенным, должен иметь своим содержанием возмещение причиненного преступлением вреда. Нам предстоит теперь конкретизировать эти положения. Наказание не возвращает к жизни убитого, оно не лечит причиненных телесных повреждений. Наказание, примененное за вред, причиненный потерпевшему или предмету преступления самим по себе, более или менее безотносительно к произведенной преступлением дезорганизации общественных отношений, является «голым воздаянием», лишенным социальной основы. Всегда назначаемое «за», наказание неизменно применяется и «для»¹. Оно существует и действует только

¹ Вопрос о наказании не только за то, что человек совершил преступление, но и для того, чтобы и другие лица не совершали преступных деяний, подробно освещен в книге И.И. Карпеца о наказании [5].

в этом единстве. Проблема «за» в первую очередь касается учения о преступлении; проблема «для» представляет первоочередный интерес для учения о наказании.

Тем не менее в соответствии с положениями, подробно развитыми выше, содержательное раскрытие общественной полезности кары может быть получено только на основе достаточно ясного представления о том, в чем заключается в сфере общественных отношений общественная опасность преступления; иными и более точными словами — в чем выражается их производимая преступлением дезорганизация. Нам представляется, что дезорганизация проявляется по меньшей мере в четырех направлениях, которые можно условно обозначить как четыре элемента общественной опасности преступления. Соответственно и параллель мы попытаемся определить как элементы общественной полезности кары.

Первым элементом общественной опасности преступления является нарушение им упорядоченности системы общественных отношений и социально-психологического порядка в обществе. Подобно техническому механизму, функционирование которого зависит от безотказной работы его отдельных деталей в их взаимодействии, функционирование механизма общественных отношений определяется тем, как ведут себя его составные части, в частности отдельные лица или группы лиц. Содействующее функционированию этого механизма поведение людей выражается в совершении ими ожидаемых от них обществом действий и в их воздержании от действий, не желательных для общества. Когда речь идет о поддающемся правовому регулированию поведении людей в важных сферах общественной жизни, оно в соответствующих случаях определяется уголовным законом и внедряется в практику жизни с помощью наказания или угрозы им. Такова объективная социальная сторона явления, которое мы назвали социально-психологическим порядком.

Его другая, субъективная, психологическая сторона заключается в том, что общество, обманутое в своем ожидании определенного поведения граждан, не остается к этому равнодушным. Общественное сознание дезорганизуется преступлением примерно в той же мере, в какой оно дезорганизует социальный порядок, и поэтому общество, естественно, ожидает от своего представителя — государства принятия ответных мер. Если не считать особых ситуаций, связанных с истечением после совершения преступления длительного времени, общество не «успокаивается» до тех пор, пока не приняты такие меры. Это состояние общественного сознания хорошо выра-

жено в ст. 2 УПК РСФСР, которая ставит перед судопроизводством задачу быстрого и полного раскрытия преступлений, изобличения виновных и обеспечения «правильного применения закона с тем, чтобы каждый совершивший преступление был подвергнут справедливому наказанию...».

Важнейший элемент общественной полезности наказания, его существеннейшая интегративная цель заключаются поэтому в том, что применение наказания есть способ возвращения нарушенного социально-психологического порядка в упорядоченное состояние, есть метод его восстановления. В результате применения наказания состоявшееся нарушение как бы «погашается» как в социальной действительности, так и в общественном сознании. Чтобы убедиться в том, что дело обстоит таким образом, достаточно представить себе ситуацию, при которой этого не происходит. Тогда каждое нарушение социального порядка будет оставлять в нем ничем не заполненную «пустоту» и, таким образом, создавать в сфере общественных отношений состояние тревожной неопределенности и неустойчивости: при взяточничестве не только не будут аннулированы ни факт получения должностным лицом частного вознаграждения за служебное действие, ни само это его действие, если оно было совершено, но такого рода практика предстанет как явление повседневной служебной рутины. В сфере общественного сознания подобное положение может колебать престиж государства, порождать недоверие к государственной власти и ее установлениям, к ее способности обеспечивать общественный порядок как необходимую предпосылку нормальной жизнедеятельности общества.

Второй элемент, или второе направление, общественной опасности преступления мы видим в нарушении им индивидуально-психологического порядка. Конкретно речь идет о том, что преступление вызывает у людей тревогу, беспокойство, страх. Это особенно относится к преступлениям против личности в широком смысле слова, таким, как убийство, нанесение тяжких телесных повреждений, изнасилование, кража, грабеж, разбой, хулиганство, бандитизм и некоторым другим. Можно утверждать, что любое из них, взятое само по себе, несет частицу той тревоги и того беспокойства, которые при более широком распространении преступности определенного вида получают ощутимые размеры. Поэтому в отношении данного элемента общественная полезность наказания выражается в том, что каждый акт его применения содействует устранению в умах граждан тревоги и беспокойства за благополучие — свое собственное и близ-

ких людей, за свою и их жизнь, здоровье, душевное спокойствие, имущество, жилище.

Третий элемент общественной опасности преступления, до тех пор пока преступник не подвергнут наказанию, — отрицательный пример, который оно подает морально не устойчивым лицам. Если преступное поведение есть вид поведения вообще, на него распространяются общие закономерности этого последнего, и среди них — подражательность поведения как один из способов приобретения социального опыта. Подобно тому как у ребенка, который в ходе общения со взрослыми повторяет их действия и произносимые ими слова, подражание «есть один из основных путей в культурном развитии» [6]. Подражание уже не действиям, а поступкам людей, авторитетных в глазах подражающего, есть важный способ приобщения молодых и вообще податливых на внешнее воздействие людей к той или иной системе социальной ориентации. «С кем поведешься, от того и наберешься», — гласит русская поговорка, и это приобретает особое значение, если учесть, что способность поступка вызывать подражание прямо пропорциональна его результативности. Как и всякий принцип человеческого поведения, мораль практична, и если социальный опыт учит людей тому, что использование моральных или, продолжая эту линию рассуждений, легальных средств не дает желаемого результата, тогда приобретшие такой опыт люди обращаются к аморальным или нелегальным средствам. При таких условиях социальная формула правопорядка: «Преступление себя оправдывает» становится благочестивой сентенцией и на ее место на практике приходит формула: «Преступление себя оправдывает». Между тем составной частью этого опыта являются поведение и те или иные результаты поведения других людей, будь то члены «малой группы» или представители «большого общества», особенно находящиеся на виду.

В социалистическом государстве законность не противоречит целесообразности не только на государственном уровне, но и на уровне жизни отдельных граждан. И на том, и на другом уровне использование закона и санкционированных законом средств является наиболее эффективным, практически оправданным методом достижения успеха. В соответствии с Конституцией СССР «Советское государство, все его органы действуют на основе социалистической законности...» (ст. 4). Именно поэтому одной из высших задач правовой пропаганды в нашей стране является распространение понимания гражданами того, что соблюдение законов — не

только их государственная обязанность, но и самый эффективный способ организации ими своей жизни и ведения своих дел. Потому советская печать и не стремится привлекать внимание общественности к «загадочным» или «исключительным» по тем или иным основаниям преступлениям. Она обращается к темам «уголовной хроники» лишь в тех случаях, когда есть возможность на конкретных примерах показать, что «преступление себя не оправдывает», что преступления раскрываются, а преступники разоблачаются и наказываются.

Здесь мы видим доступный для средств массовой информации способ подтверждения реальности угрозы наказанием в уголовном законе — способ решения своими средствами той же задачи, которую суд решает каждым актом применения наказания. С интересующей нас сейчас точки зрения, морально не устойчивые лица — те, кто не совершает преступлений только потому, что боится наказания, исходит из того, что «преступление себя не оправдывает». Поэтому чем больше в их представлении связанный с преступлением риск или, при одинаковом риске, чем более суровым является наказание, тем слабее у них готовность совершить преступление. Каждый акт применения наказания за совершенное преступление содействует ослаблению такой готовности, и в этом смысле ненаказанное преступление и наказанное выступают как своего рода противоположности: ненаказанное преступление как отрицательный, а наказанное — как положительный пример. При чем следует иметь в виду, что круг морально не устойчивых граждан в указанном выше смысле — не абсолютная категория. Его границы определяются так или иначе в зависимости не только от условий жизни людей, но и от их представлений о реальности угрозы наказанием, содержащейся в законе: видя, что преступления остаются безнаказанными, люди, которым мысль о совершении преступления никогда не приходила в голову, могут начать подумывать об этом...

Четвертый элемент общественной опасности преступления мы назвали бы «самозаявлением» лица о своей опасности для общества. Человек, раз пренебрегший угрозой наказанием, то ли в расчете на безнаказанность (по данным А. И. Марцева среди совершивших преступления таких лиц 34%), то ли потому, что он не думал о наказании или относился к нему безразлично (36%) [7], может и другой раз поступить подобным образом. Это относится и к неосторожным преступлениям — с той особенностью, что в таких случаях виновный

не проявляет осторожности, необходимой для того, чтобы предотвратить предвиденные им вредные последствия своих действий, или для того, чтобы предвидеть их (и, эвентуально, избежать), когда он должен был и мог это сделать.

Если от отвлеченных соображений на данную тему обратиться к повседневным наблюдениям, то и они подсказывают нам, что особое чувство (настороженности? тревоги? страха?), которое мы испытываем при общении с преступниками в местах лишения свободы или, после отбытия ими наказания, на воле, проистекает от ощущения того, что своим прошлым поведением они заявили о своей опасности для общества. Определенные правоограничения, вызванные наличием судимости, в частности при поступлении на работу, связанную с материальной ответственностью, имеют, на наш взгляд, не карательный, а «предохранительный» характер: лицо, совершившее, например, хищение, тем самым заявило о своей способности при случае совершить преступление еще раз, и мы стремимся не предоставлять ему такого «случая». Опасение, которое мы испытываем, садясь в машину к человеку, «зарекомендовавшему» себя в прошлом совершением ряда аварий, имеет то же происхождение.

Этот элемент общественной опасности преступления нейтрализуется, погашается наказанием в двух направлениях. Одно из них проявляется в принятии мер, направленных к тому, чтобы лишить преступника возможности или затруднить ему возможность совершать новые преступления. Наиболее ярко это выражается в лишении свободы. Однако это относится и к наказаниям, связанным с ограничением свободы (ссылка и высылка), и к такому наказанию, как лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. Сам факт градации сроков различных наказаний, в первую очередь лишения свободы, в зависимости от относительной тяжести преступления или вида преступления выражает не только требования справедливости, но и стремление законодателя и суда обезопасить общество от более опасного преступника на более длительный срок.

Тот же момент отчетливо проявляется в Указах Президиума Верховного Совета СССР от 8 февраля 1977 г., в частности в тех их положениях, которые относятся к условному осуждению к лишению свободы и к условному освобождению из мест лишения свободы с обязательным в том и другом случае привлечением осужденного к труду [8, 9]. И там, и здесь положительное решение вопроса, в част-

ности, зависит от учета возможности исправления и перевоспитания осужденного «без изоляции от общества, но в условиях осуществления за ним надзора» (ст. 22² и 44² Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик). О том, что этот надзор имеет и «предохранительный» от новых преступлений характер, свидетельствует не только здравый смысл, но и прямое указание новой ст. 39² Основ исправительно-трудового законодательства Союза ССР и союзных республик о том, что если условно осужденный или условно освобожденный нарушит трудовую дисциплину, общественный порядок или правила регистрации, то органы внутренних дел могут запретить ему на срок до 6 месяцев проживание вне общежития, уход из него в определенное время, а также пребывание в определенных местах.

Другое направление, в котором наказание погашает рассматриваемый нами элемент общественной опасности преступления, выражается в карательном воздействии на преступника. Ограничимся здесь кратким замечанием: лицо, заявившее о своей опасности для общества фактом совершения преступления, должно быть подвергнуто карательному воздействию, призванному устранить эту опасность путем исправления преступника.

Проявлением подвижности интересующих нас соотношений является возможная неравнозначность отдельных элементов системы. Подобно тому как для наличия состава преступления необходимы наличие всех его элементов, его общественная опасность, то общественная полезность наказания также предполагает наличие всех элементов этих «составов». Однако в составе преступления его объект играет особую роль, определяя его политическое содержание и отсюда — юридическую форму. Подобно этому, в составе общественной опасности дезорганизация социально-психологического порядка играет важнейшую роль — хотя бы потому, что указанный порядок имеет всеобщее значение. Точно таким же образом в составе общественной полезности наказания важнейшее значение приобретает, по тому же основанию, восстановление этого порядка. Данное положение имеет практическое значение. Если представить себе что наказание почти не достигает цели общего предупреждения или же не достигает ее в конкретном случае, то и тогда оно сохраняет общественную полезность, поскольку им достигается только что указанная всеобщая цель. И мы не видим ничего противоестественного в том, что лицу, совершившему тяжкое преступление, суд назначает суровое наказание, отдавая себе отчет в том, что по обстоятельствам дела

виновный не нуждается ни в длительной изоляции от общества, ни в интенсивном карательном воздействии. На наш взгляд, в случаях такого рода нет почвы для соображений о недопустимости трактовки человека как «средства», в отличие от «цели», или о том, что здесь виновный приносится в жертву общественному порядку, становится его «мучеником» [10]. Решающее значение в этих случаях имеет то, что наказание и здесь направлено к достижению своих важнейших целей и достигает их.

Высказанные положения применимы и к решению ряда специальных вопросов уголовной ответственности, например вопроса об основаниях ответственности за вред, причиненный по небрежности. Трудности его решения с позиций специального предупреждения общеизвестны. Их суть заключается в отсутствии осязаемой психической связи между результатом и внутренним содержанием действий лица, не предвидевшего возможность его наступления. С учетом этого еще труднее объяснить градацию наказания в зависимости от характера или размеров причиняемого вреда, зачастую зависящих не от свойств поведения виновного, а от случайного сочетания обстоятельств. С позиций же общественного сознания дело обстоит иначе. Не искушенное в вопросах ответственности и вины, оно кое-как мирится с безнаказанностью случайного причинения, но категорически считает «виновными» тех, кто причинил вред по небрежности. Именно это лежит в основе положений ст. 211 УК РСФСР, третья часть которой для случаев, когда нарушение безопасности движения повлекло гибель нескольких лиц, предусматривает, как за особо тяжкое преступление, лишение свободы на срок до 15 лет.

Исследование проблемы уголовного наказания предполагает рассмотрение этого явления в его взаимодействии как с другими методами социального контроля, так и с теми формами человеческой деятельности в системе общественного поведения людей, на которые наказание призвано воздействовать, — с их общественно опасной, преступной деятельностью. В первом отношении в наказании должны быть выявлены его родовые и видовые черты — стоящие перед ним интегративные, организационные и операциональные карательные задачи и цели. Во втором отношении необходимо обнаружить содержательную зависимость наказания от преступления, определяемую его практическим социальным назначением — быть не только наказанием «за», но и наказанием «для» достижения указанных целей [5]. Естественно, многообразие причиняемого преступлением со-

циального вреда отвечает многообразие приносимой наказанием социальной пользы. И этот вред, и эта польза, иными словами, общественная полезность наказания в ее конфронтации с общественной опасностью преступления, не могут быть в полной мере выявлены традиционными методами юридического анализа. Напротив, исследование таких явлений с необходимыми «выходами» за рамки положений действующего уголовного законодательства может содействовать обогащению наших представлений о преступлении и наказании и практическому совершенствованию соответствующих юридических норм.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Маркс К.* Смертная казнь. — Памфлет г-на Кобдена. — Мероприятия английского банка. — *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 8, с. 531.
2. *Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии. Том третий. — *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 25, ч. II, с. 356.
3. Эффективность действия правовых норм. М., 1977, с. 19.
4. *Елеонский В. А.* Отношение осужденных к наказанию. Рязань, 1976, с. 122.
5. *Карпец И. И.* Наказание: социальные, правовые и криминологические проблемы. М., 1973, с. 145 и сл.
6. *Выготский Л. С.* Развитие высших психических функций. М., 1960, с. 179.
7. *Марцев А. И.* Общая превенция преступлений. — Правоведение, 1970, № 1, с. 73.
8. Ведомости Верховного Совета СССР, 1977, № 7, ст. 116, 118, 120, 121.
9. Ведомости Верховного Совета СССР, 1977, № 8, ст. 137.
10. *Анденес И.* Наказание и предупреждение преступления. М., 1979, с. 156–169.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
ОБЪЕКТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПО СОВЕТСКОМУ УГОЛОВНОМУ ПРАВУ	13
Введение	13
ГЛАВА I СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЕ ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ КАК ОБЪЕКТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ	17
§ 1. Постановка вопроса и общее решение	17
§ 2. Содержание понятия охраняемого уголовным правом общественного отношения	34
А. Участники общественного отношения.....	34
Б. Отношения между участниками	56
В. Условия реализации отношений. Классификация объектов.....	96
§ 3. Об объекте и «предмете» преступления	108
ГЛАВА II ЗНАЧЕНИЕ ОБЪЕКТА ДЛЯ ХАРАКТЕРИСТИКИ ДРУГИХ ЭЛЕМЕНТОВ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ДЛЯ КВАЛИФИКАЦИИ ДЕЙСТВИЙ, ВМЕНЯЕМЫХ В ВИНУ	118
§ 1. Объект и объективная сторона преступления	118
А. Постановка вопроса и общее решение	118
Б. Обоснование общего решения	135
1. Посягательства на социалистическую и личную собственность	135
2. Должностные преступления.....	151
§ 2. Объект и субъективная сторона преступления.....	165
А. Постановка вопроса и общее решение	165
Б. Обоснование общего решения	168
1. Умысел.....	168
2. Цель.....	179
СУБЪЕКТИВНАЯ СТОРОНА В «ФОРМАЛЬНЫХ» ПРЕСТУПЛЕНИЯХ	197
НАКАЗАНИЕ И ЕГО ЦЕЛИ	209
Литература	222

Борис Сергеевич Никифоров

ИЗБРАННОЕ

Оригинал-макет подготовлен
Юридической фирмой «КОНТРАКТ»

Подписано в печать 25.08.2010.
Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Гарнитура NewtonС.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 14,0. Уч.-изд. л. 14,68.
Тираж 500 экз.
Заказ № 3508.

Юридическая фирма «КОНТРАКТ»
113035, Москва, ул. Садовническая, д. 74, стр. 1
Тел./факс: (495) 953-04-44, 953-16-77
E-mail: hinchukv@mail.ru

Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации

